

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

- Красильников О. Ю.** Эффективность структурной динамики экономической системы 5
- Пугачёв И. О., Черемисинов Г. А.** Воздействие государства на формирование колебаний экономической конъюнктуры 10
- Сенокосова О. В.** Экономическое пространство рынка труда 16
- Порезанова Е. В.** Ограничения и эффекты неиндустриальной модернизации промышленных предприятий в России 21
- Челнокова О. Ю., Фирсова А. А.** Взаимодействие университета, бизнеса и государства как фактор развития региона в национальной инновационной системе 26
- Сушкова И. А., Калашников И. Б.** Отношения собственности в процессе новой индустриализации российской экономики 32
- Яксанов Д. С.** Теоретические основы конкурентоспособности на современном этапе 41
- Фенин К. В., Черемисинов Г. А.** Региональные аспекты устойчивого развития российской экономики 46

Управление

- Батаева Б. С., Вавилина А. В.** Корпоративная прозрачность, **СТАТЬЯ ОТОЗВАНА 01.09.2021** корпоративная социальная ответственность и корпоративное управление 54
- Акчурин А. И., Плотников А. Н.** Модель формирования системы управления инновационно-инвестиционными проектами на базе аксиом и стандартов 60
- Макаров В. Ю.** Проблемы банковского кредитования 68
- Андреев А. В.** Способы укрепления конкурентной позиции молокоперерабатывающих предприятий на региональном уровне 71
- Балаш О. С.** Пространственное моделирование темпов роста численности населения городов России 80
- Землянухина Н. С.** Влияние социально-экономических льгот на реализацию концепции достойного труда на региональном уровне 87
- Пчелинцева Л. Б.** Роль рыночных мультипликаторов в сбалансированной системе показателей стратегического контроллинга 91
- Выгодчикова И. Ю.** О применении минимаксной модели для рационализации расходов потребителя 96

Право

- Куренкова О. Н.** Сроки обращения в суд: препятствия к защите прав работника или способ борьбы со злоупотреблением правом 101
- Нудненко П. В.** Принципы справедливости и равенства в сфере административной ответственности 105
- Деманова С. В.** Электронное обучение в вузе как фактор развития государственной образовательной политики в регионах 110
- Бурданова А. С.** Место предпринимательской свободы в конституционной модели экономики в России и Германии 115

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36012, раздел 42 «Экономика. Статистика». Журнал выходит 4 раза в год.

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 10.03.2014.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,72 (14,75).
Тираж 500 экз. Заказ 11.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах, названии, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, referenes в одном документе; 2) внешнюю для автора рецензию на статью, заверенную в установленном порядке, содержащую оценку актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости, научного уровня статьи, критику, рекомендации; 3) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований в системе «Антиплагиат»; 4) договор на издание и предоставление права использования произведения и акт выполненных работ. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора и оригинала внешней рецензии (в деканате экономического факультета или по почте). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Методика исследования, Экспериментальная часть, Обсуждение результатов, Выводы, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@rambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: ответственный секретарь Серии: Фирсова Анна Александровна: 89172153959, деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS**Scientific Part****Economics**

- Krasilnikov O. Yu.** The Effectiveness of Structural Dynamics Economic System 5
- Pugachev I. O., Cheremisinov G. A.** The Impact of the Government on the Formation of Fluctuations of Economic Conjuncture 10
- Senokosova O. V.** Economic Space of the Labour Market 16
- Porezanova E. V.** Restrictions and Effects of Neoindustrial Moderni-Zatsii of the Industrial Enterprises in Russia 21
- Chelnokova O. Yu., Firsova A. A.** Interaction of the University, the Business and the State as a Factor of the Regional Development in the National Innovation System 26
- Sushkova I. A., Kalashnikov I. B.** The Property Relations in the Course of the New Industrialization of the Russian Economy 32
- Yaksanov D. S.** Theoretical Basis of Competitiveness at the Present Stage 41
- Fenin K. V., Cheremisinov G. A.** Regional Aspects of Sustainable Development of Russian Economy 46

Management

- Bataeva B. S., Vavilina A. V.** Corporate Transparency, Corporate Social Responsibility and Corporate Governance **Retracted 01/09/2021** 54
- Akchurin A. I., Plotnikov A. N.** Model Management System Forming Innovation and Investment Projects on the Basis of Axioms and Standards 60
- Makarov V. Yu.** Problems of Bank Lending 68
- Andreev A. V.** Ways to Strengthen the Competitive Position of Milk Processing Enterprises at the Regional Level 71
- Balash O. S.** Spatial Modeling of Population Growth Rate of Russian Cities 80
- Zemlyanukhina N. S.** Effect of Socio-economic Benefits on Implementation of the Concept of Decent Work at the Regional Level 87
- Pchelintseva L. B.** Role Market Multiples in Balanced Scorecard Strategic Controlling 91
- Vigodchikova I. Yu.** On the Application of the Minimax Model for Rationalization Expenses of the Consumer 96

Law

- Kurenkova O. N.** Terms Appeal to the Court: Obstacles to the Protection of Employee or a Way to Fight the Abuse of Rights 101
- Nudnenko P. V.** The Principles of Justice and Equality in the Area of Administrative Responsibility 105
- Demanova S. V.** Electronic Education in a High School as a Factor of the Development of the State Education Policy in the Regions 110
- Burdanova A. S.** Place of the Business Liberty in Constitutional Model of the Economy in Russia and Germany 115

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

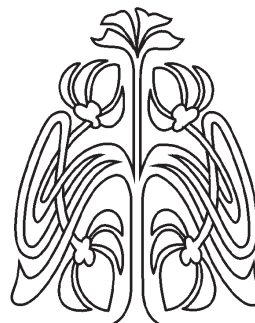
Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

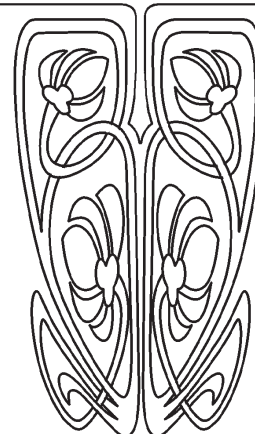
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

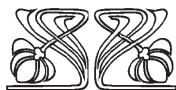
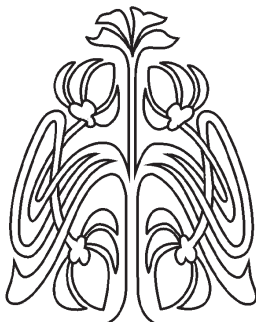
Балаш Ольга Сергеевна, кандидат эконом. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

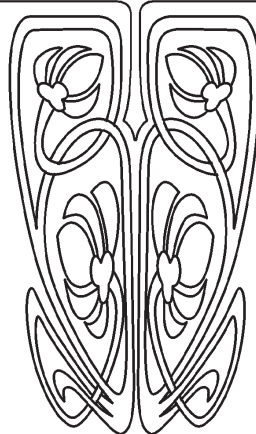
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Фирсова Анна Александровна, доктор эконом. наук, доцент (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Члены редакционной коллегии:

- Балаш Владимир Алексеевич, доктор эконом. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Бенойт Уильям, Ph.D, доктор политологии, профессор (Огайо, США)
 Гаврланд Богумил, доктор, профессор (Прага, Чехия)
 Ермазова Наталия Борисовна, Ph.D, доктор эконом. наук, профессор (Иллинойс, США)
 Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Козин Михаил Николаевич, доктор эконом. наук, профессор (Москва, Россия)
 Красильников Олег Юрьевич, доктор эконом. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Лхагвадори Ариунаа, Ph.D, доктор философии, профессор (Уланбатор, Монголия)
 Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор эконом. наук, профессор (Пермь, Россия)
 Муравьев Николай Васильевич, Ph.D, MBA, кандидат эконом. наук (Алма-Ата, Казахстан)
 Носов Владимир Владимирович, доктор эконом. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Орехова Елена Анатольевна, доктор эконом. наук, профессор (Волжский, Россия)
 Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
 Стойлова Десислава, Ph.D, доктор философии, профессор (Благоевград, Болгария)
 Трубицына Тамара Ивановна, доктор эконом. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
 Черемисинов Георгий Александрович, доктор эконом. наук, доцент (Саратов, Россия)
 Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
 Эретин Сефика Шуле, Ph.D, доктор философии, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

Editor-in-Chief – Balash O. S. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Firsova A. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash V. A. (Saratov, Russia)	Orehkova E. A. (Volgskii, Russia)
Benoit W. (Ohio, USA)	Razgeldeev N. T. (Saratov, Russia)
Havrland B. (Prague, Czech Republic)	Sinyukova T. V. (Saratov, Russia)
Ermazova N. B. (Illinois, USA)	Stoilova D. (Blagoevgrad, Bulgaria)
Zemlyanukhin A. I. (Saratov, Russia)	Trubitsina T. I. (Saratov, Russia)
Kozin M. N. (Moscow, Russia)	Khrustaluv V. N. (Saratov, Russia)
Krasilnikov O. U. (Saratov, Russia)	Tsibulevskaya O. I. (Saratov, Russia)
Lkhagvadorj A. (Ulaanbaatar, Mongolia)	Cheremisinov G. A. (Saratov, Russia)
Mingaleva Z. A. (Perm, Russia)	Shugrina E. S. (Moscow, Russia)
Mouraviev N. V. (Almaty, Kazakhstan)	Erçetin Ş. Ş. (Ankara, Turkey)
Nosov V. V. (Saratov, Russia)	

ЭКОНОМИКА

УДК 330.341.4

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О. Ю. Красильников

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики,
Саратовский государственный университет
E-mail: ok-russia@yandex.ru

Введение. В статье рассмотрены вопросы эффективности структурных изменений экономики. Проводится различие между понятиями эффективности и оптимальности экономической структуры. **Теоретический анализ.** Автор рассматривает понятия эффективности структурных сдвигов и эффективности самой экономической структуры. Проанализированы показатели структурной эффективности. Исследована противоречивость различных показателей эффективности динамики хозяйственной структуры, их взаимосвязь с процессами прогрессивного развития и роста национальной экономики. **Результаты исследования.** Делается вывод о неоднозначности влияния структурных изменений на экономику, которое может быть как позитивным (если обновление производства осуществляется на основе прогрессивных структурных преобразований), так и негативным (если развитие происходит за счет роста доли отсталых отраслей и секторов национального хозяйства).

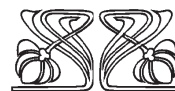
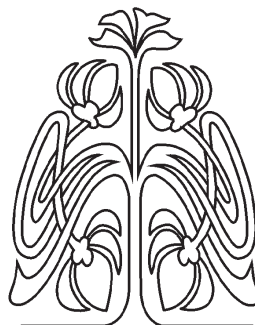
Ключевые слова: структурные сдвиги в экономике, эффективность структурных изменений, эффективность экономической структуры, оптимальность, показатели эффективности структурной динамики.

Введение

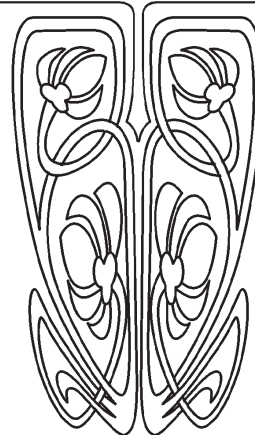
Категория экономической эффективности выражает всеобщий закон экономии времени и представляет собой в общем виде отношение результата производства к затратам на его получение или к применяемым материальным, трудовым, финансовым ресурсам. Целью и критерием прогрессивного развития структуры экономики является рост эффективности ее функционирования. Структурные изменения могут не только увеличить или снизить эффективность экономической системы, но и в ряде случаев никак не влиять на ее состояние. Относительная нейтральность структурных изменений объясняется взаимным погашением разнонаправленных сдвигов в распределении факторов производства на среднюю величину показателей эффективности. Однако в целом систему структурных изменений правомерно считать специфическим фактором динамики эффективности функционирования экономики.

Исследования показали, что для каждого вида экономической деятельности в определенный момент времени существуют оптимальная организация и размеры хозяйственных элементов, а также межхозяйственных связей, финансовых и материальных потоков, в результате чего достигаются органическое слияние человеческого и вещественного факторов производства, эффективное функционирование всех звеньев экономической системы.

Известный теоретик организационно-производственного направления в российской экономической мысли А. В. Чаянов за-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

мечал, что «в каких бы размерах ни строилось хозяйство, оно всегда имеет пропорциональность частей и известную закономерность их соотношения, свойственную каждой системе хозяйства, обусловленную технической целесообразностью и необходимостью. Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному и ощутимому понижению производительности затрат труда и капитала, так как выводит хозяйство из оптимального сочетания производственных факторов». И далее: «Для каждой системы хозяйства, учитывая местные условия, можно путем ряда организационных расчетов определить как технически наиболее целесообразное соотношение его производственных факторов, так равно и абсолютные размеры самого хозяйства, обеспечивающие наименьшую себестоимость продуктов, а следовательно, и наибольший доход» [1, с. 253, 255].

В данном случае необходимо уточнить, что понятия эффективности и оптимальности существенно отличаются друг от друга. Различие заключается в том, что не всякая оптимальная с точки зрения гармонии и пропорциональности структура хозяйства будет наиболее эффективной в тех или иных конкретных условиях (например в период экономического спада или в военное время). Однако при прочих равных условиях оптимальность хозяйственной структуры – непереносимый признак и необходимая составляющая эффективного функционирования экономической системы.

По мнению Э. П. Горбунова, с которым мы вполне согласны, «критерием оптимальности структуры экономики является соответствие распределения отдельных сфер приложения общественного труда пропорционально количественно определенным потребностям общества» [2, с. 50], или в нашей формулировке: соответствие структуры потребностей структуре размещения производственных ресурсов при данном уровне развития материально-технического базиса общества.

Теоретический анализ

Следует различать эффективность структурных изменений в экономике и эффективность самой экономической структуры [3, с. 49]. Структуру экономики следует признать эффективной, если имеют место рост объемов производства, производительности труда, фондоотдачи, снижение материалоемкости, а также соответствие производимой продукции потребностям общества. Эффективная экономическая структура призвана решать две основные задачи: способствовать выпуску широкого ассортимента продукции в соответствии с дифферен-

цированными производственными и личными потребностями и обеспечить высокие темпы экономического роста.

Исходя из цели, которую общество стремится достигнуть в процессе функционирования экономической структуры, можно принять следующие показатели ее эффективности:

- степень удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей;
- рост валового внутреннего продукта и национального дохода;
- формирование оптимальных отраслевых и региональных пропорций воспроизводства;
- увеличение прибыльности и рентабельности работы предприятий.

Конечной целью всяких структурных изменений является удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей и реализация соответствующих интересов. В то же время сама система потребностей неоднородна: ее составными частями являются материальные, духовные, социальные потребности. Специфика этих потребностей определяет их место в экономической системе как в количественном, так и в качественном аспектах. В условиях товарно-денежных отношений степень удовлетворения потребностей зависит от целой системы промежуточных показателей:

- на макроэкономическом уровне – это увеличение доли страны в мировой экономике, повышение темпов экономического роста, оптимизация систем распределения, потребления и накопления совокупного продукта, формирование оптимальной структуры воспроизводства, основных народнохозяйственных пропорций;
- на мезоуровне – это оптимизация отраслевой и региональной структур экономики в плане ликвидации аномальных диспропорций, а также структурных асимметрий, порождающих дезинтеграционные процессы;
- на микроуровне – это увеличение прибыльности и рентабельности работы отдельных предприятий (фирм), оптимизация их производственной, организационной, технологической и управленческой структур.

Конечный и промежуточные показатели эффективности экономической структуры находятся в противоречивом взаимодействии, так как не всегда рост физического и стоимостного объема валового внутреннего продукта соответствует улучшению качества структуры экономики и адекватному улучшению структуры удовлетворения потребностей и реализации интересов хозяйственных субъектов.

Основным показателем эффективности экономической структуры в народнохозяйственном аспекте является максимизация национального

дохода, поскольку его размер и характер распределения и использования предопределяют масштаб и структуру потребления, а также темпы экономического роста. В процессе экономического развития возникают определенные зависимости между величиной затрат и получаемым вследствие этих затрат результатом в форме прироста национального дохода. Величина и структура этих затрат зависят от уровня развития производительных сил и производственных отношений, а также соответствующей структуры производства и потребления.

Распределение национального дохода является, во-первых, результатом уже существующей структуры (материалоемкости и энергоемкости производства), во-вторых, условием изменения этой структуры (инвестиции). Увеличение в структуре национального дохода доли элементов (секторов, отраслей экономики), требующих относительно меньших затрат на получение единицы продукции, ограничено структурой общественных потребностей и соответствующими пропорциями между этими элементами. Данные границы расширяются, с одной стороны, благодаря взаимозаменяемости многих продуктов, а с другой – благодаря внешней торговле. Технологическая взаимозаменяемость ряда видов сырья и топлива открывает возможность выбора тех из них, производство, транспортировка и переработка которых требуют наименьших затрат общественного труда. Кроме того, взаимозаменяемость можно понимать шире. Так, увеличение запасов многих продуктов может быть достигнуто как наращиванием объемов их производства, так и увеличением производительности труда, снижением потерь при хранении, транспортировке, переработке. Следовательно, один и тот же конечный результат может быть достигнут при разной отраслевой, региональной и воспроизводственной структуре экономики.

Понятие эффективности структурных изменений в экономике несколько отличается от показателей эффективности ее структуры. Отражая динамическую составляющую структурного развития, оно показывает, насколько быстро структурные изменения достигают цели, т.е. приводят структуру размещения производственных ресурсов в соответствие со структурой изменяющихся потребностей при минимуме затрат на их осуществление. Математически данный показатель можно представить в виде отношения результата структурного сдвига в стоимостном выражении к сумме средств, необходимых для перемещения производственных ресурсов в соответствие с изменениями в структуре общественных потребностей.

В советской экономической литературе достаточно подробно описаны показатели оценки эффективности межотраслевых структурных сдвигов в экономике. Это и понятно: годы экономического планирования путем использования метода межотраслевого баланса наложили свой отпечаток на проблематику исследования структурных изменений. Не оспаривая в целом плодотворности данных способов оценки эффективности структурных сдвигов, необходимо отметить, что все они характерны для периода промышленного развития и ограниченно применимы на этапе движения от индустриального к постиндустриальному обществу.

С точки зрения теории предельной полезности структурный сдвиг в экономике только тогда эффективен, когда ведет к извлечению его субъектами при удовлетворении своих потребностей и реализации интересов максимальной предельной полезности из динамически меняющейся структуры экономической системы. Здесь на первый план выходят, прежде всего, качественные и количественные параметры структурных изменений в экономике. Эффективным является сдвиг, направление которого соответствует прогрессивным тенденциям развития экономики, при этом такие количественные показатели, как объем, скорость, интенсивность, потенциал, высоки, а время достижения цели и затраты на его осуществление минимальны.

К структурным изменениям также применимо понятие оптимальности. С использованием понятия оптимума по Парето оптимальным можно признать такое изменение в структуре экономики, которое при указанных выше параметрах оптимизирует экономическую структуру в целом, увеличивает эффективность ее функционирования и не ухудшает при этом качественных и количественных показателей ни одного из взаимодействующих с ним структурных изменений.

Проиллюстрировать все вышесказанное можно на примере изучения эффективности динамики размерной составляющей воспроизводственной структуры экономики. Она представляет собой совокупность долей и весов, которые приходится на то или иное предприятие, группу предприятий, отрасль, регион в производстве ВВП, занятости и других важнейших экономических показателях.

Так, эффективность размерной структуры производства формируется, прежде всего, под воздействием двух процессов – концентрации, обуславливающей экономию на масштабе (снижение удельных издержек за счет относительного сокращения доли условно-постоянных расходов в цене продукции), и специализации,

приводящей к опережающему росту производительности новых видов специализированного оборудования по сравнению с ростом его стоимости.

В размерной структуре, специфической для каждой отрасли региона, фиксируется результат концентрации, специализации и оптимизации размеров предприятий, а также отражаются особенности (с точки зрения объема и номенклатуры) продукции отрасли и технологии ее производства. В каждое данное время каждый вид экономической деятельности имеет свои

оптимальные размеры, при которых предприятия не только выживают, но и демонстрируют максимальную эффективность.

Следовательно, удельный вес крупных, средних и мелких предприятий в промышленности зависит от технико-экономических особенностей тех или иных отраслей. Этим во многом объясняется имевший место во многих странах эффективный структурный сдвиг в пользу предприятий малого бизнеса, сочетающих в себе преимущества новых видов индивидуального труда и организации производства (табл.1).

Таблица 1

Основные показатели развития малых предприятий в разных странах [4]

Страны	Количество малых предприятий, тыс.	Количество малых предприятий на 1000 жителей	Доля работающих в общей численности занятых, %	Доля малых предприятий в ВВП страны, %
Великобритания	2630	46,00	49,0	50–53
Германия	2290	37,00	46,0	50–54
Италия	3920	68,00	73,0	57–60
Франция	1980	35,00	54,0	55–62
США	19300	74,20	54,0	50–52
Япония	6450	49,60	78,0	52–55
Россия	836,2	5,65	9,6	10-11

Данные табл. 1 свидетельствуют, что с точки зрения количества малых предприятий и их вклада в экономику страны структура национального хозяйства России значительно отстает от подобной структуры западных стран и в этом смысле является неэффективной.

Результаты исследования

Локальные показатели эффективности экономической структуры и структурных изменений противоречат друг другу и общим показателям развития экономики. Так, эффективные изменения, направленные на структурную перестройку и диверсификацию экономики, обычно сопровождаются снижением основных макроэкономических показателей ее функционирования, так как отвлекают на свое

осуществление часть имеющихся ресурсов. В то же время не всегда структурные сдвиги, способствующие высоким темпам экономического роста, являются положительными с точки зрения направления социально-экономического прогресса. Это происходит в том случае, если рост осуществляется за счет увеличения в структуре экономики доли устаревающих и традиционных отраслей и секторов (например, доли добывающих отраслей на этапе постиндустриального развития экономики) (табл. 2). Поэтому любой вариант структурного развития должен быть теоретически обоснован с точки зрения эффективности структурных изменений и структуры экономики в целом, а также соответствия основным направлениям социально-экономического прогресса человечества.

Таблица 2

Структурные изменения отдельных секторов экономики России за 2005–2011 гг. [5, с. 385]

Показатели	Число действующих организаций (на конец года)			Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (в фактически действовавших ценах), млрд руб.		
	2005	2011	% изменения	2005	2011	% изменения
Добыча полезных ископаемых	7040	10541	+49,7	3062	8031	+162
Обрабатывающие производства	212644	237442	+11,7	8872	22802	+157

Данные табл. 2 наглядно демонстрируют неэффективную структурную динамику экономики России в 2005–2011 гг., добывающий сектор которой рос более быстрыми темпами, нежели обрабатывающие производства.

Исследование эффективности экономической структуры и эффективности структурных изменений затруднено тем, что в процессах экономического развития не все параметры экономической структуры и эффекты динамики этих параметров поддаются количественному измерению и, следовательно, не все они оказываются сопоставимыми. До настоящего времени нет, например, строгих экономических показателей, соизмеряющих качество и количество труда и продукта, степень удовлетворения общественных потребностей. Кроме того, не все эффекты структурных изменений проявляются сразу, нередки разрывы во времени (временные лаги) между самими сдвигами и их последствиями.

С методологической и практической точек зрения существенно более детальная оценка эффективности структурных изменений, так как некоторые из них могут оказывать отрицательное влияние на национальное хозяйство, поскольку при этом возможен, например, рост эффективности одного из факторов за счет другого или других. Поэтому эффективность структурных изменений необходимо рассматривать с разных точек зрения, с позиции одного или нескольких факторов, влияющих на структуру экономики. Например, при формировании эффективной структуры собственности недостаточно запустить маховик процессов разгосударствления и приватизации, необходимо подкрепить их реальными сдвигами в структуре инвестиций.

Создание эффективной структуры национального хозяйства требует такой направленности структурных изменений, чтобы наиболее полно удовлетворить общественные потребности. Следует иметь в виду и тот факт, что одна и та же потребность может быть удовлетворена при помощи различных потребительных стоимостей, что в свою очередь ведет к меньшим или большим затратам общественного труда. Эти различия в величине затрат труда создают возможности возникновения различных альтернативных вариантов структурных изменений и способов их реализации. При этом изучение механизма структурных сдвигов помогает находить оптимальные пути и методы их осуществления в целях создания эффективной экономической структуры. Управляя организационно-экономическими процессами, можно создать антикризисный механизм структурных изменений, повысить производительность труда и эффективность производства.

Список литературы

1. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М. : Экономика, 1989. 492 с.
2. Горбунов Э. П. Структура и эффективность общественного производства. М. : Мысль, 1974. 199 с.
3. Красильников О. Ю. Структурные сдвиги в экономике. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 164 с.
4. Сабликова М. С. Малый бизнес в России и за рубежом. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/327/3248> (дата обращения: 03.03.2014).
5. Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.

The Effectiveness of Structural Dynamics Economic System

O. Yu. Krasilnikov

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: ok-russia@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to the efficiency of structural changes in the economy. A distinction between the concepts of efficiency and optimality in economic structure is made. **Theoretical analysis.** The author considers the definitions of efficiency of structural changes and the effectiveness of the economic structure. The indicators of structural efficiency are analyzed. The contradiction between various indicators of the economic structure dynamics and their correlation with the processes of progressive development and growth of national economy are investigated. **Results of the research.** A conclusion about the ambiguity of the impact of structural change on the economy, which can be either positive (if the renovation of production is carried out on the basis of progressive structural changes) or negative (if the development is due to the growth of the backward sectors of the national economy) is made.

Key words: structural changes in the economy, effectiveness of structural changes, efficiency of economic structures, optimality, indicators of structural dynamics efficiency.

References

1. Chayanov A. V. *Krestyanskoe hozyaistvo* [Peasant farm]. Moscow, Economica, 1989. 492 p. (in Russian).
2. Gorbunov E. P. *Struktura i effektivnost' obshchestvennogo proizvodstva* [Structure and efficiency of social production]. Moscow, Misl, 1974. 199 p. (in Russian).
3. Krasilnikov O. Yu. *Strukturnie sdvigi v ekonomice*

[Structural shifts in the economy]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta [Saratov University Press], 2001. 164 p. (in Russian).

4. Sablikova M. S. *Maly biznes v Rossii i za rubezhom* (Small business in Russia and abroad). Available at:

<http://www.rae.ru/forum2012/327/3248> (accessed 03 March 2014).

5. *Rossisky statistichesky ezhegodnik* [Russian statistical yearbook]. 2012: stat. sb. Rosstat. Moscow, 2012. 786 p. (in Russian).

УДК 338.2; 338.1

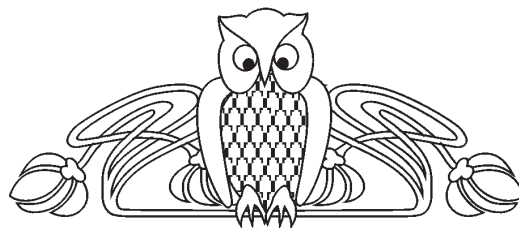
ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЕБАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

И. О. Пугачёв

аспирант кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский государственный университет
E-mail: ilya_ov@mail.ru

Г. А. Черемисинов

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский государственный университет
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

Введение. Реализация хозяйственной и регулирующей функций государственного предпринимательства определяет траекторию и качество экономического роста страны, динамику экономической конъюнктуры. **Теоретический анализ.** Проведенный в статье сравнительный анализ экономик США и России показал исключительную роль правительства в реформировании хозяйственного механизма и формировании колебаний экономической конъюнктуры. Среднесрочный ритм циклических колебаний экономической конъюнктуры США последних десятилетий характеризовался тремя последовательными финансовыми пузырями: в 1986 г. лопнул «мыльный пузырь» в сфере недвижимости, в 2000 г. – финансовый пузырь на рынке высокотехнологичных компаний, в 2008 г. лопнул перегретый ипотечный рынок США, спровоцировав мировой экономический кризис. Изучение макроэкономической динамики России в 1991–2009 гг. показывает, что в нашей экономике, так же как и в американской, происходили процессы дерегулирования, которые сопровождались усилением государственного предпринимательства. Схожи и хронологические рамки циклических колебаний экономической конъюнктуры с кризисами 1998 и 2007 гг. Подобно американским, российские циклы имели среднесрочный характер. Но если экономика США эволюционно переходила с одной ступени экономического развития на другую в форме надувания и схлопывания финансовых пузырей, то российское хозяйство эволюционировало в режиме революционного слома социально-экономической системы. **Заключение.** Изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного предпринимательства, сопровождались переменами в хозяйственном законодательстве, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, колебаниях конъюнктуры экономик США и Российской Федерации. **Ключевые слова:** государственное предпринимательство, макроэкономическая динамика, колебания конъюнктуры, экономическая политика, дерегулирование.

Введение

Воздействие государства как субъекта хозяйствования на национальную экономику осуществляется двумя основными способами: посредством ведения хозяйственных дел (текущего поступления и расходования средств бюджета, займов и субсидий, казенного производства товаров и услуг, торговых монополий) и посредством реализации функций государственного управления (организации кредитно-денежного обращения, законодательного установления налоговых платежей, регулирования режима внешнеэкономических связей, регламентирования цен, тарифов, условий найма рабочей силы).

Деятельность государства-хозяина, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, может быть охарактеризована как предпринимательская, поскольку ею движет мотив расширения кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. Она предполагает совмещение забот о пополнении казны с регулированием экономики в собственных интересах государственного аппарата.

Основой государственного предпринимательства служат бюджетные ресурсы, размеры и характер которых определяют верховенство правительства во всей национальной экономике и объединяют в одну систему всех, хозяйничающих за счет казначейства. Так образуется сводный субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выражен-

ным общим интересом – доступом к ресурсам бюджета. Право окончательного использования государственных ресурсов передается в руки частных лиц, коммерческих и некоммерческих организаций. Преимущество в получении бюджетных ресурсов и иных экономических выгод имеют корпоративные структуры, ибо по мере укрупнения хозяйствующих субъектов растет их мощь, расширяется влияние на общественную жизнь [1, с. 31–32].

В стране обычно наблюдается взаимодействие и достижение известного соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспособляет к собственным нуждам. От реализации хозяйственной и регулирующей функций казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны, ибо ключевыми параметрами развития служат пропорция между потреблением и накоплением (сбережением) в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования.

Изменение количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного предпринимательства, как правило, сопровождается соответствующими переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства [2, с. 5].

Теоретический анализ

Сравнение экономик США и России на протяжении последних трех десятилетий показывает исключительную роль правительства в реформировании хозяйственного механизма и формировании колебаний экономической конъюнктуры с целью увеличения объема располагаемых бюджетных ресурсов и их перераспределения в пользу политико-экономической элиты и крупного бизнеса, а также создания условий для обогащения наиболее состоятельных и предприимчивых людей.

Наличие взаимной зависимости между осуществлением хозяйственной и регулирующей функций государственного предпринимательства и реализацией функции рыночной самонастройки, колебаниями конъюнктуры американской экономики засвидетельствовали исследования Дж. Стиглица. Они подтвердили взаимосвязь экономической политики правительства США с динамикой развития национальной экономики.

Дж. Стиглиц убедительно пишет: «В центре любой успешной экономической системы находятся рынки, но сами по себе рынки работают не очень хорошо. <...> Экономике нужен баланс ролей рынка и правительства, достижению которого способствует деятельность нерыночных и неправительственных институтов. За последние 25 лет Америка не только сама утратила эту сбалансированность, но способствовала созданию такого несбалансированного положения дел во многих странах по всему миру» [3, с. 10]. Поиск правильного баланса между государственным вмешательством и рыночным механизмом может быть простым делом. При этом стоит отказаться от идеологических предпосылок вроде тех, что рынки всегда эффективны, а государство всегда неэффективно.

Истоки нынешних экономических проблем следует искать в середине 1980-х гг., когда администрация Рональда Рейгана в США положила начало долгосрочной глобальной тенденции дерегулирования экономики. Либерализация привела к демонтажу национальных институтов регулирования, взамен не создав наднациональных институтов эффективного контроля. Наибольшему дерегулированию подверглись финансовая и кредитно-денежная системы. Ярким примером тому служит отмена в 1999 г. закона Гласса – Стиголла, который разделял коммерческую и инвестиционную банковскую деятельность. Это решение способствовало укрупнению банков до таких размеров, что их падение означало серьезные негативные последствия для всей экономической системы страны. Банки поняли, что если окажутся в беде, то правительство их спасет. У банкиров, принимавших решения, появились искаженные стимулы, подталкивающие к неосмотрительности и принятию чрезмерно высоких рисков [3, с. 117]. Кроме того, либерализация затронула сферы налогообложения, бухгалтерского учета, регулирования ценообразования ряда отраслей экономики.

Изменение режима функционирования государственного предпринимательства сопровождалось изменением режима функционирования системы рынков и рыночных регуляторов. Сформировалась специфическая модель воспроиз-

водства национальной экономики – модель экономического роста, основанная на «надувании финансовых („мыльных“) пузырей». Экономическая политика правительства активно влияла на макроэкономическую динамику среднесрочных циклов. Дерегулирующее воздействие государственного предпринимательства стимулировало возникновение и рост финансовых пузырей, а после их «схлопывания» оно компенсировало убытки и потери банковского, финансового и частично реального корпоративного секторов экономики.

Среднесрочный ритм циклических колебаний экономической конъюнктуры США последних десятилетий характеризовался тремя последовательными финансовыми пузырями. Рейгановская налоговая «реформа», предоставив ускоренную амортизацию и другие крупные льготы инвесторам в недвижимость, содействовала формированию «мыльного пузыря» недвижимости, который лопнул вскоре после отмены налоговых льгот в 1986 г. Ослабление регулирования привело к краху сберегательно-кредитной системы в 1989 г., когда американскому налогоплательщику пришлось заплатить более 100 млрд долл., чтобы покрыть долги этой важной части национальной финансовой системы [2, с. 72, 84].

Оживление 1993 г. стимулировало экономический бум. Формирование нового финансового пузыря на рынке инвестирования высоких технологий было поддержано принятием в 1996 г. закона о дерегулировании сферы телекоммуникации, а также появившимися возможностями махинаций в бухгалтерском учете, которые позволили завышать суммы прибыли корпораций и тем самым завышать котировки их ценных бумаг на фондовых рынках. Финансовый пузырь лопнул весной 2000 г. на рынке высокотехнологичных компаний.

С 1992 до 2001 г. доля телекоммуникационной отрасли в американской экономике удвоилась, она обеспечила две трети новых рабочих мест и треть новых инвестиций. В 2002 г. полмиллиона человек потеряли работу, потери рыночной капитализации составили 2 трлн долл. Индекс Доу-Джонса фирм телекоммуникационных технологий упал на 86%. Запланированный на десять лет профицит части бюджета, не связанный с системой социального обеспечения, оценивавшийся в апреле 2001 г. в 3,1 трлн долл., стал к февралю 2002 г. дефицитом в 1,65 трлн долл. [2, с. 126, 138].

Программа по снижению налоговой нагрузки для богатых, предложенная администрацией президента Буша, инициировала новый среднесрочный цикл колебаний экономической

конъюнктуры. Но эти налоговые льготы не были предназначены для стимулирования экономики, и оживление оказалось ограниченным. Вся нагрузка по восстановлению экономики до уровня полной занятости легла на кредитно-денежную сферу. Снижение процентных ставок привело к избытку ликвидности на рынке. Однако в условиях переизбытка производственных мощностей низкие процентные ставки не привели к росту инвестиций в основной капитал. Они сработали по-другому: на месте одного лопнувшего пузыря стал надуваться другой – на рынке недвижимости, что вызвало рост потребления и строительный бум [3, с. 32].

Надуванию последнего пузыря помогли плохие банковские кредиты, выдаваемые под залог активов, стоимость которых была искусственно завышена. Появившиеся инновационные финансовые продукты позволяли банкам скрывать большую часть своих плохих кредитов, увеличивать размер применяемого кредитного плеча, из-за чего пузырь надулся больше, а хаос, порожденный его прорывом, оказался масштабнее. Новые инструменты (кредитные дефолтные свопы), предназначенные, казалось бы, для управления рисками, в действительности были созданы для обмана регулирующих органов и оказались настолько сложны, что риски их применения только увеличивались [3, с. 17]. Перегретый ипотечный рынок лопнул в США в 2008 г., спровоцировав мировой экономический кризис.

Банкиры, ввергнувшие страну в хаос, должны были бы заплатить за свои ошибки, но вместо этого они вышли из кризиса с миллиардами долларов прибыли, оказались в лучшем положении, чем были, благодаря щедрости правительства. В США стоимость гарантий и спасательных операций приблизилась к 80% ВВП страны, составив в денежном исчислении около 12 трлн долл. Так как не все эти гарантии будут реализованы, общие расходы налогоплательщиков окажутся меньшими. Но помимо официально объявленных сумм еще сотни миллиардов долларов выделяются по-тихому. Эта раздача денег банкам была одним из самых крупных в истории перераспределением богатства за столь короткий промежуток времени. (Почти наверняка еще более крупной можно признать проведенную в России приватизацию государственного имущества.) [3, с. 148, 246].

Дж. Стиглиц констатирует долгосрочное изменение экономической политики государства, повлекшее за собой трансформацию модели национальной экономики США и соответствующие изменения механизмов экономического регулирования. По мнению ученого, нынеш-

ний кризис продемонстрировал, насколько беспрецедентную роль в экономике сыграло американское правительство. Масштабные государственные заимствования и нарастание государственного долга позволили проводить массовые акции спасения банков. Кризис 2008 г. стал очередным этапом экспансии, проходившей на протяжении более четверти века: созданием государством корпоративного благосостояния, предусматривающего расширение и укрепление страховочной сетки безопасности для корпораций, даже в условиях, когда социальная защита для обычных людей была ослаблена [3, с. 245].

В российской модели экономики исторически главенствующую роль играет государство, его политика и интересы определяют динамику экономической конъюнктуры. Чередование периодов затяжных спадов и мощных подъемов в отечественной экономике совпадает с изгибами в тенденциях усиления либо ослабления государственного предпринимательства, что свидетельствует об их тесной взаимообусловленности [4, с. 38].

Российский опыт дает возможность обогатить мировую экономическую науку исследованием процессов структурных переходов от одной хозяйственной системы к другой, он показывает свои частные проявления экономической динамики в ситуациях кризисной трансформации, т.е. эволюции в чрезвычайных условиях.

Провозглашение рыночных реформ и попытка самоустранения государства в начале 90-х гг. XX столетия при помощи политики шоковой терапии привели к обвальному спаду основных макроэкономических показателей, образованию пирамиды государственного долга. Трансформация структуры экономики, сопровождавшаяся институциональными изменениями: приватизацией казенной собственности, либерализацией цен, перестройкой банковской системы, создала предпосылки для подключения российской финансовой сферы к глобальным рынкам, завершившегося в основном в 1995 г.

В нашей стране к 1995 г. сложилось два национальных биржевых рынка: Фондовая биржа РТС (Российского торгового союза) и Московская межбанковская валютная биржа (ММВБ), регулируемые Федеральной комиссией по ценным бумагам и Банком России. Созданные две параллельные инфраструктуры рынка сформировали цикл динамики фондовых активов от разогрева и «мыльного пузыря» в 1995–1997 гг. до глубокой коррекции в период азиатского кризиса в октябре 1997 г. и накопления рисков и краха к середине августа 1998 г. [5, с. 88].

Экономика Российской Федерации в период рыночных реформ фактически распалась на две

сферы: низко-рентабельный или убыточный реальный сектор и высокодоходный финансовый. В результате такой макроэкономической диспропорции деньги из реального сектора активно направлялись на спекуляции с ценными бумагами.

Фискальная и монетарная политика правительства способствовала раздуванию пузыря в финансовой сфере за счет необоснованно высокой ставки процента по государственным заимствованиям с доходностью более 60% на рынке государственных краткосрочных облигаций (ГКО) и облигаций федерального займа (ОФЗ). В 1994–1997 гг. долговая масса ГКО – ОФЗ на рынке ММВБ выросла примерно в 25 раз, биржевой оборот в долларовом эквиваленте увеличился более чем в 30 раз. Доля государства во внутреннем кредите к 1998 г. превысила 60%. В условиях системно-структурного кризиса произошло самое крупное в нашей современной истории перераспределение средств между представителями олигархической и властной верхушки. Российские банки активно занимали за границей валюту на срок, переводили ее в рубли, вкладывали в высокодоходные ГКО – ОФЗ, с тем чтобы конвертировать их обратно в валюту по фиксированному курсу и вернуть долги с прибылью для себя. Над рынком разрасталась надстройка из валютных деривативов (производных финансовых инструментов) и репо (договоров с обязательством обратного выкупа) [5, с. 89].

Выдумки реформаторов об эффективном и всемогущем рынке, который решит все проблемы отечественной экономики в короткие сроки, опровергла жизнь. Чем больше свободы предоставлялось рынку, тем менее эффективно он функционировал. По мере ухудшения социально-экономической ситуации нарастала активность государственного предпринимательства. С каждым новым витком раскручивания «спирали обслуживания государственного долга» правительство все больше направляло бюджетных средств на оплату процентов по ГКО и ОФЗ. Августовский дефолт 1998 г. означал исчерпанность стратегии экономического развития, основанной на приоритете экспорта энергетических ресурсов и открытости внутреннего рынка для импортной экспансии.

Второй цикл государственного предпринимательства, 1999–2008 гг., был связан с восстановлением властной вертикали в управлении страной. Правительство провело реформы в области налогообложения и государственных финансов. Смена вектора государственной политики улучшила макроэкономическую динамику российского хозяйства. Усиление государствен-

ного предпринимательства проявилось в увеличении расходов бюджета и насыщении деньгами сферы обращения, в росте уровня монетизации и ВВП. Экономический спад сменился ростом. Благоприятная конъюнктура мировых цен на энергоресурсы обеспечила национальной экономике огромные доходы и снизила стимулы дальнейших преобразований.

В российской экономике не были преодолены негативные тенденции дерегулирования. Сохранился курс на опережающий рост ликвидности, диверсификацию инструментов и институтов при сохранении спекулятивного характера фондового рынка; зависимость отечественной экономики от иностранных и портфельных инвестиций по-прежнему оставалась высокой. На всем протяжении периода роста наблюдалось сокращение доли государства во внутреннем кредите. Российская экономика в основном финансировалась за счет займов на международном рынке [5, с. 86].

Политика правительства в 1999–2008 гг. была направлена на усиление спекулятивной составляющей в отечественном финансовом секторе. Специфика функционирования государственного предпринимательства в эти годы проявлялась в сжатии денежной массы, завышении ставки рефинансирования, наращивании золотовалютных резервов, откачивании денег и бюджетных ресурсов в Стабилизационный фонд, искусственном профиците бюджета, заниженном валютном курсе рубля и поощрении неоправданно большого активного сальдо внешней торговли, превышении экспорта над импортом, низкой норме накопления капитала.

Если в период 1992–1998 гг. основным экспортером капитала из России был частный сектор, то в 1999–2008 гг. – денежные власти и Минфин. Сочетание открытого счета капиталов, доходности и закрепленного курса рубля привлекало на внутренний рынок потоки «горячих денег» нерезидентов [5, с. 99], способствовало накачиванию пузыря в отечественном финансовом секторе, который лопнул в сентябре 2008 г. вслед за падением мировых финансовых рынков и снижением цены на нефть.

К сожалению, дорогой урок 1992–1998 гг., за который Россия заплатила миллиарды долларов и сотни тысяч человеческих жизней, не был усвоен полностью. За годы роста российской экономики в начале нового века нам вновь не удалось создать эффективной экономической системы. Снижение основных макроэкономических показателей в России с наступлением мирового экономического кризиса 2008 г. было одним из самых глубоких в мире. Среди при-

чин, способствовавших наступлению очередного кризиса, были и те, которые действовали в 1998 г. Во-первых, сохранился курс на либерализацию финансовых рынков с их активным подключением к Глобальной сети. Во-вторых, негативное влияние оказывало поддержание открытости внутренней экономики с реализацией экспортно ориентированной стратегии экономического роста [6, с. 392].

В результате были упущены возможности выхода отечественной экономики на устойчивую траекторию роста. Российская экономика по-прежнему нуждается в индустриализации, пересмотре денежно-кредитной и валютно-курсовой политики, изменениях в законодательной базе с целью упрощения условий ведения бизнеса, снижения бюрократических преград и в позитивных преобразованиях социальной сферы.

Заключение

Анализ развития американской экономики последних десятилетий выявил взаимообусловленность и сочетание противоречивых тенденций; процессы дерегулирования, т.е. ослабления государственного контроля при помощи законодательной деятельности и текущего мониторинга, сопровождались усилением хозяйственной составляющей государственного предпринимательства, связанной с расходами бюджетных средств и источников их пополнения. Чем активнее государственный аппарат вторгся в течение воспроизводственных процессов, тем весомее становилась его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализовывались функции рыночной самонастройки хозяйства.

Эффективные рынки – это хорошо управляемые рынки. Ослабление государственного регулирования экономики приводит к тому, что *колебания хозяйственной конъюнктуры* отклоняются с большей амплитудой от траектории сбалансированного, устойчивого роста. Ухудшаются макроэкономические параметры роста: занятость населения, динамика ВВП, сбережений, инвестиций, экспорта, импорта, доходов и расходов государственного бюджета. Усиливаются негативные последствия более длительных и глубоких спадов в экономике. В частности, падают доходы бюджета в то время, когда особенно необходима государственная поддержка преодоления последствий кризисных потрясений экономики.

Государство вынуждено брать на себя более объемную финансовую нагрузку: увеличивать расходы бюджета, несмотря на его дефицит, расширять заимствования и наращивать общую

сумму государственного долга. Усиление поддержки финансовой системы и реального сектора за счет роста расходов бюджета (субсидий в сотни миллиардов долларов, предоставляемых корпорациям на протяжении многих лет), растущее финансирование правительством сельского хозяйства, инновационной и образовательной сфер [3, с. 245–246] подтверждают тезис об усилении государственного предпринимательства в экономике США.

Изучение макроэкономической динамики России в 1991–2009 гг. показывает, что в нашей экономике, так же как и в американской, происходили процессы дерегулирования, которые сопровождались усилением государственного предпринимательства. Схожи и хронологические рамки циклических колебаний экономической конъюнктуры. Подобно американским, российские циклы имели среднесрочный характер, что говорит о подверженности отечественной экономики тенденциям развития мирового хозяйства. Но если экономика США эволюционно переходила с одной ступени экономического развития на другую в форме надувания и схлопывания финансовых пузырей, то российское хозяйство пережило период революционного слома социально-экономической системы.

Проведенный сравнительный анализ развития экономик США и России с 1980-х гг. показал важнейшую роль государственной власти в формировании динамики хозяйственной конъюнктуры и преобразовании модели национальной экономики.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А., Пугачёв И. О. Макротренды и пороговые изменения современной российской экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 3–12.
2. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М., 2005. 424 с.
3. Стиглиц Дж. Крутое пике : Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011. 521 с.
4. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России : теоретико-методологический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 31–44.
5. Миркин Я. М. Финансовое будущее России : экстремумы, бумы, системные риски. М., 2011. 480 с.
6. Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России : на пути к другой экономике. СПб., 2009. 463 с.

The Impact of the Government on the Formation of Fluctuations of Economic Conjuncture

I. O. Pugachev

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: ilya_ov@mail.ru

G. A. Cheremisinov

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

Introduction. Implementation of economic and regulatory functions of the governmental entrepreneurship determines the trajectory and quality of economic growth, the dynamics of the economic situation. **Theoretical analysis.** Held in the article the comparative analysis of the economies of the USA and Russia exhibited exceptional role of the government in the reform of the economic mechanism and the formation of volatile economic environment. Medium-rhythm of the cyclical fluctuations of the economic situation the US last decades was characterized by three consecutive financial bubbles: in 1986, the burst of the bubble in real estate, in 2000, the burst of the financial bubble in the market of high-tech companies in 2008 burst superheated the US mortgage market, triggering a global economic crisis. The study of macroeconomic dynamics of Russia in 1991–2009 and 1990s shows that our economy as well as in the American, the processes of deregulation, which was accompanied by the strengthening of state entrepreneurship. Similar and chronological framework of the cyclical fluctuations in economic conditions, with the crises of 1998 and 2007, Like the American, Russian cycles had the medium term. But, if the U.S. economy evolutionary passed from one stage of economic development to another in the form of inflation and collapse of financial bubbles, the Russian economy has evolved in a mode of revolutionary destruction of the socio-economic system. **Conclusion.** Changes the amount of resources gathered in the turnover of the governmental entrepreneurship, was accompanied by changes in economic legislation, the functioning of the regulators of the market equilibrium, the fluctuations of the economies of the USA and the Russian Federation.

Key words: governmental entrepreneurship, dynamics of macroeconomic, fluctuations of conjuncture, economic policy, deregulation.

References

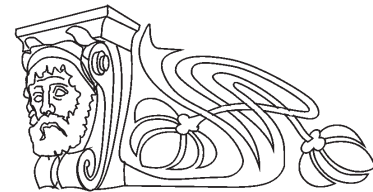
1. Cheremisinov G. A., Pugachyov I. O. Makrotrendy i porogovye izmeneniya sovremennoj rossijskoj e'konomiki [Microtrend and threshold changes of the modern Russian economy]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 3–12 (in Russian).
2. Stiglic Dzh. *Revuwie devyanostye. Semena razvala* [The Roaring Nineties: Seeds of Destruction]. Moscow, 2005. 424 p. (in Russian).
3. Stiglic Dzh. *Krutoe pike: Amerika i novyy e'konomicheskij poryadok posle global'nogo krizisa* [Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy]. Moscow, 2011. 521 p. (in Russian).
4. Cheremisinov G. A. Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo kak tipologicheskij priznak razvitiya jekonomiki Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt [State entrepreneurship as a sign of typological development of the Russian economy: theoretical and methodological aspects]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–45 (in Russian).
5. Mirkin Ya. M. *Finansovoe buduwee Rossii: e'kstremumy, bumy, sistemye riski* [The financial future of Russia: extremes, booms and system risks]. Moscow, 2011. 480 p. (in Russian).
6. Ryazanov V. T. *Xozyajstvennyj stroj Rossii: na puti k drugoj e'konomike* [The economic structure of Russia: on the path to another economy]. St.-Petersburg, 2009. 463 p. (in Russian).

УДК 331.52

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЫНКА ТРУДА

О. В. Сенокосова

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский государственный университет
E-mail: senoolga@yandex.ru

Введение. В современных условиях инновационной экономики развитие рынка труда приобретает иные очертания, помимо его возможных видов не рассматривается изменение пространственных форм и уровней экономического пространства рынка труда. **Теоретический анализ.** На основе обобщения существующих теоретических исследований по проблеме экономического пространства рынка труда в статье экономическое пространство рассматривается с выделением основных форм и уровней рынка труда, формирующихся в последнее время, применяется институциональный подход к рассмотрению содержания пространственных форм рынка труда. **Обсуждение результатов.** Результатом проведенного исследования стало выявление наиболее актуальных и значимых для современной пространственной экономики рынка труда форм, возможных связей взаимодействия институтов рынка труда в пространстве.

Ключевые слова: пространство рынка труда, институты, пространственные формы рынка труда.

Введение

В современной экономике уделяется большое значение пространственной экономике в целом, однако множество вопросов остаются открытыми при рассмотрении функционирования рынка труда в пространстве экономики. Несмотря на то что рынок труда обладает некоторыми свойствами экономического пространства, его функционирование рассматривается в одной плоскости, не учитываются все

возможные вариации деления пространства на уровни и формы.

Теоретический анализ

Экономический порядок в плоскости пространства рынка труда достигается регуляторами деятельности людей и институтов, направленных на создание нормальных условий для развития социально-трудовых и экономических отношений. Развитие институтов в пространстве рынка труда не анализируется с учетом иерархичности, связей и форм рынка труда. Анализ его с позиции пространственной экономики рассматривается редко, отдельные положения, касающиеся информационного или виртуального рынка труда, можно встретить в работах В. Е. Талызина, И. Н. Ефимова, И. Д. Котлярова, экономического пространства – у В. Н. Тишиной, Ю. Матакас, А. Юнявичюс, Э. В. Плучевской, особая роль отведена социальному пространству и воздействию его на рынок труда в работах Ю. Ю. Чилипенюк, Ю. В. Храмова, Н. Л. Виноградовой, Н. В. Зубаревича, А. М. Бекарева. Во всей совокупности и целостности взаимодействия пространств рынка труда и институтов теоретический анализ скудный.

Построение новой экономической пространственной системы рынка труда подразумевает переплетение связей взаимодействия институтов каждого возможного уровня рынка труда в экономическом пространстве.

Экономическое пространство раскрывается в двух измерениях:

1) в пространственных структурах экономики страны, где человеческий труд в конкретных пространственных формах соединяется с техникой, энергоисточниками, опредмечивается в продуктах труда и распределяется;

2) в экономических связях между субъектами экономической деятельности в сферах занятости, профессиональной переподготовки или «застывая» в жизненном пространстве безработных.

Наиболее часто под экономическим пространством подразумеваются некие географические рамки, в которых существует экономическая система. Границы этих рамок у разных авторов простираются от единого мирового экономического пространства до регионального.

Изучение и анализ различных точек зрения на экономическое пространство и проблемы, с ним связанные, позволяют говорить о трех сложившихся на текущий момент подходах к его исследованию: территориальном, ресурсном и информационном.

Другим весьма существенным измерением экономического пространства выступает сфера занятости, характеризующаяся количеством занятых в народном хозяйстве и их качественным составом, структурой по полу и возрасту, уровню образования, профессиональной и квалификационной подготовке.

Фактором изменения кривизны экономического пространства становится изменение пространственных связей в системе «человек – машина». Работа человека с персональными компьютерами предполагает создание промышленной, торговой, финансовой информации в собственной городской квартире, изменяя тем самым привычные для людей представления о пространстве труда. Наблюдается расширение форм автономного поведения и нового типа межличностных отношений в структуре пространства.

В пространственно-иерархической системе рынков труда различают рынки труда более высокого и низкого порядка. Рынок труда, пространственно выступая как мировой, является частью глобального экономического пространства. Пространственный фактор определяет субрегиональные рынки рабочей силы (рынок труда США и Канады, общий рынок и т.д.), рынок труда может выступать как часть нацио-

нальной экономики и, соответственно, как часть экономического пространства, ограниченного территорией страны.

Национальный рынок труда – часть национальной экономики и, соответственно, часть экономического пространства, ограниченного территорией страны, со свойственным для него спросом и предложением, определяемый уровнем экономического развития страны, государственной политикой занятости и демографической ситуацией в их специфическом сочетании, отражающем национальное своеобразие институтов, регулирующих трудовые отношения.

Система складывающихся связей между Россией и странами СНГ позволяет говорить о формировании субнационального рынка труда, охватывающего большую часть пространства бывшего СССР. Пространство и время как факторы структурирования экономического пространства позволяют представить региональный рынок труда как мезоуровень функционирования рынка труда, ограниченного пространством региона, со всеми присущими ему специфическими особенностями.

Региональный рынок труда распадается на ряд локальных, с характерными параметрами функционирования. При этом под локальным рынком труда можно понимать рынки труда в разрезе предприятий и организаций, отдельных районов города. Подобным образом можно рассматривать пространственную организацию и проблемы функционирования локальных (местных) рынков труда.

Развитие научно-технического прогресса, информационных технологий, высокие темпы использования компьютерной техники и телекоммуникаций порождают новую пространственную форму рынка труда, которую многие авторы называют виртуальной. Она не затрагивает территориальных и национальных границ, стирает барьеры для входа на рынки труда различных уровней, но в то же время создает свои барьеры для входа, например профессиональный уровень работника, знание языков, компьютерная грамотность, профессиональная мобильность. Учитывая, что виртуальный рынок труда не имеет территориальных и временных границ, его можно считать пространственной формой рынка труда на мегауровне со своими особенностями.

Итак, пространство рынка труда приобретает форму в рамках территориального пространства, информационного пространства, социального пространства, жилищного и т.д.

Исходя из пространственно-территориального подхода к классификации рынка труда,

можно определить пространственно-территориальные формы функционирования рынка труда как иерархически соподчиненные, взаимосвязанные, территориально ограниченные пространственные центры локации субъектов рынка труда, обеспечивающие в конечном счете оптимальное сочетание формирующего ими спроса и реализуемого предложения в общем экономическом пространстве.

Кроме того, пространственно-территориальная форма рынка труда, как любая система, обладает определенными свойствами, прежде всего это целостность (т.е. наличие единства целей и выполняемых функций), автономность (стремление к внутренней упорядоченности и самостоятельности в функционировании) и устойчивость (сохранение или восполнение отдельных элементов системы).

На рынке труда необходимо рассматривать систему элементов всех уровней рынка труда, между которыми установлены устойчивые, повторяющиеся, регулярные связи или экономические отношения. Экономический порядок в плоскости пространства достигается регуляторами деятельности людей и институтов, направленных на создание нормальных условий для развития социально-трудовых и экономических отношений [1].

Рынок труда функционирует как система со сложной самоорганизацией и структурой. Е. Л. Абуева рассматривает его как сложную слабоструктурированную систему [2, с. 33]. На самом деле рынок труда является одновременно системой с управлением, системой-процессом, а также абстрактной, открытой, активной, динамической и смешанной организационной системой и имеет множество форм, видов и пространственные уровни.

В ряде случаев рынок труда представляется одновременно системами в одном множестве систем: социально-экономической, экономической и социальной; сложной, очень сложной и сверхсложной; хорошо организованной (структурированной), плохо организованной (слабоструктурированной) и самоорганизующейся. Общеизвестно, что элементы рынка труда объединяются в цельную систему благодаря отношениям купли-продажи рабочей силы между ее собственниками и собственниками средств производства, наличию иных взаимодействий, обусловленных указанными отношениями. Структурные основы рынка труда характеризуют его строение и включают наиболее существенные его элементы и связи, обеспечивающие формирование основных свойств рынка труда. Главной функцией структурных

основ является поддержание целостности рынка труда как системы.

Основу для взаимодействия основных контрагентов рынка труда представляют экономические отношения, основанные на законах и закономерностях. Основные законы И. А. Ашмаров подробно классифицирует [3], выделяя универсальные законы экономики, напрямую связанные с рынком труда (закон общественного разделения труда, закон перемены труда, закон экономии труда, закон распределения по труду, роста производительности, закон предельной производительности труда или закон убывающей доходности, закон предельной полезности), общие экономические законы (спроса, предложения, стоимости, неравновесия и др.), специфические экономические законы, действующие на рынке труда (закон Оукена, закон обращения рабочей силы на рынке труда, закон соответствия цены качеству рабочей силы, закон конкуренции и др.). Эволюция рынка труда идет по описанным выше законам развития в результате взаимопереходов от пространства к пространству, где и происходит не только простое изменение связей и отношений между элементами системы, но и отбор факторов. То есть открываются возможности построения новой экономической пространственной системы рынка труда.

Стоит согласиться и с И. А. Ашмаровым [4], который справедливо выделяет возможность обширной классификации самих рынков труда, а не только их форм. Согласно данному подходу при анализе взаимодействия институтов на рынке труда стоит учитывать то, к какому виду рынка труда относятся эти институты, взаимозаменяемы ли данные институты в зависимости от изменения критерия рассмотрения взаимосвязей в целом в экономической системе рынка труда. Согласно представленным классификациям рынок труда можно рассматривать, основываясь на критериях Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ), экономических систем и др. Итак, воплощая представленные в экономической теории рыночные модели, реально действующие рынки труда отличаются друг от друга достаточной вариабельностью, т.е. изменчивостью и непостоянством, что отражает в их функционировании динамику национального, политического, экономического, социокультурного, идеологического развития. Это подтверждается сравнительным анализом наиболее типичных конкретных моделей рынка труда и означает, что классификация институтов, функционирующих на рынках труда, представлена в теории в сжатом виде, что вызывает необходимость дальнейшей ее доработки и в пространственном аспекте.

Обсуждение результатов

Проследить всю сложность и переплетение связей между уровнями и формами рынка труда в пространстве, на наш взгляд, можно, используя институциональный подход. Институты на рынке труда рассматриваются как учреждения и организации, которые обеспечивают свободное передвижение рабочей силы на рынке труда. Существует классификация институтов, характерных в целом для рынка труда. О них упоминают большинство ученых, затрагивающих данные вопросы: институты спецификации прав собственности (трудовое законодательство, традиции, нормы), институты контроля за соблюдением трудовых соглашений (трудовая инспекция, профсоюзы, трудовые контракты), институты поиска контрагентов (СМИ, службы занятости, образовательные сигналы, репутация), институты, влияющие на механизм функционирования рынка труда (конкуренция, антимонопольная политика, спрос на труд, качество рабочих мест), институты, влияющие на качество рабочей силы и конкурентоспособность работника (инвестиции в человеческий капитал, система образования, мобильность работников, трудовая дискриминация), институты, влияющие на трудовую активность граждан (военная служба, пенсионная система, домашнее хозяйство, медицинская и социальная помощь), институты внутрифирменного, административного распределения ресурсов (правила, процедуры, нормы, традиции внутреннего рынка труда), институты социального партнерства (профсоюз, союз предпринимателей), институты государственного регулирования рынка труда (система страхования по безработице, органы контроля за условиями труда).

Несомненно, вся система институтов рынка труда функционирует в современных условиях развития рынка труда. Однако отсутствуют исследования, посвященные рассмотрению причинно-следственных связей между институтами в пространственном аспекте рынков труда.

Так, если рассматривать пространство виртуального рынка труда и находящиеся внутри этого пространства институты, то наблюдается некий дисбаланс: недостаточно развиты институты спецификации прав собственности, по сути, они даже могут противоречить институтам территориального рынка труда; слабо работают институты контроля за соблюдением трудовых соглашений, их развитие запаздывает; отсутствуют институты, влияющие на механизм функционирования рынка труда; зато отчетливо прослеживается активное развитие институтов поиска контрагентов.

Среди изученных институтов обычно выделяются и рассматриваются социальные институты. Так, в работах Ю. А. Гударенко [5, с. 25], Е. В. Казаковой [6] социальные институты представляют собой устойчивые комплексы формальных норм и правил и неформальных ограничений, основывающиеся на традициях и культурных установках общества. К числу социальных институтов, по мнению Е. В. Казаковой, относятся и сфера рынка труда и образования.

Стоит выделить и экономические институты взаимодействия, политические, правовые. Достаточное количество исследований посвящено анализу формальных и неформальных институтов рынка труда, однако классификации, приведенные Г. Н. Строевой, Д. А. Безруковым, Д. Норт, не учитывают пространственных форм и уровней рынка труда.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать выводы, что в современных условиях, на наш взгляд, сама система пространственных связей между институтами на рынке труда данного пространства не сформирована полностью и требует теоретической доработки основных положений. С учетом постоянного расширения экономического пространства рынка труда проявляется неравномерное развитие институтов, что приводит к неэффективному использованию рабочей силы в целом в стране [7, с. 15].

Список литературы

1. *Senokosova O. V.* Economic Systems : From Chaos to Order // *Chaos, Complexity and Leadership*. 2012. DOI 10.1007/978-94-007-7362-2_40. Series Title : Springer Proceedings in Complexity. 6 Volumes from 2013–2014. P. 305–314.
2. *Абуева Е. Л.* Анализ степени самоорганизации как перспективное направление использования когнитивного подхода при управлении сложными системами (на примере рынка труда молодежи) // *Terra economica*. 2010. Т. 8, № 2, ч. 2. С. 21–36.
3. *Ашмаров И. А.* Экономические законы и закономерности рынка труда // *Вестн. Воронеж. гос. техн. ун-та*. 2009. Т. 5, № 10. С. 221–224.
4. *Ашмаров И. А.* Современные рынки труда : их особенности и классификации // *Вестн. РУДН. Сер. Экономика*. 2010. № 2. С. 16–20.
5. *Гударенко Ю. А.* Проблемы противоречия взаимодействия института высшего профессионального образования и молодежного рынка труда // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 2. С. 25–28.
6. *Казакова Е. В.* Институциональное взаимодействие рынка труда и образования : концептуальные основы

и классификация // Вестн. Поволж. гос. акад. службы 2011, № 1. С. 130–135.

7. Сенюкова О. В. Построение новой экономической

системы рынка труда «от порядка к хаосу» // Вопр. отраслевого управления (Sectoral governance issues). 2013. № 1(1). С. 14–18.

Economic Space of the Labour Market

O. V. Senokosova

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia

E-mail: senoolga@yandex.ru

Introduction. In modern conditions of development of economy, development of a labor market gets other outlines, besides development of possible types of a labor market change of spatial forms and levels of economic space of a labor market isn't considered. **Theoretical analysis.** On the basis of synthesis of existing theoretical researches on a problem of economic space of a labor market, in article the economic space is considered with allocation of the main forms and the levels of a labor market forming recently, institutional approach to consideration of the maintenance of spatial forms of a labor market is applied. **Discussion of results.** Identification of the most actual and significant for modern spatial economy of a labor market of forms, possible communications of interaction of institutes of a labor market in space is result of the conducted research.

Key words: labor market space, institutes, spatial forms of a labor market.

References

1. Senokosova O. V. Economic Systems: From Chaos to Order. *Chaos, Complexity and Leadership*. 2012. DOI 10.1007/978-94-007-7362-2_40. Series Title: Springer Proceedings in Complexity, 6 Volumes from 2013–2014, pp. 305–314.
2. Abueva E. L. Analiz stepeni samoorganizacii kak perspektivnoe napravlenie ispol'zovanija kognitivnogo podhoda pri upravlenii slozhnymi sistemami (na primere rynka truda molodezhi) [Analysis of extent of self-organization as the perspective direction of use of cognitive approach at management of difficult systems (on the example of a youth labor market)]. *Terra economicus*, 2010, vol. 8, no. 2, pt. 2, pp. 21–36 (in Russian).
3. Ashmarov I. A. Jekonomicheskie zakony i zakonmernosti rynka truda [Economic laws and regularities of the labor market]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Technical University], 2009, vol. 5, no. 10, pp. 221–224 (in Russian).
4. Ashmarov I. A. Sovremennye rynki truda: ikh osobennosti i klassifikatsii [Modern labor markets: their features and classification]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Messenger of the Russian University of Friendship of the People. Ser. Economics], 2010, no. 2, pp. 16–20 (in Russian).
5. Gudarenko Yu. A Problemy protivorechija vzaimodeistvija instituta vysshego professional'nogo obrazovanija i molodezhnogo rynka truda [Problems of a contradiction of interaction of institute of higher education and youth labor market]. *Regional'nye problemy preobrazovanija ekonomiki* [Regional problems of transformation of economics], 2010, no. 2, pp. 25–28 (in Russian).
6. Kazakova E. V. Institutsional'noe vzaimodeistvie rynka truda i obrazovanija: kontseptual'nye osnovy i klassifikatsija [Institutional interaction of a labor market and education: conceptual bases and classification]. *Vestnik Povolzhskoi gosudarstvennoi akademii sluzhby* [Bulletin of the Volga Region State Academy of Service], 2011, no. 1, pp. 130–135 (in Russian).
7. Senokosova O. V. Postroenie novoi ekonomicheskoi sistemy rynka truda «Ot poriadka k khaosu» [Creation of new economic system of a labor market «From an order to chaos»]. *Voprosy otraslevogo upravlenija (Sectoral governance issues)* [Questions of branch management (Sectoral governance issues)], 2013, no. 1(1), pp. 14–18 (in Russian).

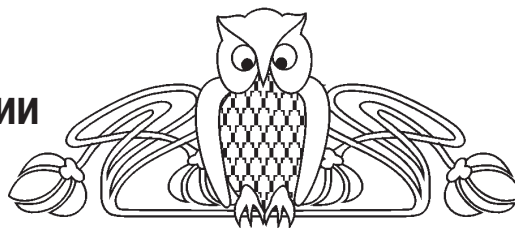

УДК 334.4

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ

Е. В. Порезанова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и национальной экономики,
Саратовский государственный университет
E-mail: porezanova.elena@yandex.ru

Введение. В современных условиях большое значение приобретает неоиндустриальная модернизация экономики России. Необходимо проанализировать проблемы, ограничения и эффекты модернизации. Этим определяется актуальность исследования. **Теоретический анализ.** Неоиндустриальная модернизация есть комплексный процесс структурной перестройки и создания интегрированной экономики, производящей конкурентоспособную продукцию. Ее ограничениями выступают: ослабление роли государства в экономике, углубление неравенства, сырьевая модель экономики, коррупция. **Обсуждение результатов.** Основными эффектами модернизации являются: адаптационный, синергетический, диверсификационный, инновационный, инвестиционный. При этом на развитие экономики России оказывают влияние закон многообразия экономических форм и закон отклонения от целенаправленного развития.

Ключевые слова: модернизация экономики, инновационное развитие, неоиндустриальная модернизация.

Введение

Проблема неоиндустриальной модернизации промышленных предприятий в России в современных условиях особенно актуальна. Сложившаяся в стране сырьевая и потребительская ориентация национального хозяйства, невосприимчивость к реструктуризации и инновационному процессу, нежелание внедрения новых технологий требуют осознания целесообразности серьезных перемен в способах хозяйствования, в мышлении и стратегии развития предприятий реального сектора экономики. Игнорирование проблем промышленных предприятий неизбежно поставит под угрозу государственный суверенитет.

В дискуссии о необходимости и путях модернизации России не всегда анализируются проблемы, которые могут возникнуть при сохранении нынешних институтов, что делает аргументы в пользу модернизации недостаточно убедительными. Аналитики утверждают, что без нее высокие темпы роста поддерживать не удастся. Проведенный анализ дает дополнительные аргументы в пользу этого тезиса, но существенно уточняет его за счет расширения временного горизонта анализа.

Платой за неуспешную модернизацию в 2000–2010 гг. станет потеря способности экономики к расширенному воспроизводству в 2020–2030 гг. Без модернизации нельзя не только сократить разрыв в уровне экономического развития со странами-лидерами и повысить долю России в глобальном ВВП, но и удержать нынешнюю. Это вызывает необходимость определения ограничений и эффектов неоиндустриальной модернизации.

Теоретический анализ

Неоиндустриальная модернизация есть комплексный процесс структурной перестройки и создания интегрированной экономики, производящей конкурентоспособную продукцию. Во главу угла должны быть поставлены приоритеты создания трудосберегающей и энергоэффективной промышленности, а также интенсификации взаимного сотрудничества с высокотехнологичными развитыми странами путем трансфера технологий, оборудования и т.п. [1, с. 39].

В современной России одним из ограничений неоиндустриальной модернизации выступает ослабление роли государства в экономике и присвоение национального богатства в частных интересах. Очевидно, что именно ослабление роли государства и приватизация государственной собственности, становление деформированных коррупцией рыночных отношений, тотальное перемещение собственности и доходов от государства и населения к немногочисленной финансовой олигархии лишило производство внутреннего импульса развития, обрекло экономику на стагнацию и сокращение производства, расслоение общества.

О сокращении объема производства свидетельствуют данные рис. 1.

Так, в 2008–2009 гг. снижение объема производства в России составляло более 20%, по сравнению с 2007 г., что свидетельствовало об экономическом кризисе. В 2010–2011 гг. прослеживается восстановление утраченного равновесия,

Рис. 1. Подъем и спад экономики России за 1996–2013 гг. (% к предыдущему году)

однако в 2012 г. и особенно в 2013 г. имеется снижение объема производства соответственно: в 2012 г. – на 1,7% по сравнению с 2011 г., а в 2013 г. – на 9,5% по сравнению с 2011 г.

Еще одним ограничением неиндустриальной модернизации является беспрецедентное неравенство в распределении доходов и отсутствие должных мер по его снижению. На начало 2012 г. децильный коэффициент в России достиг рекордного уровня – более 30 против 13,9 раза в 2000 г. и 8 раз – в 1992 г. Для ликвидации масштабного расслоения общества прежде всего необходимо отказаться от плоской шкалы налогообложения и перейти к прогрессивной шкале. Нужны и другие меры, направленные на сокращение социального неравенства в нашей стране. Например, политика в США по сокращению разницы в доходах между богатыми и бедными, а также поддержка малоимущих позволили снизить неравенство между крайними 10%-ными группами населения с 68 до 15 раз [2, с. 15].

По мнению автора, главным ограничением неиндустриальной модернизации выступает ненасытная жажда обогащения бизнеса за счет доступа к рентным и монопольным доходам, а также коррупция, которая приобрела системный характер. Это породило социальную безответственность, пренебрежение национальными интересами и правопорядком. Подтверждением этому являются громкие коррупционные дела 2012–2013 гг., а также слова главы государства

на заседании «Валдайского клуба» в ноябре 2011 г., который отметил, что коррупционный оборот составляет 7–10% ВВП. Думается, что этот оборот реально составляет около 30% ВВП.

О степени коррумпированности работников разных профессий свидетельствуют данные рис. 2, которые показывают, что самыми коррумпированными выступают чиновники (65%), сотрудники ГИБДД (10%), затем работники полиции (8%). Уровень коррумпированности чиновников в 6,5 раза превышает степень коррумпированности сотрудников ГИБДД.

О последствиях коррупции можно судить по данным рис. 3. Из него видно, что наиболее существенными последствиями коррупции являются социальные факторы: снижение уровня жизни населения (36%) и степень неравенства (15%). Вместе с тем экономические последствия коррупции более значимы: угроза национальной безопасности – 14%, замедление экономического развития – 9%.

Сохранение национальной безопасности и консолидация национальных интересов требуют активизации экономической функции государства в современных условиях в России. Государство должно действовать с позиции общественных интересов, выступать мощным субъектом экономической деятельности, занятым созданием инфраструктуры, новых отраслей промышленности. Основой сохранения за государством контрольных функций и рычагов

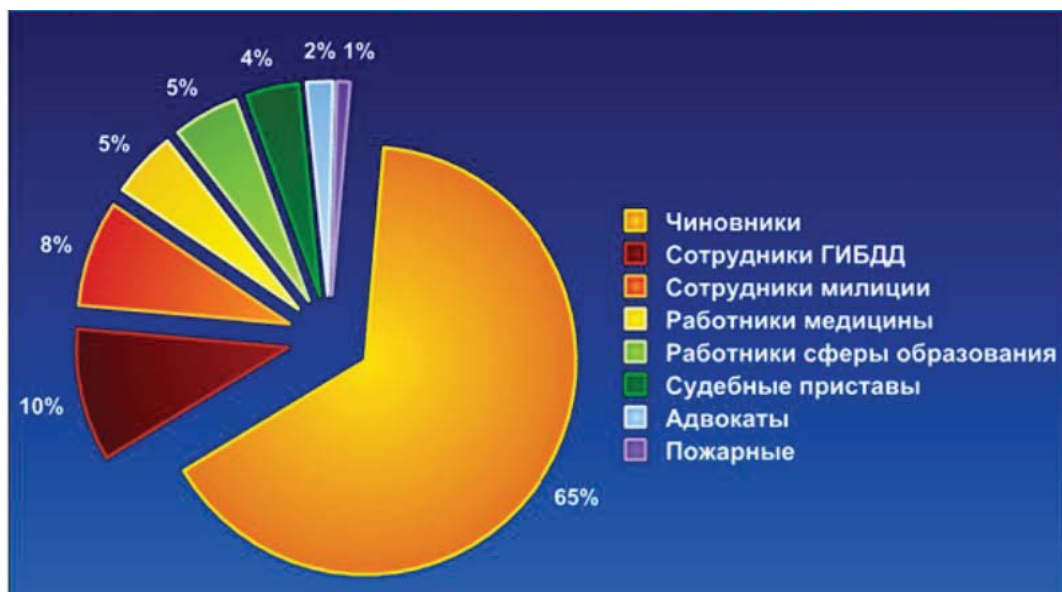

Рис. 2. Уровень коррумпированности разных групп работников, по материалам российских СМИ, % 1 квартал 2010 г.

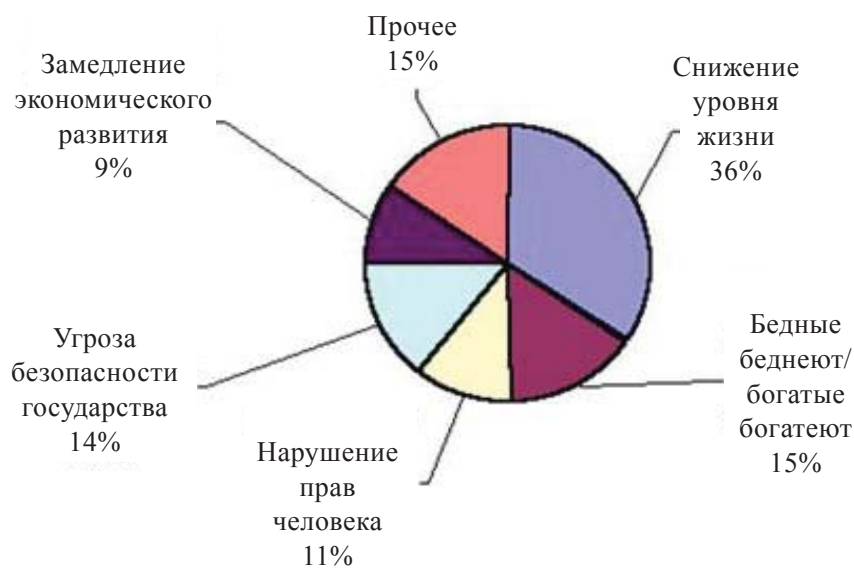

Рис. 3. Последствия коррупции для развития экономики России

влияния на экономические процессы и неоиндустриальный тип развития является владение материальными факторами производства, важнейшими из которых выступают водные земельные ресурсы, лесной фонд, недра, энергетические ресурсы. Они должны эксплуатироваться в интересах всего общества, на общенациональные цели, а не на обогащение ограниченной группы собственников средств производства. Поэтому своевременным было бы принятие государством решения о национализации эксплуатируемых природных ресурсов [3, с. 20].

Еще одним ограничением неоиндустриальной модернизации является сырьевая модель экономики, что приводит к перекосам в экономическом развитии, а значит, деиндустриализации реального сектора. Деиндустриализация имеет свои системные причины: компрадорский характер экономической системы и господство в ней небольшого круга финансовой и промышленной олигархии. При этом сырьевая экономика не только уязвима для внешних шоков, но и не обеспечивает развития и востребованности человеческого потенциала,

что порождает отсталость, снижение стимулов к труду и неравенство. На взгляд автора, необходимо разработать и реализовать особый общегосударственный план – план преодоления деиндустриализации России, реализация которого позволила бы перейти на путь структурной диверсификации и высокотехнологического развития.

Обсуждение результатов

Учитывая обозначенные ограничения современной экономики, можно определить эффекты неоиндустриальной модернизации и выгоды от ее осуществления. Такими эффектами являются:

1) адаптационный эффект, заключающийся в приспособлении системы к требованиям окружающей среды;

2) синергетический эффект, состоящий в системно-организационных изменениях, взаимодействии предприятия с другими агентами рынка и взаимозависимости их действий при получении конечного результата;

3) рыночно-нишевой и диверсификационный эффект, предполагающий формирование и укрепление конкурентных преимуществ предприятия, повышение конкурентоспособности предприятия. Этому будет способствовать поиск новых рыночных ниш, повышение качества товара и нахождение перспективных направлений деятельности предприятия;

4) инновационный эффект, заключающийся во внедрении инновационных бизнес-процессов, в инновационном развитии предприятия;

5) инвестиционный эффект, состоящий в привлечении внутренних и внешних инвестиций, увеличении объема производства и создании современной производственной системы, связанной с освоением выпуска конкурентоспособных товаров и внедрением наукоемких технологий;

6) логистический эффект, предполагающий оптимизацию затрат, снижение себестоимости продукции и установление баланса между потенциалом предприятия и его возможностями;

7) социализированный и персонализированный эффект, связанный с осуществлением социальных инвестиций, развитием трудовых ресурсов, отдачей от человеческого капитала, повышением производительности труда, заинтересованностью работника в улучшении производственного результата. Условия неоиндустриализации предполагают наращивание «инвестиций в человека», повышение квалификации кадров, создание действенных стимулов научно-исследовательской, трудовой, творческой активности работников.

Для того чтобы достичь таких эффектов, необходимо определить закономерности осуществления неоиндустриальной модернизации и исследовать их. Можно предположить, что эти закономерности функционируют в виде законов. Автор считает, что на развитие экономики России оказывают влияние закон многообразия экономических форм и закон отклонения от целенаправленного развития.

В определенный период времени в экономике наблюдается господство многообразных экономических форм, отражающих взаимосвязь, противоречивость и скачкообразность развития. Подтверждением этому является тот факт, что региональные кластеры, состоящие из предприятий разных отраслей, выступают взаимодействием экономических сил, одна часть которых направлена на концентрацию усилий и ресурсов, а другая на их оптимальное распределение. При этом в сельском хозяйстве производители группируются вокруг центра потребления, а в промышленности – потребители вокруг производителей. Поэтому рынки сбыта сельскохозяйственной продукции отличаются точечной конфигурацией, а рынки промышленной продукции – зональной. Кроме того, в сельском хозяйстве конкуренция свободная, а в промышленности более характерна ограниченная конкуренция. Исходя из этого, можно выделить три основных типа экономических районов: простые рыночные зоны, которые, в свою очередь, имеют разнообразные формы функционирования; районные сети и районные системы. В этой последовательности они усложняются, становясь более самостоятельными в экономическом отношении.

Простые рыночные зоны и районные сети различаются в зависимости от того, что включает очерченная территория – только ли точки размещения производства или также их рынки сбыта. Подобная концентрация может быть вызвана внеэкономическими факторами или определяться ограничениями, налагаемыми природной средой и политическими условиями.

Вместе с тем имеются простые зоны поставок или сбыта, целиком зависящие от торговли. Противоположность им – система рыночных зон. Их структура не проста. Часто они перекрывают друг друга. Имеется также определенная система в расположении рыночных зон и рыночных сетей.

Специфика разнообразных форм развития региональных кластеров позволяет говорить о выдвигании еще одного закона функционирования экономики в период неоиндустриальной модернизации. Речь идет о законе отклонения от целенаправленного развития. Функциони-

рованию экономики свойственны отклонения. Можно говорить об альтернативности всякого развития, которое зависит от конкретно-исторических, национальных, региональных и других особенностей экономической системы.

Закон отклонения предполагает невозвратимость к прежнему состоянию, где итогом целенаправленного развития выступает что-то новое, более передовое. При этом абсолютизация альтернативности вызывает возражения в связи с рядом ограничений, свойственных развитию экономики. Этими ограничениями являются: уровень развития экономики, имеющийся у нее материальный и человеческий потенциал, а также помощь извне, позволяющая органично реализовать внутренние возможности национальной экономики. Эти ограничения существенно сужают круг альтернатив, в рамках которых должны протекать экономические процессы развития хозяйства страны. Однако обозначенные закономерности осуществления неоиндустриальной модернизации требуют дальнейшего осмысления и анализа.

Модернизация не должна стать политическим лозунгом, как в свое время «экономика должна быть экономной» или «перестройка», ее надо превратить в программируемый и контролируемый инструмент комплексного достижения стратегических целей России, обеспечения ее национальной безопасности.

Проблема в том, что нужно предпринимать титанические усилия одновременно по многим направлениям неоиндустриальной модернизации: повышение рождаемости; снижение смертности и продление активной трудовой жизни россиян; реализация грамотной миграционной

политики при обеспечении межнационального мира; коренная модернизация технологической основы производства и существенное повышение на этой базе производительности труда, капиталотдачи и энергоэффективности; предотвращение обвального падения добычи нефти и расширение использования возобновляемых источников энергии; ускоренное развитие экспортноориентированных и импортозамещающих производств.

Таким образом, в современных условиях альтернативы неоиндустриальному пути развития не существует. Неоиндустриальная парадигма экономического роста полностью адекватна нынешним задачам инновационной, высокотехнологичной модернизации России. При этом следует учитывать ограничения и эффекты неоиндустриальной модернизации промышленных предприятий, знание которых поможет смягчить болезненную перестройку экономической системы и выйти на траекторию быстрого социально-экономического роста и качественного экономического развития страны.

Список литературы

1. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М. : Книжный мир, 2012. 284 с.
2. Богомолов О. Социально-гуманитарные аспекты модернизации // Горизонты экономики. 2012. № 3. С. 12–23.
3. Кучуков Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора // Экономист. 2013. № 6. С. 16–25.

Restrictions and Effects of Neoindustrial Modernization of the Industrial Enterprises in Russia

E. V. Porezanova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: porezanova.elena@yandex.ru

Introduction. In modern conditions the great value is got by neo-industrial modernization of economy of Russia. It is necessary to analyse problems, restrictions and effects of modernization. Relevance of research is defined by it. **Theoretical analysis.** Neoindustrial modernization is complex process of restructuring and creation of the integrated economy making competitive production. As its restrictions act: weakening of a role of the state in economy, inequality deepening, raw model of economy, corruption. **Discussion of results.** The main effects of modernization are: adaptation, synergetic, diversification, innovative, investment. Thus the law of variety of economic forms and the deviation law have impact on development of economy of Russia from purposeful development.

Key words: economy modernization, innovative development, neoindustrial modernization.

References

1. Gubanov S. Derzhavni proryv. Neoindustrializatsiia Rossii i vertikal'naia integratsiia [Sovereign break-

through. Neoindustrialization Russia and the vertical-the musical integration]. Moscow, Book world Publ., 2012. 284 p. (in Russian).

2. Bogomolov O. Sotsial'no-gumanitarnye aspekty modernizatsii [Socio-humanitarian aspects of modernization]. *Gorizonty ekonomiki* [Gorumbrellas economy], 2012, no. 3, pp. 12–22 (in Russian).
3. Kuchukov R. Neoindustrial'naia modernizatsiia i rol' gosudarstvennogo sektora [Neoindustrialization modernization and role of the public sector]. *Ekonomist*, 2013, no. 6, pp. 16–25 (in Russian).

УДК 330.341

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УНИВЕРСИТЕТА, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

О. Ю. Челнокова

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории и национальной экономики,
Саратовский государственный университет
E-mail: o.chelnokova@mail.ru

А. А. Фирсова

доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита,
Саратовский государственный университет
E-mail: a.firsova@rambler.ru

Введение. В настоящее время повышение эффективности как национальной, так и региональной экономики видится в активном использовании знаний. В силу того что знания сами по себе не трансформируют экономику, а значит, нет и гарантий того, что инвестиции в научные исследования и в высшее образование принесут экономический эффект, необходимы новые механизмы, обеспечивающие взаимосвязь экономики и прикладных знаний. Основой такого механизма может послужить взаимодействие университета, бизнеса и государства на принципах модели тройной спирали. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются теоретические основы взаимодействия университетов, бизнеса и государства в целях регионального развития, представлены элементы данного взаимодействия, выявлены функции каждого из них, обоснована необходимость построения механизма взаимодействия университета, бизнеса и власти на принципах модели тройной спирали. **Результаты.** Взаимодействие университетов, бизнеса и государства – это не только процесс сближения и связи различных самостоятельных сфер деятельности, это и одна из форм сопряжения их интересов, и одновременно одна из объективных тенденций, присущих инновационному типу развития экономики, которую целесообразно рассматривать в органичном единстве и взаимосвязи как с особенностями функционирования в этих условиях экономики сфер науки, образования и производства, так и с другими тенденциями, характерными для инновационной экономики. Среди результатов, ожидаемых на региональном уровне от взаимодействия университетов, бизнеса и государства на первый план выходят развитие человеческого капитала и наукоемкого производства, стимулирование развития новых форм предпринимательства, повышение степени коммерциализации в сфере исследований и разработок, увеличение налоговых поступлений в бюджет регионов.

Ключевые слова: взаимодействие, университет, бизнес, государство, инновационная деятельность, региональное развитие.

Введение

Развитые страны сегодня переходят к экономике знаний, когда ключевым фактором конкурентоспособности государства становится распространение в национальных инновационных системах новых знаний и технологий, что делает актуальным рассмотрение новых концепций эффективного взаимодействия институтов национальной инновационной системы.

В этих условиях акценты в управлении инновациями смещаются в сторону взаимодействий между акторами национальных инновационных систем (университетами, бизнесом и государством) и рассматриваются интерактивные процессы в создании, распространении и использовании знаний, возрастает значение условий, регламентов и политики, в рамках которых функционируют национальные инновационные системы.

Теоретический анализ

Взаимодействие – это философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Это универсальная форма движения, развития, определяющая существование и структурную организацию любой материальной системы [1]. Под взаимодействием понимают также воздействие различных предметов, явлений действительности друг на друга, обуславливающее изменения в них; взаимную поддержку и

взаимную связь явлений [2]. Во всех этих высказываниях подчеркивается, что, во-первых, в основе взаимодействия лежит функциональная связь, которая устанавливается между различными относительно обособленными объектами, субъектами, явлениями, во-вторых, взаимодействие всегда предполагает некоторую общность между субъектами, в-третьих, сами они (объекты, субъекты, явления) находятся в движении и взаимообусловлены.

Интересную классификацию видов взаимодействия предложил В. Абросимов [3]:

– нейтральное взаимодействие между элементами – это взаимодействие, при котором ни один из участвующих элементов не меняет своих свойств;

– обменное взаимодействие, при котором у взаимодействующих элементов изменяется набор признаков (или их количественная выраженность);

– передаточное взаимодействие, при котором между взаимодействующими элементами происходит перераспределение выраженности одного и того же признака;

– конкурентное взаимодействие по признакам между элементами, итогом которого является ранжирование элементов по занятым в результате взаимодействия местам;

– объединительное взаимодействие, при котором происходит временное (кратковременное) объединение элементов (соединение их передаваемых или непередаваемых признаков) таким образом, что они вступают в последующие взаимодействия с другими элементами или со средой как единый элемент, наделенный соединенными признаками.

На наш взгляд, взаимодействие – это особые организационно-экономические отношения между хозяйствующими субъектами, формирующиеся на основе системы многократно повторяющихся взаимосвязей обменного, передаточного, конкурентного и объединительного типа. Результатом такого взаимодействия является образование системы хозяйствующих субъектов, которая характеризуется свойствами интегрированной системы: взаимосвязанностью хозяйствующих субъектов, общими интересами и целями; возрастающей силой связи между хозяйствующими субъектами (они становятся более мощными, чем связи этих субъектов с внешней средой, и характеризуются увеличением частоты и интенсивности взаимодействий); более высокой устойчивостью и эффективностью функционирования интегрирующихся хозяйствующих субъектов; адаптируемостью

к изменениям внешней среды; эффективной управляемостью, оптимальностью; нелинейностью, проявляющейся, в частности, в синергетическом эффекте. Данные результаты взаимодействия хозяйствующих субъектов могут быть отсрочены во времени, т.е. связаны с воздействием рисков, реализация которых может оказать негативное значение.

Учитывая, обобщая и применяя вышеизложенное к нашему предмету исследования, будем рассматривать взаимодействие университетов, бизнеса и власти в целях регионального развития как сложноорганизованную, разветвленную и многоуровневую систему, элементами которой являются органы управления, бизнес-сектор и вузы, вступающие друг с другом в особые организационно-экономические отношения по поводу развития человеческого капитала и наукоемкого производства, стимулирования развития новых форм предпринимательства и налоговых поступлений в бюджет регионов.

С начала XX в. во взаимоотношениях рассматриваемых участников процесса регионального развития и создания инноваций произошла смена «ведущего звена». Сегодня формируются новые модели инновационной системы, отличающиеся как от модели «треугольника» Г. Сабато (1975), которая исходит из доминантной роли государства в этом процессе, так и от модели национальной инновационной системы, в которой фирмы являются главным двигателем инноваций (Б.-А. Лундвал, 1988; Р. Нельсон, 1993). Теория тройной спирали (Г. Ицковиц, Л. Лейдесдорф, 1995) описывает сбалансированные отношения университета, государства и бизнеса, являющиеся ключевыми элементами инновационной системы любой страны, по принципу взаимодействия спиралей триплекса и показывает степень включения в это взаимодействие определенных институтов на каждом этапе создания инновационного продукта. Согласно ей университеты создают идеи, бизнес обеспечивает ресурсами, государство формирует нормативную базу [4].

Основные тезисы новой концепции взаимодействия университетов, бизнеса и государства заключаются в том, что, с одной стороны, в системе инновационного развития доминирующее положение начинают занимать институты, ответственные за создание нового знания, а с другой стороны, важен сетевой характер взаимодействия участников инновационного процесса в рамках «стратегических инновационных сетей», где происходят пересечение трех множеств отношений (внутрифирменных, внутри-

государственных и внутриуниверситетских) и создание гибридных институциональных форм, снижающих неопределенность среды [5].

Механизм взаимодействия выглядит следующим образом. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и университет. Именно университеты, ведущие исследования и разработки, становятся в такой ситуации важнейшим ресурсом для наукоемкого производства. Затем, в ходе трансфера технологий, университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно властью и бизнесом.

Рассмотрим функции каждого актора в данном механизме взаимодействия более подробно.

В результате изменений, происходящих в структуре экономики и общества, значительно меняется роль государства. Оно больше не играет доминирующей роли в инновационном развитии, так как не способно создавать знания, хотя и несет ответственность за организацию их производства, поскольку знания являются общественным благом. Но государство, несмотря на то что не имеет возможности «законного принуждения» в инновационном процессе, продолжает оставаться в нем главным координатором, отсюда следует, что инновационная политика в ее новых, более гибких формах продолжает оставаться важнейшей сферой ответственности государства. Инновационная политика государства в конечном итоге сводится к созданию «дружественного интерфейса» между акторами инновационной системы [6].

Вмешательство государства в инновационные процессы вызвано необходимостью создания стимулов к инновациям, которые не генерирует в достаточной степени рыночная среда. Конкретно следует компенсировать дисбалансы, которые обуславливают следующие факторы:

- высокая финансовая и информационная неопределенность и высокие риски в инновационной сфере;

- длительность бесприбыльной стадии развития инновационных проектов, дестимулирующая частных инвесторов;

- ограниченная способность предпринимательства к аккумуляции необходимых для осуществления проектов ресурсов.

Регулирующую роль государства в сфере инноваций можно свести к определенным функциям (рис. 1).

Второй важный элемент рассматриваемого взаимодействия – университеты. Университеты

являются не единственными представителями сферы науки и институтами национальной инновационной системы по производству и распространению знаний. Другие образовательные учреждения, НИИ, высокотехнологические компании, производственные объединения и структуры, органы власти, культурные учреждения также генерируют новые знания в своих областях. Однако центром этой деятельности является университет как единственный институт, воспроизводящий научные кадры, которые генерируют инновации для всех других секторов.

В последние десятилетия произошли существенные изменения характера взаимоотношений университетов с потребителями их продуктов и услуг. К образовательной и исследовательской функциям университетов, традиционно являющимся основными, добавилась функция, называемая авторами доклада «Ответ высших учебных заведений на потребности регионов» Д. Годдардом и П. Чаттертоном как «service to the community» – служение обществу [7]. Сегодня все больше социальных субъектов участвует в процессах развития высшего образования, кардинально меня характер взаимоотношений науки с обществом [8].

Функции современных университетов представлены на рис. 2.

Основополагающими функциями университета в экономике знаний становятся функции информационного интегратора в обществе, производство нового знания через научно-исследовательскую деятельность и использование потенциала новых технологий, передача знания через образование и развитие человеческих ресурсов, вклад в социальное и культурное развитие городов, регионов и страны в целом, содействие развитию инноваций на региональном и общенациональном уровнях.

И, наконец, третий актор рассматриваемого взаимодействия – это бизнес.

Анализ зарубежного опыта показывает, что именно благодаря взаимодействию с бизнесом многие университеты превратились в крупнейшие научно-инновационные центры, вовлекли в орбиту своей деятельности сотни промышленных, исследовательских и торговых фирм, превратились в консолидирующую силу, объединяющую интересы многочисленных партнеров.

В настоящее время взаимодействие между вузами и бизнесом представлено в многообразных формах – это и соглашения о совместных разработках, и консорциумы с государствен-

Рис. 1. Функции государства

ным финансированием, и субсидируемые исследования, и консультационные проекты, и создание малых инновационных предприятий, технопарков, и трансфер технологий и др. Необходимо отметить, что многие университеты и компании используют сразу несколько форм, что способствует усилению их интеграционного взаимодействия [9].

Таким образом, финансирование правительства помогает университетам повышать уровень проводимых исследований и получае-

мых студентами знаний. В результате меняется роль университетов на региональном уровне, и они становятся главными драйверами развития как своих регионов, так и страны в целом.

Результаты

Сегодня не подвергается сомнению необходимость интеграционного взаимодействия вышерассмотренных акторов и со стороны элиты научно-образовательного сообщества, и со стороны представителей власти, и со

Рис. 2. Функции университетов

стороны бизнесменов. Все это дает основание для определения новой тенденции российской экономики – совместное сотрудничество и взаимодействие университетов, бизнеса и власти как на региональном, так и на национальном уровнях. В интересах интенсификации данного взаимодействия целесообразно учитывать, что, во-первых, в качестве партнеров стороны должны разделять затраты, риск и компетенцию, во-вторых, удовлетворение региональных общественных потребностей возможно только на основе взаимодействия и согласования интересов всех субъектов как равных партнеров на взаимовыгодных условиях и, в-третьих, работая

вместе, стороны обеспечивают друг друга дополнительными знаниями и инновационными ресурсами, что является новым источником конкурентных преимуществ инновационного типа развития экономики.

Среди результатов, ожидаемых от взаимодействия университетов, бизнеса и государства, для регионального развития стоит назвать: повышение доли внебюджетной составляющей во внутренних расходах на исследования и разработки; улучшение качества и объема исследований; повышение степени коммерциализации в сфере исследований и разработок; подготовку высококвалифицированных кадров,

отвечающих запросам региональной экономики. Все это, в свою очередь, создает дополнительные предпосылки для развития экономики уже на национальном и мировом уровнях.

Таким образом, в рамках вышеназванных аспектов формируются национальные особенности инновационного процесса и инновационной системы в России, где к настоящему моменту институционально сложились все элементы инновационной системы. Однако комплексного взаимодействия между ними нет. Существует необходимость повышения эффективности национальной инновационной системы, способствующей развитию интеграционных процессов между всеми ее акторами. Для эффективной реализации инструментов государственной политики необходимо формирование новой модели взаимоотношений триады «государство – наука – бизнес» в инновационной системе на принципах модели «тройной спирали».

Опыт генерирования рыночных инновационных систем в странах с переходной экономикой показывает, что их организация должна происходить по трем основным направлениям: во-первых, это создание условий для распространения и общественного признания необходимости проведения политики, направленной на создание экономики знаний, во-вторых, обеспечение механизмов коммерциализации знаний, включая их трансфер в новые области применения, и, в-третьих, создание механизмов инвестирования в инновационную деятельность.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-33052 мол_а_вед).

Interaction of the University, the Business and the State as a Factor of the Regional Development in the National Innovation System

O. Yu. Chelnokova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: o.chelnokova@mail.ru

A. Firsova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: a.firsova@rambler.ru

Introduction. Today, improving the efficiency of both national and regional economy is seen in the active use of knowledge. Due to the fact that knowledge does not transform the economy, and hence, there is no guarantee that the investment in research and higher education will bring economic benefit, new mechanisms are needed to ensure that the relationship with the applied knowledge economy. The basis of such a mechanism could serve as interaction university, business and government on the principles of the triple helix model. **Theoretical analysis.** The article discusses the theoretical basis for interaction of universities, business and government for regional development, presented the elements of this interaction revealed the function of each of them, the necessity of constructing the mechanism of interaction of the University, business and government on the principles of the triple helix model. **Results.** Interaction of

Список литературы

1. Википедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 25.12 2013).
2. Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://www.efremova.info/word/vzaimodejstvie.html> (дата обращения: 25.12 2013).
3. *Абросимов В. А.* Принципы языка. Анализ на основе общей теории интеграции. М.: Эслан, 2002. 200 с.
4. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The triple helix–university–industry–government relations : a laboratory for knowledge-based economic development // *EASST Review*. 1995. № 14 (1). P. 14–19.
5. *Фирсова А. А.* Государственно-частное партнерство как механизм привлечения частного капитала в процессы инвестирования инновационной деятельности // *Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Экономические и юридические науки*. 2011. № 2. С. 92–96.
6. *Дежина И. Г., Киселева В. В.* Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М., 2008. 227 с.
7. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs. URL: <http://www.mszs.si/eurydice/pub/oecd/response.pdf> (дата обращения: 28.10 2013).
8. *Лазарев Г. И.* Инновационная стратегия регионального университета : цели, проблемы, механизмы достижения // *Управление экономическими системами*. 2008. № 12. URL: <http://www.uecs.ru/marketing/item/1782-2012-12-11-07-59-05> (дата обращения: 28.10 2013).
9. *Челнокова О. Ю.* Возможности и ограничения интеграционного взаимодействия между вузами и бизнесом // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 41–46.

universities, business and government – is not only the process of rapprochement and communication of various independent spheres of activity, and it is a form of conjugation of their interests, and at the same time – this is one of the objective tendencies inherent in the innovative development of the economy, which is worthwhile to consider the organic unity and relationship with both the features of functioning of the economic conditions in these areas of science, education and industry, and other trends characteristic for the innovation economy. Among the expected results at the regional level from the interaction of universities, business and government to the fore the development of human capital and knowledge-intensive production, stimulating the development of new forms of business, increasing the degree of commercialization in the field of research and development, an increase in tax revenues regions.

Key words: interaction, university, business, government, innovation, regional development.

The reported study was supported by RFBR (research project № 12-06-33052 мол_а_вед).

References

1. *Wikipedia*. Sait. Available at: <http://ru.wikipedia.org> (accessed 25 December 2013).
2. *Tolkovyi slovar' Efremovoi* (Collegiate Dictionary Efremovoi). Available at: <http://www.efremova.info/word/vzaimodejstvie.html> (accessed 25 December 2013).
3. Abrosimov V. A. *Principy jazyka. Analiz na osnove obshhej teorii integracii* [Principles of language. Analysis based on the theory of total integration]. Moscow, Eslan Publ., 2002. 200 p. (in Russian).
4. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The triple helix–university–industry–government relations: a laboratory for knowledge-based economic development. *EASST Review*, 1995, no. 14 (1), pp. 14–19.
5. Firsova A. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak mekhanizm privlecheniia chastnogo kapitala v protsessy investirovaniia innovatsionnoi deiatel'nosti [Public-private partnership as a mechanism to attract private capital investment in innovation processes]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [Proceedings of the Tula State University. Ser. Economic and Legal Sciences], 2011, no. 2, pp. 92–96 (in Russian).
6. Dezhina I. G., Kiselev V. V. *Gosudarstvo, nauka i biznes v innovatsionnoj sisteme Rossii* [State, Science and Business in Russia's Innovation System]. Moscow, IEPP Publ., 2008. 227 p. (in Russian).
7. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs. Available at: <http://www.mszs.si/eurydice/pub/oecd/response.pdf> (accessed 28 October 2013).
8. Lazarev G. I. Innovatsionnaja strategija regional'nogo universiteta: celi, problemy, mekhanizmy dostizhenija (Innovation Strategy of Regional University: goals, challenges, mechanisms of implementation). *Management of economic systems*. 2008, no. 12. Available at: <http://www.uecs.ru/marketing/item/1782-2012-12-11-07-59-05> (accessed 28 October 2013).
9. Chelnokova O. Yu. Vozmozhnosti i ogranichenija integratsionnogo vzaimodejstviia mezhdru VUZami i biznesom [Possibilities and limitations of integration interaction between Universities and business]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2011, vol. 11, iss. 2, pp. 41–46 (in Russian).

УДК 336.22

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

И. А. Сушкова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансового права,
Институт социального образования (филиал) Российского
государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: irinasushkova60@mail.ru

И. Б. Калашников

доктор экономических наук, профессор
кафедры бухгалтерского учета,
Саратовский государственный аграрный университет
им. Н. И. Вавилова
E-mail: igor.kalashnikov.65@mail.ru

Введение. Вопрос о собственности – основной вопрос экономической теории. Отношения собственности характеризуют социально-экономический строй страны. Изменение этих отношений свидетельствует о переменах в способе производ-

ства, в сути новой индустриализации российской экономики. **Теоретический анализ.** В статье исследуется влияние перемен в отношениях собственности на формирование инновационной экономики и на становление основ неиндустриаль-

ной экономики, показывается их отличие, выделяются стадии движения капиталистической формации и соответствующие изменения в отношениях собственности и содержательной структуры экономики. **Обсуждение результатов.** Результатом исследования выбранных проблем стало определение понятия «неоиндустриальная экономика», обоснование приоритета государственной собственности при наличии многообразия форм ее осуществления в ходе развития процесса неоиндустриализации, важность установления согласованного взаимодействия интересов государства, корпораций и населения для осуществления инновационных перемен в стране.

Ключевые слова: отношения собственности, неоиндустриальная экономика, инновационная экономика, новая индустриализация, инновационно-технологический капитал, новый технологический уклад производительных сил, власть.

Введение

Стратегическая цель России – выйти в число технологических лидеров, попасть в пятерку крупнейших экономик мира. Для этого стране предстоит встать на путь развития за счет усиления факторов инновационного роста, значительного увеличения инвестиционной активности, поиска новых капитальных источников, формирования новых институциональных механизмов, способных придать устойчивость в формировании высокотехнологичных производительных сил и форм их организации. Это позволит постепенно перейти к осуществлению индустриализации, обеспечивающей простор для нового витка развития, новой индустриализации. По сути, речь идет о формировании новой индустриальной по качественным характеристикам и интегрированной по выстроенной структуре экономики. В основе этого процесса лежит изменение отношений собственности.

Теоретический анализ

В экономической литературе для характеристики формирующейся экономики используются термины «инновационная экономика» и «неоиндустриальная экономика». Как же соотносятся эти понятия? Они характеризуют разные состояния экономики, или отдельные этапы ее развития, или речь идет об одном и том же? Сразу отметим, что мы эти понятия разграничиваем и считаем, что характеризуют они один процесс развития хозяйства на пути становления высоко развитой экономики нового типа, но на разных его этапах.

В этой связи обратимся к положению, высказанному С. Губановым. Процесс развития капитализма вносит коренное изменение в теоретические представления об эволюции и исторических границах капиталистической формации, в учение об ее стадиях. «По тради-

ционному воззрению капитализм исчерпывает свой прогрессивный потенциал еще на стадии государственно-монополистического. Теперь же практика фиксирует относительно новую, прежде не предсказанную его стадию – государственно-корпоративную, которая тоже еще не последняя. Далее должна наступить обозначенная В. И. Лениным стадия госкапитализма, с преобладанием национализированного хозяйства, с фигурами совокупного капиталиста, ассоциированного с государством, и совокупного работника. Лишь затем складываются необходимые и достаточные предпосылки для непосредственного перехода от госкапитализма к социализму. Стало быть, исторически последней стадией капитализма может быть исключительно госкапитализм, причем ему обязательно предшествует государственно-корпоративная ступень» [1, с. 9].

Принимая это положение в качестве методологической установки, можно признать, что высокоразвитая экономика нового типа как системное образование формируется в процессе эволюционного развития капиталистической формации на разных ее этапах. Весь путь преобразований российской экономики на капиталистической стадии согласно логике ее развития в специфических условиях России можно представить схематически в общем виде следующим образом: на этапе «дикого», «примитивного» капитализма произошли деиндустриализация, деградация и дезорганизация народного хозяйства, падение качества жизни народа; на этапе государственно-монополистического капитализма обострилось противостояние собственности и труда, произошло углубление расслоения населения, установилось преобладание монополистической частной собственности; на этапе государственно-корпоративного капитализма в общих чертах формируется и получает свое развитие инновационная экономика, формируется и субъект неоиндустриализации, происходит интеграция собственности корпораций и государства, остается противостояние собственности и труда, расслоение населения; на этапе государственного капитализма наступает сближение зародившихся на предыдущем этапе социальных качеств собственности и труда, возникают технотронные производительные силы, экономика становится наукоемкой и машиноёмкой, формируются модернизированное общество и эффективная экономика, повышается уровень жизни населения, складываются условия для установления социального равенства и пере-

хода к высокоразвитой формации – социализму. Каждый из этих этапов формационного развития имеет определенный временной интервал, свои особенности и результаты.

Формирующаяся на этапе государственно-корпоративного капитализма инновационная экономика – это экономика знаний и инноваций, но ее основой могут оставаться развивающиеся производительные силы на прежнем техническом уровне. В период становления инновационной экономики формируются соответствующие экономические и общественные институты; появляются и получают свое развитие глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы; наука, научные знания и открытия превращаются в один из важнейших факторов производства; используются ядерные и информационные технологии. Затем развитие и совершенствование осуществляется вместе с формационной эволюцией. Заложенные на государственно-корпоративной стадии предпосылки формирования принципиально новых производительных сил: накопленные знания и развитые технологии, уникальные способы получения новых материалов, механизация и роботизация, с переходом на государственно-капиталистическую стадию делают возможным образование новых качеств экономики, неоиндустриальных. Неоиндустриальная экономика – экономика, выстраивающая свое бытие на соответствующих новому технологическому укладу производительных силах.

С переходом на стадию государственного капитализма, в которой преобладает национализированное хозяйство с фигурами совокупного капиталиста, ассоциированного с государством, и совокупного работника, облик экономики определяют технотронные производительные силы и качественно новые базовые продукты, складываются возможности преумножения и эффективного использования ресурсов и потенциалов. Стало быть, инновационная экономика завершение своего развития получает в виде неоиндустриальной экономики, в недрах которой складываются необходимые и достаточные предпосылки для непосредственного перехода от госкапитализма к социализму.

Неоиндустриальная экономика принадлежит социально-экономической системе, основанной на творческом труде, плановой системе управления, широком и эффективном использовании интеллектуальных ресурсов общества. Формируется она при наличии запроса со стороны общества, сложившихся возможностях развития адекватных производительных сил, соответствующего человеческого

потенциала, адекватной политической системы. Содержательной основой формирования и развития неоиндустриальной экономики являются прогрессивные формы отношений собственности – интегрированные, обладающие внутренними импульсами и мощными стимулами к развитию. Процесс возникновения неоиндустриальной экономики с необходимостью предполагает сближение качеств труда и собственности, наличия соответствующих институтов и возможностей для развития и формирования новых их форм. Формирование и развитие неоиндустриальной экономики сопровождается развитием демократии и происходит в их взаимообусловленности. Источниками жизненных сил для существования и развития неоиндустриальной экономики являются фундаментальная наука, высококвалифицированные кадры, активная поддержка со стороны государства.

Неоиндустриальная экономика – это наукоемкая и машиноемкая экономика, где преобладает промышленный капитал в форме инновационно-технологического. Такой капитал в процессе кругооборота на выходе выступает в виде инновационной продукции – новых средств производства, готовых вернуться в процесс производства в виде капитальной стоимости, способной обеспечить воспроизводство промышленного капитала на расширенной и обновленной основе. Главной целью движения капитальной стоимости в форме инновационно-технологического капитала становится производство добавочной стоимости – основы инновационного и технологического развития. Появление качественно новых базовых продуктов и новых элементов инновационно-технологического капитала, средств их производства и способов преумножения на основе добавочной стоимости и есть новая индустриализация экономики. Именно она открывает возможности роста на основе развития, обеспечивает лидерство на мировых рынках, экономическую и технологическую безопасность страны в столь сложном мире.

Лидерами развития инновационно-технологического капитала в России могут стать, по мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина, такие отрасли, как «фармацевтика, высокотехнологическая химия, композитные и неметаллические материалы, авиационная промышленность, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии. Разумеется, традиционными лидерами, где мы не потеряли технологических преимуществ, является наша атомная промышленность и космос. Список не закрыт – все зависит от конъюнктуры мирового

рынка и не в последнюю очередь от инициативы предпринимателей и работников самих отраслей» [2].

Решение столь сложных проблем переориентации экономики на формирование и развитие инновационно-технологического капитала – это государственное дело, оно должно стать главным в государственной политике, новая индустриализация невозможна, если победит линия на вытеснение государства из экономики [3].

Реальное присутствие государства в экономике способствует выстраиванию логики формирования нового индустриального порядка хозяйствования – неоиндустриальной экономики, которая может быть следующей: развитие инновационной деятельности → восприятие инноваций производственной сферой → широкое использование принципиально новых производительных сил → реиндустриализация существующих средств производства → формирование инновационных качеств экономики → обеспечение неоиндустриального порядка хозяйствования → неоиндустриальная экономика. Реализация этой логики предполагает наличие соответствующих социально-экономических условий, порядка хозяйствования и экономической политики как объективно обусловленного явления сложной экономической системы.

Стало уже очевидным, что формирование нового индустриального порядка, принципиально отличного от сегодняшнего, может состояться, если будут решены проблемы, касающиеся основополагающих сущностных изменений экономической системы в направлении созидательного и прогрессивного эффекта ее развития. В первую очередь, речь идет о создании нового индустриального фундамента экономики, основанного современными технологиями. Закладка этого фундамента, успех и темпы его осуществления непосредственно связаны с решением вопроса о собственности.

Если индустриализация – технико-технологический фундамент общественного развития, то отношения собственности выступают фундаментальной основой социально-экономического устройства самого общества. Изменения в отношениях собственности есть сущностные изменения в социально-экономической системе. Углубленный анализ изменений в отношениях собственности – исследование сущностных изменений в экономической системе в ходе новой индустриализации экономики.

Процесс новой индустриализации экономики совершается в соответствии с действием экономического закона соответствия производственных отношений уровню и характеру разви-

тия производительных сил, сформулированного еще классической экономической наукой. Согласно действию этого закона, перемены в производительных силах должны сопровождаться переменами в производственных отношениях и изменением форм их осуществления. Это два взаимосвязанных процесса. В отечественной экономической науке на это обращено внимание: исследуются проблемы собственности в контексте ее взаимосвязи с социальной властью, с меняющейся ролью государства, с устойчивостью развития страны. Есть подходы к объяснению генезиса новых отношений, субъектного состава собственности и влияния перемен в этом составе на переход модернизационных процессов в инновационно-модернизационные.

Ученые справедливо исходят из того, что связь между изменением производственных отношений и изменением уровня и характера развития производительных сил не есть жестко детерминированная. Действительно, между появлением «ростков» новых отношений и их распространением существуют значительные временные этапы развития. И хотя эта связь обнаруживает себя не сразу, а через «целые этапы», тем не менее, она предопределена всей логикой происходящих перемен во времени. И эти перемены совершаются не только во внешнем проявлении, в формах реализации, а и на сущностном уровне. Так, по мнению К. Хубиева, «инновационная экономика, связанная с использованием новых технологий и высококвалифицированного труда, порождает новые отношения, содержащие в себе потенциал преодоления наемной формы труда. И хотя они затрагивают пока лишь верхний, инновационный слой экономики, однако существенно то, что изменения касаются области отношений, образующих фундаментальные основы всего социально-экономического устройства» [4, с. 63].

Теоретически верно, что уже инновационная экономика формирует потенциал преодоления наемной формы труда, но исторический опыт свидетельствует не только о появлении возможностей, но и о длительности по времени (для этого нужны не годы, а десятилетия), и о сложностях реализации этого потенциала. Однако экономической науке надо искать доказательства и возможности преодоления наемной формы труда, поскольку речь идет о фундаментальной основе формирующейся социально-экономической системы. Можно предположить, что реализация потенциала преодоления как раз и возможна будет на пути формирования неоиндустриальной экономики, когда фундаментальной основой социально-экономического устройства

становятся отношения, предопределяющие сближение социальных качеств собственности (собственности на средства производства) и труда (собственности на рабочую силу).

Как видим, эти фундаментальные основы кроются в отношениях собственности. Логика такова: отношения собственности выступают центральными, определяющими в системе производственных отношений, и изменения в производственных отношениях всегда начинаются с изменений в отношениях собственности. Стало быть, именно отношения собственности определяют диалектику функционирования и развития, дискретность и непрерывность движения производственных отношений. Неслучайно вопрос о собственности, о степени соответствия отношений собственности задачам повышения эффективности экономической системы, относится к основному вопросу политической экономии. А связь между развитием производительных сил и отношениями собственности справедливо признается исследователями как основная связь этапа становления и развития новой индустриальной экономики. Уместно признать, что начало формирования неоиндустриального порядка хозяйствования лежит в сфере изменения отношений собственности. Исходя из реалий сегодняшнего дня, эти изменения должны касаться, прежде всего, закрепления необходимой для развития и осуществления надежного контроля темпов и динамикой развития доли государственной собственности в стратегически важных отраслях, создания гарантий защиты общенародной собственности, повышения ответственности за ее сохранность и формирования условий неотвратимости наказания за ее расхищение. Информация об объемах и сферах распространения государственной собственности, ее использовании должна быть доступной, открытой, зримо приносить пользу отечеству, использоваться для повышения жизненного уровня населения и качества его жизни.

В рамках основного вопроса политической экономии методологически оправданно положение о том, что на уровне связи между развитием производительных сил и отношений собственности и в зависимости от ее характера формируется ряд последствий: возникают и реализуются противоречия интересов и процессы их согласования, устанавливаются необходимые соответствия; формируются новые схемы ведения бизнеса; обосновывается принятие или отклонение инвестиционных проектов; возникают новые виды предпринимательской деятельности, находятся партнеры, реализуется получение конечного результата; происходит

справедливое или несправедливое распределение дохода; обеспечивается или не обеспечивается прогрессивный характер развития производительных сил; формируется структура народного хозяйства и занятости трудовых ресурсов; получает закрепление неэффективная модель хозяйства либо складываются условия ее переустройства; накопление и качество совокупного внутреннего промышленного капитала оборачивается дефицитом либо создаются источники крупных инвестиций.

В методологическом плане важно учесть и то, что отношения собственности характеризуют социально-экономический строй страны. Исследование проблем собственности в процессе эволюционного развития социально-экономической системы имеет две стороны: важно объяснить, с одной стороны, влияние форм собственности на осуществление процесса становления неоиндустриального порядка хозяйствования, а с другой – влияние соотношения различных форм собственности на темпы, динамику и направления его осуществления. Российская практика для такого объяснения дает немало примеров. Решение реформаторами вопроса о собственности в России не только не носило созидательного и прогрессивного характера, а оказалось крайне реакционным и антинародным. Реформа «резко понизила технологический уровень производства: в настоящее время он составляет 20–25% уровня 1990 г. В развитых странах мира новые технологии обеспечивают около 85% прироста ВВП. Объем мирового рынка наукоемкой продукции превышает 12,6 трлн долл, при доле США – 36%, Японии – 30%, Германии – 9,5%, Китая – 6%. Доля же пореформенной России ниже 0,3%, а в объеме экспорта – 1,5–2% против 23% в 1990 г. <...> По уровню производства наукоемкой продукции наша страна отстает ныне от западноевропейских на целый технологический уклад, от Южной Кореи – на 15–20 лет. В целом доля инновационной продукции в общем объеме промышленной за последние 10 лет снизилась до 4,5% против 30–40% в конце 1980-х гг., а доля инновационно-активных предприятий не превышает 10% против 60–70% в конце 1980-х гг.» [5, с. 42].

Кроме того, в качестве главной черты социально-экономического строя России в пореформенной период, по признанию ученых, стал глубокий раскол общества на два противостоящих «полюса»: слой олигархии – и основная часть населения, находящегося на грани, а то и за гранью нищеты. Наличие и того и другого полюса для общества недопустимо. Еще Аристо-

тель отмечал, что и бедность, и богатство – это нарушение меры должного.

«По официальным данным, децильный коэффициент составляет 17 : 1, по оценке ученых РАН, – не менее 40 : 1, в то время как социально опасным считается превышение рубежа 10 : 1. Известно также, что в США данный показатель находится в рамках интервала 8–10 : 1, в Западной Европе – 5–6 : 1, в том числе в странах “функционального социализма” (Скандинавия, Швейцария, Австрия) – 3–4 : 1; последняя цифра отражает ситуацию в Китае. Россия занимает второе место в мире по количеству долларовых миллиардеров после США – и за 2010–2011 гг. их количество в нашей стране вновь увеличилось; всего их теперь более 100 человек. Доходы этих 100 человек в 1,5 раза превышают доходы федерального бюджета России, в то время как 15% населения имеют доходы ниже величины прожиточного минимума, размер минимальной зарплаты в 10 и более раз ниже соответствующих показателей ведущих европейских стран» [6, с. 62].

Все больше ученых и экспертов сходятся на мысли о том, что неэффективность экономики связана с катастрофически быстрым переходом к частной собственности. Но дело, скорее всего, не в самой частной собственности и не в скором ее возникновении. Мировая практика свидетельствует о том, что можно эффективно развиваться и в условиях частной собственности. А дело оказалось в том, как и в какой форме этот переход проходил. Известно, что в России переход к частной собственности проходил в форме примитивного дележа, а порой и откровенного растаскивания общенародной собственности. Такой дележ завершился формированием либеральной модели, не позволившей не только совершить модернизацию производительных сил, а и открывшей простор для уничтожения экономического потенциала страны. «Поделенная» собственность на сущностном уровне не связана с трудом и производством, и, в отличие от «заработанной», не свидетельствует о модернизационной мотивации. Только «заработанная» частная собственность может включать стимулы к увеличению капитала, повышению качества продукции, улучшению условий труда, использованию новой техники и новых технологий.

В России в силу сложившихся неэффективных отношений собственности установилась и неэффективная многоукладность экономики. Господство монополий в сырьевом и инфраструктурном секторах экономики привело «к свертыванию масштабов конкурентоспособной промышленности, образования и науки,

здравоохранения, а также неустойчивости развития страны, что проявилось в дефолте 1998–1999 гг., и в большей глубине падения ВВП и промышленного производства в 2008–2009 гг. Многоукладность пореформенной экономики усиливает экономическое неравенство работников» [6, с. 65].

В экономической науке никто не опровергает положения о том, что многообразие форм собственности способствует развитию многих прогрессивных процессов в экономике: состязательности производителей за качество продукции, за снижение затрат, за покупателя; развитию новых видов деятельности и предпринимательства. В целом речь идет о здоровой конкуренции, направленной на прогресс и процветание. И в этом плане присутствие в экономике и частной, и государственной, и муниципальной, и колхозно-кооперативной, и фермерской, и смешанной форм собственности просто необходимо. Однако острым остается вопрос о соотношении этих форм в экономической системе.

Сложившаяся практика показала, что в России преобладающей стала частная собственность. Возникшая в ходе растаскивания общенародного богатства олигархическая форма ее функционирования, как и следовало ожидать, оказалась не только неэффективной, а и вредной для социально-экономического здоровья российского общества. Теоретически и методологически оправданным стал вывод о том, что социально-экономическая система, в которой частная собственность не вписалась в ее общую структуру, не была поддержана народом, не воспринята нравственно, морально осуждаема большинством, не имеет перспективы развития.

Взаимосвязь между собственностью и трудом как важнейшая в обустройстве хозяйственной жизни отмечена еще древними мыслителями. Противоречие на уровне этой связи возникает между собственниками средств производства и непосредственными производителями (собственниками рабочей силы) по поводу факторов процесса производства и результатов труда. В классической экономической науке это противоречие характеризуется как сущностное противоречие любой социально-экономической системы. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы раскрываем самую глубинную тайну, скрытую

основу всего общественного строя и всякой данной специфической формы государства» [7, с. 43].

На уровне теоретического знания сущностное противоречие социально-экономической системы современные ученые формулируют как противоречие собственности. В данных исторических условиях в качестве исходного методологического принципа выступает предпочтение в системе интересов: интересов собственников условий производства или интересов работников. Исходя из выбранного предпочтения, строится модель развития социально-экономической системы, определяются основные факторы и инструменты ее реализации.

Известно, что в практике сложились различные схемы оппортунистического поведения, неформального самостимулирования. Данное обстоятельство замечено учеными-экономистами. Появились попытки разрешения противоречивой проблемы инновационной деятельности в рамках наемного труда, что нашло отражение в неинституциональной теории агентских отношений и «революции управляющих». Отношение принципал – агент рассматривается как отношение между наемным трудом и капиталом. «Их единым родовым признаком является концентрация ресурсов на одном полюсе и их отсутствие на другом, где имеются способности к инновационной трудовой деятельности, но отсутствуют условия для ее реализации. Принципиально важно то, что на основе указанной поляризации возникают экономическая власть одних субъектов и экономическая зависимость других – со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая распределение доходов» [4, с. 65].

Очевидно, что интерес агента не только не идентичен интересу принципала, но и не имеет с ним ничего общего. Принципал заинтересован в сохранении сложившегося положения, поскольку не в его интересах потерять «курицу, несущую золотые яйца». Агент в инновационной экономике – это уже иной субъект. Он по-прежнему не имеет ресурсов, остается человеком наемного труда, но он обладает способностью к инновационному труду, и без этой способности, без ее реализации инновационная экономика в принципе неосуществима, а значит, отпадает вопрос и о неоиндустриальной экономике. Стало быть, формирование новой экономики предполагает сущностные изменения в базовых отношениях способа производства, в новой социально-экономической определенности агента, не обремененного экономической властью над ним и зависимо-

стью от собственника. Поэтому противоречия между собственником и производителем на государственно-корпоративной ступени капиталистической формации неразрешимы. Неоиндустриальная модернизация экономики, организация расширенного воспроизводства за счет инноваций объективно повлечет за собой утверждение новых отношений соучастия и партнерства в общественном воспроизводстве. В качестве переходных форм к партнерским отношениям исследователи называют сетевые организации, стратегическое стимулирование труда топ-менеджеров и др. Появление таких переходных отношений, считают ученые, расшатывает основы капиталистической экономики, способствует преодолению несправедливого распределения доходов.

Исследование этих новых форм есть исследование не только «отношений вообще», но и развернутой многоуровневой системы отношений, объективной диалектики общего и особенного [8, с. 67]. Ученые связывают развертывание этой диалектики с тесной зависимостью собственности, власти и государства, с субъектными переменами в составе собственности. А в качестве доминанты современного развития называется сближение социальных качеств труда и собственности.

Теоретически оправданно предположить, что такие «принципиально иные отношения», характеризующиеся «сближением социальных качеств труда и собственности», будут постепенно складываться на следующей стадии – стадии госкапитализма. Однако реалии таковы, что сформировавшаяся олигархическая собственность в России еще в большей степени закрепила классовое неравенство. Обнищание основной массы населения поставило в еще большую зависимость человека труда от собственника. А государство реализует власть собственников. Оно в условиях социальной неоднородности общества защищает интересы господствующих слоев или классов и формирует систему подчинения им жизнедеятельности основной массы населения.

Сейчас уже стало очевидным, что какие бы формы ни принимало противостояние интересов собственников и производителей, собственники несправедливо сформировавшегося богатства и за бесценок присвоенных средств производства не проявляют желания к инновациям, и это нежелание не способствует, и даже мешает, стремлению к инновациям и людей труда. Стало быть, дальнейшее сохранение сложившихся форм существования частной собственности, представляющих и защищающих интересы мо-

нополий, выступает тормозом продвижения по неоиндустриальному пути развития. До тех пор, пока существует частная собственность в виде корпораций с узкокорпоративными интересами, далекими от интересов миллионов граждан страны, на скорые неоиндустриальные перемены рассчитывать не приходится. Стало быть, неоиндустриализация, причем эффективная неоиндустриализация, столь необходимая России, в рамках существующих форм собственности либо обречена на медленное ее осуществление, либо может остаться благим пожеланием. И дело здесь не только в сложившихся формах собственности, но и в незащищенности общенародной собственности. Слишком очевидна безответственность чиновников за вверенное им богатство страны, безнаказанность за воровство, взяточничество, коррупцию. У основной массы населения формируется устойчивое негативное отношение и к собственникам, и к власти, что прямо отражается на состоянии общественного устройства. Для российского общества эта проблема одна из важных.

Обсуждение результатов

Процесс взаимозависимостей собственности, власти и государства, как на уровне отдельного государства, так и на межстрановом уровне, не может не влиять на происходящие перемены в общественном устройстве и в хозяйственной жизни как мирового сообщества, так и отдельного государства. К тому же формирование инновационной экономики – процесс гораздо более сложный, чем тот, каким он сейчас воспринимается. Речь идет сейчас в основном об инновациях, научных открытиях, новых видах деятельности. Но если принять что перестроить сегодняшнюю экономику России, сделать ее инновационной, провести ее неоиндустриализацию значит изменить, коренным образом перестроить базовые отношения собственности, что означает необходимость изменений на сущностном уровне, то следует признать, что началом перемен в отношениях собственности может стать расширение или формирование заново государственной собственности в решающих отраслях экономики [9, с. 73]. Речь идет об увеличении доли и повышении значимости государственного сектора с целью прогрессивного изменения структуры экономики, увеличения эффективности производства и повышения производительности труда работников. Но есть в этом случае одно важное обстоятельство: государственная собственность должна стать не собственностью чиновничьего аппарата, а общенародной собственностью.

Государство в лице своих органов управления должно нести полную узаконенную ответственность за ее сохранение при наличии должного контроля за ее использование при полной гласности и отчетности. Такая общенародная собственность, закрепленная Основным законом страны, меняет роль и место государства в социально-экономической системе. Оно реально становится выразителем общенародного интереса. Только в этом случае можно рассчитывать на успех партнерских отношений между трудом и капиталом, на ожидаемый результат в отношениях между принципалом и агентом. Наличие государственной собственности в приемлемых размерах позволит государству: успешно реализовать свои организационно-технические функции по обеспечению функционирования экономической системы и надстроечных институтов; влиять на ключевые пропорции между базовыми секторами народного хозяйства; нести ответственность за состояние системы социального обеспечения и социальных гарантий.

При признании необходимости государственной собственности следует признать и необходимость преобразований социально-экономической системы страны. И эти преобразования должны касаться всех сторон жизни общества. Для этого потребуются политическая воля и практическая деятельность с анализом ее результатов, обобщением и распространением позитивного практического опыта.

Список литературы

1. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // *Экономист*. 2008. № 9. С. 3–27.
2. Путин В. В. О наших экономических задачах // Владимир Путин 2012 : [сайт]. URL: <http://putin2012.ru/> (дата обращения: 27.01.2014).
3. Примаков Е. 2011 год : взгляд в будущее // *Рос. газ*. 2012. 16 янв. С. 1, 5.
4. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений // *Экономист*. 2012. № 3. С. 62–67.
5. Вечканов Г. Неоиндустриализация и модернизация // *Экономист*. 2012. № 9. С. 39–47.
6. Бобков В. О социальном измерении нового этапа развития // *Экономист*. 2013. № 5. С. 61–72.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. : в 39 т. Т.13. М. : Политиздат, 1959. 806 с.
8. Елецкий Н. Основной вопрос политической экономики и проблемы развития России // *Экономист*. 2012. № 5. С. 56–68.
9. Сушкова И. А., Калашников И. Б. Неоиндустриализация России : становление и ресурсное обеспечение. Саратов : Изд. центр «Наука». 2013. 292 с.

The Property Relations in the Course of the New Industrialization of the Russian Economy

I. A. Sushkova

Institute of Social Education
(branch) of Russian State Social University in Saratov,
4, Fabrichnaja, Saratov, 410019, Russia
E-mail: irinasushkova60@mail.ru

I. B. Kalashnikov

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov,
1, Teatralnaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: igor.kalashnikov.65@mail.ru

Introduction. The question about property is the main question of the economic theory. The relations of property characterize a social and economic system of the country. The change of these relations demonstrates the changes in the way of production, in the essence of the new industrialization of the Russian economy. **Theoretical analysis.** In the article the influence of changes in the property relations on the formation of innovative economy and on the formation of the fundamentals of neoindustrial economy is investigated, their differences are shown; the stages of movement of the capitalist formation and corresponding changes in the relations of property and substantial structure of economy are allocated. **Discussion of results.** The result of the research of the selected problem was the definition of the concept «neoindustrial economy», the justification of the priority of the state ownership in the presence of variety of forms of its implementation in the development of the process of neoindustrialization, the importance of the establishment of the coordinated interaction of the interests of the state, corporations and the population for the implementation of innovative changes in the country.

Key words: property relations, neoindustrial economy, innovative economy, new industrialization, innovative and technological capital, new technological way of productive forces, power.

References

1. Gubanov S. Neoindustrializacija pljus vertikal'naja integracija (o formule razvitija Rossii) [Neoindustrialization plus vertical integration (About the formula for the development of Russia)]. *Ekonomist* [Economist], 2008, no. 9, pp. 3–27 (in Russian).
2. Putin V. V. O nashih jekonomicheskikh zadachah (On our economic challenges). *Vladimir Putin 2012*. Sait. Available at: <http://putin2012.ru/> (accessed 27 January 2014).
3. Primakov E. 2011 god: vzgljad v budushhee [2011: the look into the future]. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 2012, 16 January, pp. 1, 5 (in Russian).
4. Hubiev K. Innovacionnaja jekonomika i genezis novyh otnoshenij [Innovative economy and the genesis of new relations]. *Ekonomist* [Economist], 2012, no. 3, pp. 62–67 (in Russian).
5. Vechkanov G. Neoindustrializacija i modernizacija [Neoindustrialization and modernization]. *Ekonomist* [Economist], 2012, no. 9, pp. 39–47 (in Russian).
6. Bobkov V. O social'nom izmerenii novogo jetapa razvitija [About the social dimension of the new stage of development]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no. 5, pp. 61–72 (in Russian).
7. Marks K., Jengel's F. *Sochinenija* [Works]. 2nd ed., in 39 vol. Moscow, Politizdat, 1959, vol. 13. 806 p. (in Russian).
8. Eleckij N. Osnovnoj vopros politicheskoi jekonomii i problemy razvitija Rossii [The main issue of the political economy and problems of the development of Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2012, no. 5, pp. 56–68 (in Russian).
9. Sushkova I. A., Kalashnikov I. B. *Neoindustrializacija Rossii: stanovlenie i resursnoe obespechenie* [Neoindustrialization of Russia: the establishment and resourcing]. Saratov, Izdatel'skij centr «Nauka», 2013. 292 p. (in Russian).

УДК 658

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. С. Яксанов

аспирант кафедры менеджмента,
Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: Yaksan@rambler.ru

Введение. В современной экономике все большую актуальность приобретают вопросы, затрагивающие проблему повышения уровня конкурентоспособности современного предприятия. Кардинальное повышение общей результативности промышленного предприятия и его эффективности обусловлено детальным рассмотрением определенных факторов, оказывающих влияние на конечный процесс формирования конкурентных преимуществ. Управление данным процессом предполагает учет и влияние на деятельность предприятия всех заинтересованных участников. Предметом исследования выступает понятие «конкурентоспособность». **Методы.** В основу исследования был положен дедуктивный метод посредством анализа различных положений и синтеза разных подходов к понятию «конкурентоспособность». **Результаты.** Рассмотрение различных видов конкурентоспособности, уровней и факторов, влияющих на ее формирование, обосновывает тот факт, что такие факторы позволят современному руководителю нарастить конкурентный потенциал, развивая преимущества промышленного предприятия. В работе детализируется понятие «конкурентоспособность», рассматриваются основные компонентные элементы, которые образуют данную экономическую категорию. **Заключение.** Автором обозначено, что значительное повышение эффективности деятельности предприятия выступает как конечный результат процесса оптимизации управления конкурентоспособностью предприятия. Стремление многих руководителей современных предприятий достичь запланированного уровня конкурентного преимущества среди множества аналогичных предприятий подталкивает их к внедрению новых подходов к организации бизнес-процессов, применению прогрессивных методов управления и производства, ориентированных на непрерывное обновление производимой продукции. **Ключевые слова:** конкурентоспособность, предприятие, развитие системы управления, конкурентные преимущества, продукция предприятия, эффективность управления.

Введение

«Конкурентоспособность промышленного предприятия» является комплексным понятием, которое неразрывно связано с понятием «конкурентоспособность продукции». Данные понятия очень тесно взаимосвязаны. Конкурентоспособность промышленных предприятий в основном формируется конкурентоспособностью продукции. Но при этом, независимо от кажущихся сходств, между ними имеются определенные отличия.

Предмет исследования – понятие «конкурентоспособность», в частности конкурентоспособность продукции, предприятия, отрасли

и страны. Конкурентоспособность в общем виде является некой сравнительной оценкой продукции относительно имеющихся у нее свойств.

Конкурентоспособность продукции в то же время выступает скорее как обобщенная или комплексная характеристика товара относительно присутствия у продукции определенных конкурентных преимуществ.

Вопросам конкурентоспособности принадлежит весьма большой удельный вес среди научных исследований как в российской экономике, так и за рубежом [1, 2].

Под конкурентоспособностью предприятия следует понимать совокупность (комплекс) характеристик организации, которая отличает данное предприятие от аналогичных либо иных предприятий. Данные характеристики необходимо идентифицировать как конкурентные преимущества организации, которые показывают степень эффективности производства и процессов определенного предприятия, а также рост доли организации на рынке, который обусловлен увеличением числа потребителей, потребности которых были удовлетворены полностью.

Методы

Детализируя понятие «конкурентоспособность», рассмотрим основные компонентные элементы, которые образуют данную экономическую категорию.

И. Фаминский выделил нижеследующие понятия, которые связаны с термином «конкурентоспособность» [1, с. 23]:

1) относительность – проявляется в том, что товар, который конкурирует на одних рынках, в то же самое время будет абсолютно неконкурентоспособен на иных;

2) многовариантность – приводит к тому, что ряд исследователей понимают под конкурентоспособностью только некоторые технические аспекты отрасли, фирмы или продукции;

3) различие подходов к анализу и оценке конкурентоспособности на различных уровнях: уровни продукции, предприятия, отраслей, региона, а также страны в целом.

Проанализировав предложенные понятия, а также их связь с конкурентоспособностью, автор выделил и раскрыл нижеследующие понятия, являющиеся релевантными к данному термину. Так, считает автор, понятие «конкурентоспособность» возможно кратко охарактеризовать в форме «четырёх основ»:

- альтернативность;
- отношение (сравнение);
- вариация;
- плюрализм.

Теперь опишем каждую из основ более подробно. Исходя из вышеобозначенного, конкурентоспособность, в первую очередь, является относительной характеристикой, так как определение конкурентоспособности на основании комплекса свойств и характеристик товара проводится относительно тех или иных, но смежных или аналогичных образцов продукции. Данная оценка и сравнение осуществляются в рамках определенного рынка, свидетельствуя, таким образом, о том, что конкурентоспособный товар в рамках одного рынка не будет (не всегда будет) являться конкурентоспособным на ином рынке.

Следующей основой конкурентоспособности выступает альтернативность (или многовариантность) конкурентных преимуществ или сравниваемых при определении конкурентоспособности объектов (свойства, процессы, отрасль, предприятие и т.п.).

Немаловажным фактором для анализа и оценки конкурентоспособности выступает и личность человека, который определяет уровень конкурентоспособности. Так, принимая решения относительно конкретных вопросов управления, которые косвенно или напрямую

влияют на конкурентоспособность организации в целом, каждый руководитель учитывает условия и факторы, которые, как он считает, будут в наибольшей степени оптимальными в условиях конкретной организации. В этой связи нами была выделена такая основа, как плюрализм или субъективизм подходов к определению уровня конкурентоспособности предприятий.

Следующим понятием, которое характеризует конкурентоспособность как экономическую категорию, выступает вариация и специфичность подходов и методов для оценки и анализа уровня конкурентоспособности, которые отличаются в зависимости от вида (уровня) конкурентоспособности.

В качестве признаков конкурентоспособности промышленных предприятий возможно выделить следующие:

- 1) удовлетворение потребностей потребителей (клиентов) свойствами и характеристиками товара (в частности качеством и т.п.);
- 2) степень востребованности продукции организации также и на мировых рынках (помимо внутренних);
- 3) осуществление процесса формирования конкурентоспособности, который включает в себя потребителей, конкурентов и продукцию;
- 4) равнозначность (в контексте качества) различных категорий товара относительно конкурентоспособности.

Учитывая данные признаки, автор определяет фазы конкурентоспособности предприятия (рис. 1).

Таким образом, допустимо утверждать, что конкурентоспособность выступает развивающейся экономической категорией.

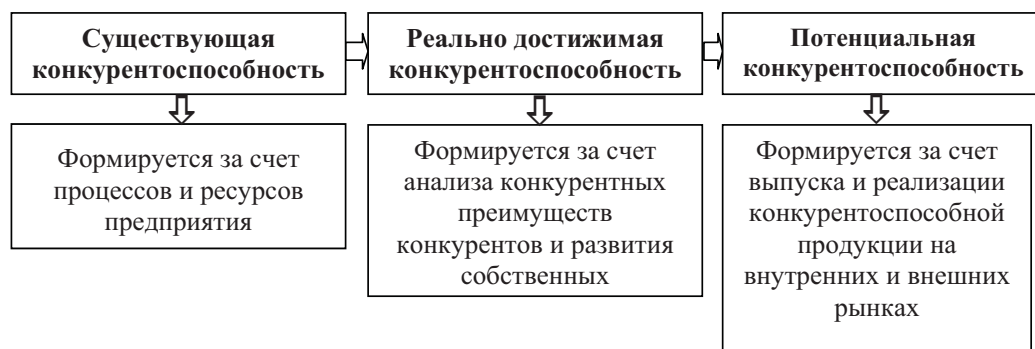

Рис. 1. Фазы конкурентоспособности промышленных предприятий

Говоря о конкурентоспособности организаций, необходимо понимать, что данное понятие достаточно многоаспектно и охватывает все грани деятельности предприятия, в частности,

такие как продукция и ее основные характеристики, а также финансовые, производственные и организационные характеристики самой организации.

Результаты

Конкурентоспособность организации предполагает ее способность эффективно взаимодействовать с экономической точки зрения с конкурентами, потребителями и поставщиками. Для большей наглядности рассмотрим уровни конкурентоспособности схематично.

Известно, что выделяют четыре уровня конкурентоспособности [4, с. 127; 5, с. 119]:

- 1) конкурентоспособность товара (продукции);
- 2) конкурентоспособность организаций (промышленных предприятий);
- 3) конкурентоспособность отрасли и региона;

4) конкурентоспособность страны в целом.

Воспользовавшись методологией процессного подхода, представим механизм формирования конкурентоспособности страны или указанные выше уровни в хронологической последовательности (рис. 2).

Конкурентоспособность организаций, которые занимаются производством аналогичной продукции, предшествует конкурентоспособности отрасли, являющейся, в свою очередь, первоочередной для конкурентоспособности региона, которая образует в сумме конкурентоспособность государства в целом [6, с. 138].

Рис. 2. Формирование конкурентоспособности страны. КП(Т) – конкурентоспособность продукции (товара); КПП(О) – конкурентоспособность промышленного предприятия (организации); КР, КО – конкурентоспособность региона и отрасли; КС – конкурентоспособность страны

Как считает автор, конкурентоспособность можно разбить на 6 уровней, а именно:

- 1) конкурентоспособность продукции (товара, услуги);
- 2) конкурентоспособность предприятия (организации);
- 3) конкурентоспособность отрасли;
- 4) конкурентоспособность региона (область, федеральный округ, либо регионы, которые образуются по географической принадлежности).
- 5) конкурентоспособность страны;
- 6) конкурентоспособность межгосударственных объединений.

Отметим, что на конкурентоспособность современной организации большое влияние оказывают инвестиционные и инновационные проекты, принятые к реализации силами данной организации [7, с. 73].

Соединение конкурентоспособности отрасли и конкурентоспособности региона в 3-й уровень, по мнению автора, является нецелесообразным. Автором предлагается следующее понимание уровней конкурентоспособностей, которые схематично представлены на рис. 3.

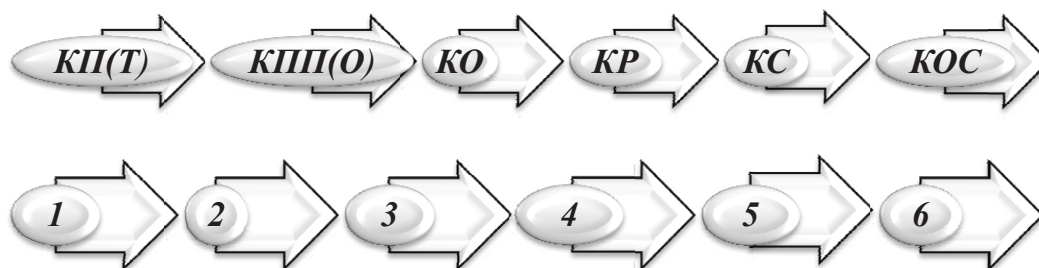

Рис. 3. Авторский подход к уровням конкурентоспособности. КП(Т) – конкурентоспособность продукции (товара, услуги); КПП(О) – конкурентоспособность промышленного предприятия, (организации); КО – конкурентоспособность отрасли; КР – конкурентоспособность региона; КС – конкурентоспособность страны; КОС – конкурентоспособность объединений стран

С целью обоснования справедливости предлагаемого преобразования уровней конкурентоспособностей приведем некоторые положения, которые будут свидетельствовать о рациональности данного утверждения. Авторская позиция исходит из потребности разделить третий

уровень на две самостоятельные категории, а именно: конкурентоспособность отрасли и конкурентоспособность региона, полагая, что данные понятия являются равноуровневыми, поскольку имеются различия в самих понятиях (рис. 4).

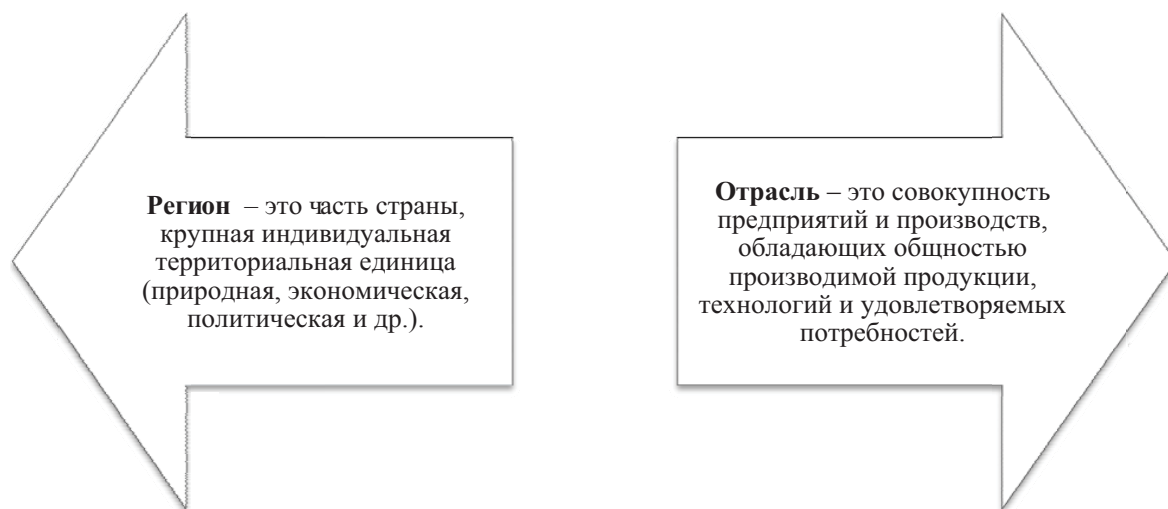

Рис. 4. Обоснование целесообразности деления на уровни, основанное на толковании терминов

Иными словами, отраслью может называться группа конкурирующих предприятий, которые продают схожие товары на рынке, а регион – территория, которая обладает взаимосвязью и целостностью составляющих ее элементов; территориальная единица страны (государства).

Целесообразным также видится возможность определения 6-го уровня конкурентоспособности, а именно конкурентоспособности межгосударственных структур, формирующихся из формальных (т.е. реально действующих и существующих) объединений надгосударственного уровня. Условным примером может выступать Таможенный союз. В данном случае степень конкурентоспособности возможно рассматривать как некую совокупность конкурентоспособности государств, которые входят в данную структуру, объединенную с преимуществами, возникающими от членства в организации (для примера – членство в ВТО). Немаловажным фактором в такой ситуации выступает и то, что отстаивание интересов осуществляется сразу от имени нескольких акторов.

Заключение

Автору видится наиболее рациональной приведенная выше последовательность уровней конкурентоспособности, где каждый следующий уровень есть совокупность предыдущих. Иными словами, конкурентоспособность тем выше, чем больше общая конкурентоспособ-

ность всех товаров, всех предприятий, отраслей и т.д. Каждый следующий уровень сформирован из предыдущих в сочетании с дополнительными факторами.

При этом следует указать, что в некоторых ситуациях приведенная последовательность уровней конкурентоспособности может менять свою очередность под влиянием следующих факторов:

1) крайне высокий уровень имиджа организации, очень известный бренд, продукция предприятия зарекомендовала себя на рынке. В такой ситуации вероятным видится то, что конкурентоспособность организации выступит первым уровнем, так как мощь самого предприятия (к примеру финансовая) способна при переходе на последующий уровень (конкурентоспособность товара) сразу создавать высокий авторитет продукции лишь благодаря имени самого предприятия. Но стоит отметить, что этот фактор возможен только на начальном периоде реализации продукции, поскольку, если товар будет не слишком успешен с позиции качества, то в такой ситуации потребитель откажется от данного товара в любом случае, а также предприятие может потерять клиентов и других своих продуктов;

2) в ситуации, когда организация оказывается монополистом отрасли и региона целиком. В данной ситуации из представленных уровней конкурентоспособности сразу исключается

несколько пунктов, так как конкурентоспособность региона и отрасли будет равнозначна конкурентоспособности этого промышленного предприятия.

Неугасаемый интерес к проблеме повышения уровня конкурентоспособности российскими предприятиями (организациями) обусловлен также и тем фактом, что современный мир стоит на пороге VI технологического уклада, его контуры начинают складываться в развитых странах мира [8, с. 27].

Уровень конкурентоспособности как результата деятельности организации можно оценить на основе различных рейтинговых систем [9, с. 38].

Важно также указать, что на уровень конкурентоспособности влияет выбранная методика оценки конкурентоспособности, а также база сравнения.

Список литературы

1. Vermeire B., Gellynck X. Contribution of Cluster Relations to Food Competitiveness in the EU // International European Forum on Innovation and System Dynamics in Food Networks. 2007. P. 96–110.
2. Schmuck R. Measuring Company Competitiveness //

Business Sciences – Symposium for Young Researchers : Proceedings. 2008. P. 199–208.

3. Александров Н. Н., Козлов В. Д., Крючков В. Д. Конкуренция и конкурентоспособность : содержание понятий и история их становления. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы. 2004. 176 с.
4. Азоев Г. А., Челенков А. Ч. Конкурентоспособность. М. : Маркетинг, 2001. 256 с.
5. Гельвановский М. И. Национальная стратегия конкурентоспособности как основа промышленной политики России // Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 118–128.
6. Береговая И. Б. К вопросу об управлении конкурентоспособностью предприятия // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7, № 2. С. 137–141.
7. Балаш В. А., Фирсова А. А., Чистопольская Е. В. Специфика оценки эффективности инновационных проектов с использованием портфельного подхода // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 73–77.
8. Козин М. Н. Технологическая модернизация как драйвер развития Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, № 2. С. 23–28.
9. Носов В. В., Уманская О. П. Рейтинговая оценка деятельности организаций // Сибирская финансовая школа. 2011. № 5(88). С. 38–42.

Theoretical Basis of Competitiveness at the Present Stage

D. S. Yaksanov

Saratov State Socio-Economic University,
89, Radishcheva, Saratov, 410003, Russia
E-mail: Yaksan@rambler.ru

Introduction. In modern economy is more urgent issues affecting the problem of raising the level of competitiveness of a modern enterprise. Cardinal increase of overall performance of the industrial enterprise and its effectiveness due to the detailed consideration of certain factors exerting influence on the process of formation of competitive advantages. This process management involves the accounting and business impact of all stakeholders. The subject of research is the concept of «competitiveness». **Methods.** The study was based on the deductive method by analysis of the various provisions and synthesis of different approaches to the concept of «competitiveness». **Results.** Consideration of various types of competitiveness levels and factors affecting its formation, justify the fact that such processes allow modern manager to increase the competitive potential of developing the advantages of an industrial enterprise. The paper details the notion of «competitiveness», examines the main component elements that make this economic category. **Conclusion.** The author indicated that a significant increase of efficiency of activity of the enterprise acts as the final result of the process of optimization of management of enterprise competitiveness. The desire of many leaders of the modern enterprises to achieve the planned level of competitive advantage among many similar enterprises is pushing them to introduce new approaches to organization of business processes, application of progressive methods of management and production, oriented to the continuous update of the manufactured products.

Key words: competitiveness, enterprise, management development, competitive advantage, enterprise products, effectiveness of management.

References

1. Vermeire B., Gellynck X. Contribution of Cluster Relations to Food Competitiveness in the EU. *International European Forum on Innovation and System Dynamics in Food Networks*, 2007, pp. 96–110.

2. Schmuck R. Measuring Company Competitiveness. Business Sciences – Symposium for Young Researchers : Proceedings, 2008, pp. 199–208.

3. Aleksandrov N. N. et al. *Konkurenciya i konkurentosposobnost: sodержание ponyatij i istoriya ikh stanovleniya* [Competition and competitiveness: concepts and

- history of their formation]. Nizhny Novgorod, Volgo-Vyatskaja akademija gosudarstvennoj sluzhbi, 2004. 176 p. (in Russian).
- Azoev G. A., Chelenkov A. Ch. *Konkurentosposobnost firmi* [Competitiveness of firms]. Moscow, Marketing Publ., 2001. 256 p. (in Russian).
 - Gelvanovsky M. I. Natsional'naia strategii konkurentosposobnosti kak osnova promyshlennoi politiki Rossii [The National Strategy of Competitiveness as a Base of Russia's Industrial Policy]. *Rossiya i sovremennij mir* [Russia and the modern world], 2006, no. 3, pp. 118–128 (in Russian).
 - Beregovaya I. B. K voprosu ob upravlenii konkurentosposobnost'iu predpriatii [On enterprise's competitive ability control]. *Vestnik JuUrGU. Ser. Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the SUSU. Ser. Economics and Management], 2013, vol. 7, no. 2, pp. 137–141 (in Russian).
 - Balash V. A., Firsova A. A., Chistopolskaya E. V. Spetsifika otsenki effektivnosti innovatsionnykh proektov s ispol'zovaniem portfel'nogo podkhoda [Specific of Evaluation of Innovative Projects Effectiveness Using Portfolio Approach]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2011, vol. 11, iss. 2, pp. 73–77 (in Russian).
 - Kozin M. N. Tekhnologicheskaja modernizatsiia kak draiver razvitiia rossiiskoi federatsii [Technological Modernization as a Driver of Development of the Russian Federation]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 23–28 (in Russian).
 - Nosov V. V., Umaskaya O. P. Reitingovaja otsenka deiatel'nosti organizatsii [Organization rating of activities]. *Sibirskaja finansovaja shkola* [Siberian financial school], 2011, no. 5(88), pp. 38–42 (in Russian).

УДК 332.12 (142.2)

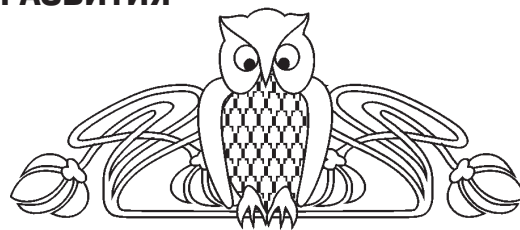
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

К. В. Фенин

студент экономического факультета,
Саратовский государственный университет
E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Г. А. Черемисинов

доктор экономических наук, профессор кафедры
экономической теории и национальной экономики,
Саратовский государственный университет
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

Введение. Траектория развития экономики России во многом определяется крайне неравномерными эволюционными социально-экономическими процессами в ее регионах. **Методика и результаты исследования.** Степень многоукладности и насыщенности экономик территориальных образований может быть представлена через показатель экономической плотности, результаты расчетов которого свидетельствуют о резкой дифференциации между регионами Российской Федерации. Из 78 субъектов заметно выделяются Москва, Санкт-Петербург, а также Московская, Белгородская, Липецкая, Калининградская, Самарская области, Республика Татарстан и Краснодарский край. **Теоретический анализ.** Динамику развития отечественного хозяйства описывает модель кумулятивной причинности регионального экономического роста. Под действием рыночных сил богатые регионы становятся еще богаче, а бедные еще беднее, и неравенство постоянно увеличивается. **Обсуждение результатов.** Благополучные регионы более привлекательны для инвестиций и проживания, поэтому они «стягивают» капитал и рабочую силу, укрепляя свои позиции за счет неблагополучных регионов. Развитие большинства субъектов Российской Федерации сдерживается неэффективностью бюджетных отношений между центром и регионами. **Заключение.** В качестве средства по выравниванию экономического пространства России,

созданию мощных полиареальных структур были предложены некоторые меры региональной политики, бюджетного реформирования и институциональных преобразований.

Ключевые слова: экономика России, экономическая плотность, регион, мобильность, агломерация, бюджет.

Введение

Устойчивость развития экономики России во многом определяется эволюционными социально-экономическими процессами в ее регионах. Проблема регионализации заключается в крайней неравномерности хозяйственного развития отдельных территорий – субъектов Российской Федерации. Одновременно сосуществуют «очаги процветания», «точки роста» и слаборазвитые регионы, дифференциация между которыми по основным параметрам социально-экономического развития доходит до десятков раз.

Региональные различия – ситуация типичная, объективно обусловленная взаимодей-

ствием различных факторов экономической динамики и стечением обстоятельств в истории страны. Процветание не наступает повсюду одновременно, тем более это касается России – огромной державы, занимающей 1/7 часть суши.

Некоторые регионы вырываются вперед в своем развитии под действием объективных факторов «первой природы»: благоприятного экономико-географического положения, наличия обильной и разнообразной ресурсной базы. Кроме того, на благосостояние территориальных образований оказывают влияние факторы «второй природы»: наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов, агломерационный эффект, развитость транспортной, информационной и социальной инфраструктуры, эффективные действия институтов власти, которые вкупе с естественными преимуществами территорий дают синергетический эффект – экономическое развитие регионов и повышение качества жизни населения [1, с. 57–58].

Методика и результаты исследования

Решение проблем устойчивого развития общенациональной хозяйственной системы нашей страны предполагает создание условий для выравнивания уровней и возможностей эволюции экономических систем отдельных субъектов Российской Федерации: республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Выработку практических рекомендаций по сглаживанию региональной дифференциации целесообразно осуществлять на основе анализа показателей и причин диспропорционального роста народного хозяйства субъектов России.

Степень многоукладности и насыщенности экономик названных территориальных образований может быть представлена через показатель экономической плотности, географической компактности экономической активности, – производства ВРП (валового регионального продукта) региона на 1 км² территории субъекта [2, с. 49–50]. Естественно, что наибольшей величины экономическая плотность достигает в городах, агломерациях и кластерах, где сосредоточивается производство и продуктивно используется вся территория региона. Росту экономической плотности способствует концентрация производства, поощряемая различными рыночными и административными механизмами.

Результаты расчетов показателя экономической плотности, наглядно представленные на рис. 1 и 2, свидетельствуют о резкой диффе-

ренциации между субъектами Российской Федерации. Из 77 субъектов заметно выделяются Белгородская, Липецкая, Калининградская, Самарская области, Республика Татарстан и Краснодарский край. При расчетах в методических целях были исключены два города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область.

Как видно на рис. 1 и 2, ландшафт экономического пространства нашего государства весьма неоднороден: на общем фоне рельефно выдаются «вершины» шести «полюсов роста», расположенных на Европейской части России. Перепады экономической плотности между регионами генерируют острую дифференциацию доходов населения; и люди, желая улучшить свое материальное положение, стремятся даже не в сами субъекты – «полюса роста», а в города – административные центры этих субъектов. Процесс территориальной миграции, прежде всего в Москву, Санкт-Петербург и Подмоскowie – абсолютные лидеры по развитости экономики, приобрел долговременный, инерционный характер.

Немногочисленные центры с высокой экономической плотностью формируются на территории Российской Федерации не столько вследствие стихийных конкурентно-рыночных процессов, сколько в результате неэффективной работы институтов власти и реализации установок либерально-рыночного фундаментализма в государственной политике. Зоны экономического благополучия фактически сосредоточиваются в городах, оставляя прочим территориям удручающую перспективу постепенного вырождения. Отток трудовых ресурсов из пригородов и сельских местностей в городские поселения вызывается также значительными различиями в таких аспектах уровня жизни, как питание, образование, медицинское обслуживание, коммунальная гигиена.

Теоретический анализ

Понимание закономерностей становления территориально-производственных систем (комплексов) остается предметом научного поиска и полемики. В частности, отмечается, что центры роста проходят четыре стадии развития: 1) существование большого числа локальных ядер, мало влияющих на окружающие их территории; 2) возникновение одного мощного ядра как полюса роста, влияющего на обширную периферию; 3) образование полицентрической структуры полюсов роста; 4) слияние ядер в урбанистическую полиареальную структуру с мощной периферией.

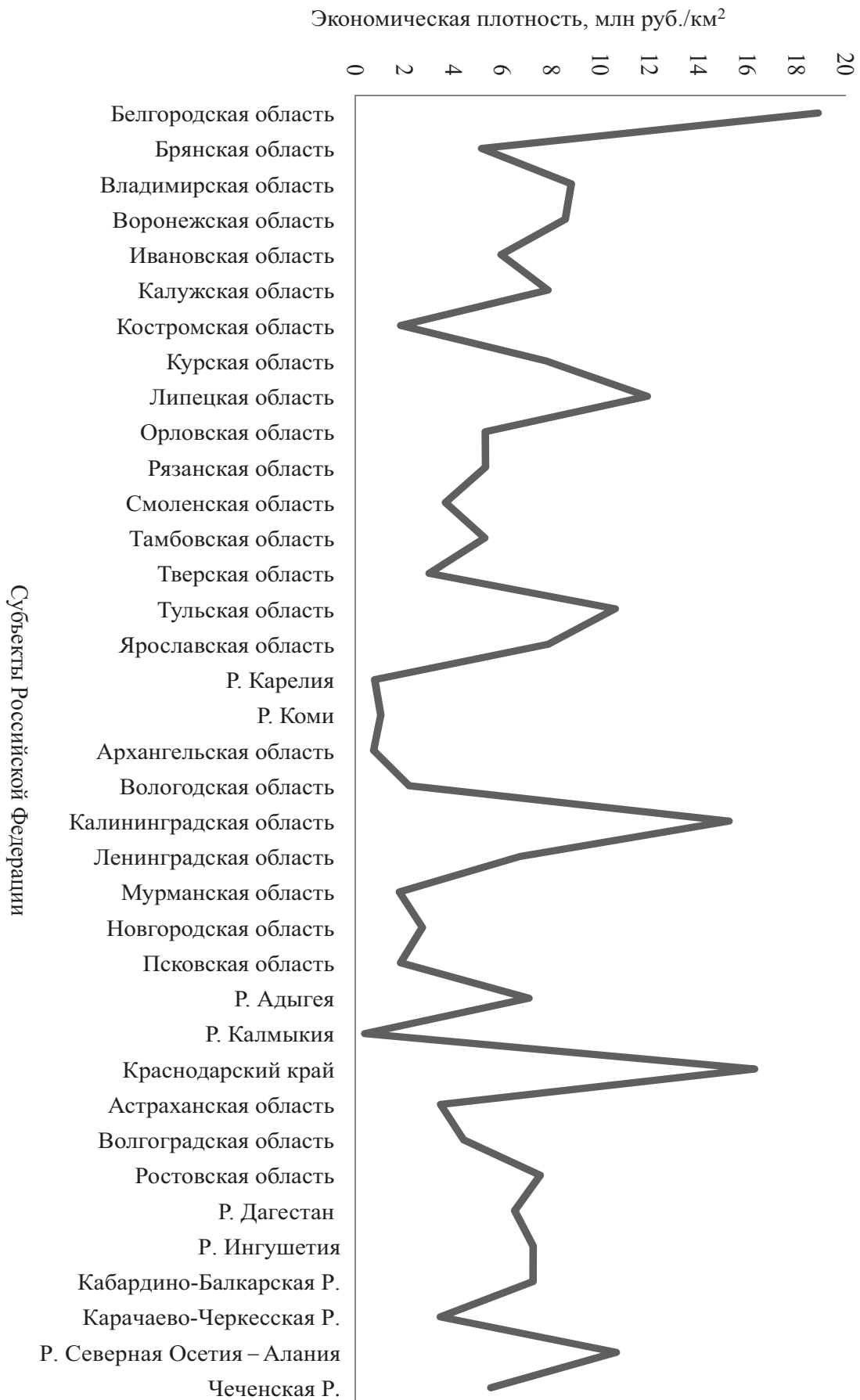

Рис. 1. Показатели экономической плотности субъектов Российской Федерации в 2011–2013 гг. Рассчитано по данным Росстата

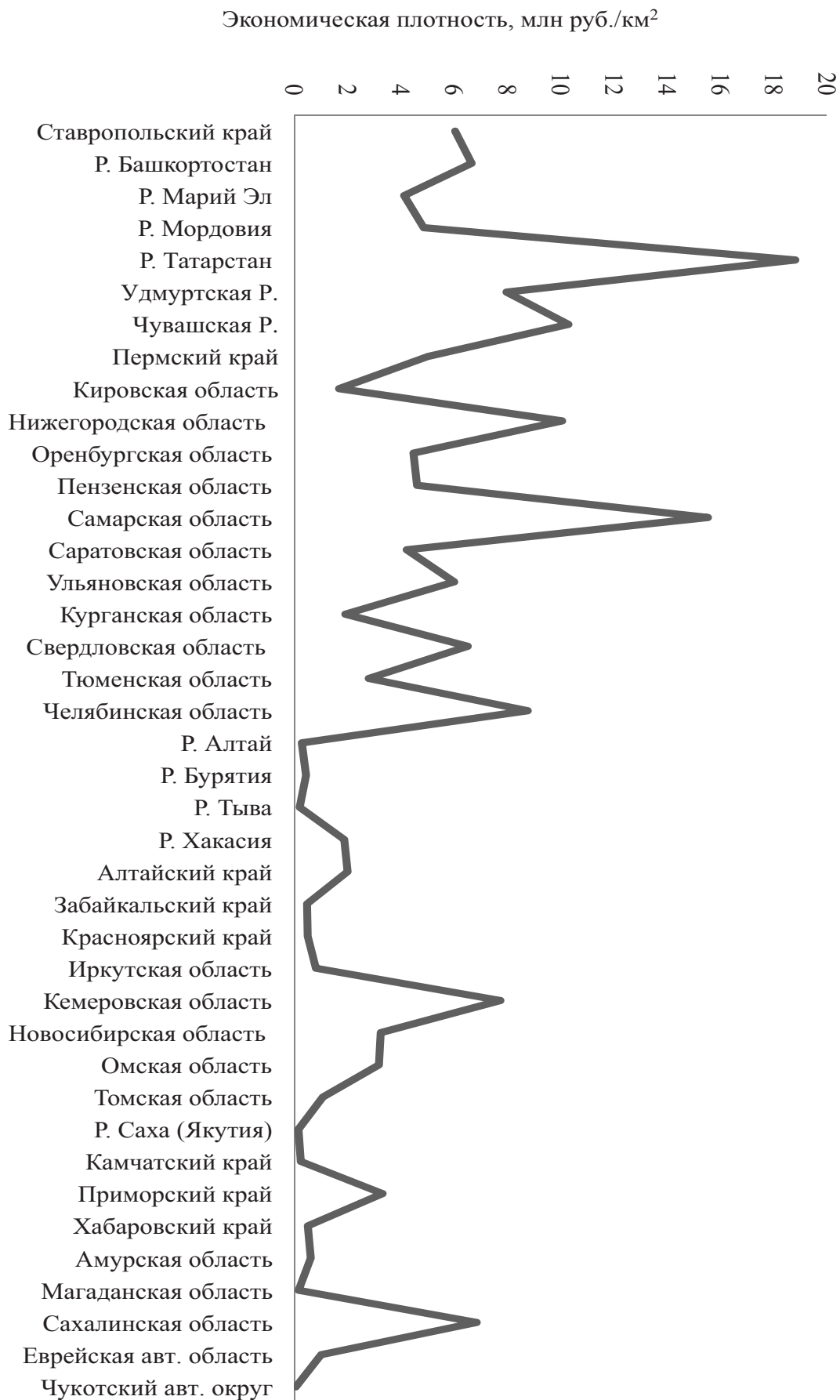

Рис. 2. Показатели экономической плотности субъектов Российской Федерации в 2011–2013 гг. Рассчитано по данным Росстата

Предпосылками территориально-экономического роста называется взаимодействие возрастающего эффекта масштаба в условиях несовершенной конкуренции, динамики транспортных издержек и уровня мобильности ресурсов. Движущей силой выступают группы субъектов хозяйствования. Они формируют точки роста, дающие начало зонам опережающего развития, которые в свою очередь, при наличии эффективной институциональной среды, могут послужить площадкой для реализации кластерных инициатив.

Такой подход позволяет выстраивать логические конструкции восходящего, оптимистического вектора регионального развития. Диффузия нововведений сглаживает первоначально существенные различия между источниками их распространения и периферийными зонами. Освоение нововведений по мере становления быстро растущих центров в отдаленных районах способствует сокращению дифференциации и выравниванию темпов экономического развития территорий [3, с. 156–159]. С точки зрения неоклассической школы, в менее развитых регионах работникам выплачивается сравнительно небольшая заработная плата, позволяющая снижать издержки производства и увеличивать прибыли, стимулировать дополнительный приток ресурсов и рост благосостояния населения данного региона [4, с. 5].

Однако процессы формирования полиаренальных структур – крупных высокоразвитых многоукладных городских агломераций, через которые прошли развитые страны, остаются незавершенными либо вообще не действуют в национальной экономике России. Наличие дешевой рабочей силы в отстающем регионе не приводит к перемещению в него производств из развитых регионов, а способствует оттоку из него трудоспособного населения в полюсы роста. Вместе с тем развитые территории не особо нуждаются в дешевой рабочей силе, численность которой стабильно пополняется за счет мигрантов из бывших союзных республик.

Динамику развития отечественного хозяйства точнее описывает модель кумулятивной причинности регионального экономического роста, суть которой заключается в том, что под действием рыночных сил богатые регионы становятся еще богаче, а бедные еще беднее, и неравенство постоянно увеличивается. Благополучные регионы более привлекательны для инвестиций и проживания, поэтому они «стягивают» капитал и рабочую силу, укрепляя свои позиции за счет неблагополучных регионов.

Этот процесс усиления территориально-экономической дифференциации получил название «эффекта обратной волны» и, согласно модели, он не может быть компенсирован менее значительным положительным «эффектом распространения», который благополучные регионы оказывают на отстающие регионы своими расширяющимися рынками и быстрорастущей экономикой.

Эффект обратной волны реализуется в перетекании экономических ресурсов из медленно растущих или застойных регионов в регионы с быстрым ростом производства. При возможности свободного перемещения по стране люди устремляются в те регионы, где условия, создаваемые местными властями, доходы и налоги более благоприятны для жизни. Эффект обратной волны изменяет качественное территориальное распределение трудовых ресурсов благодаря конкуренции между местными органами власти за привлечение кадров. Считается, что эффект обратной волны вызывается возрастающей эффективностью производства в результате географической концентрации экономической деятельности, снижающей издержки за счет агломерации [5, с. 1–2].

Обсуждение результатов

Препятствие выравниванию уровней хозяйственного и социального развития регионов Российской Федерации создает низкая мобильность трудовых ресурсов и соответствующее ей большое «экономическое расстояние» – показатель, который характеризует на рынке товаров затраты времени и денег на перемещение продукции и услуг между регионами, а на рынке труда – мобильность населения [2, с. 37].

В США ежегодно внутренняя миграция из одних населенных пунктов в другие составляет около 35 млн человек [2, с. XIX]. В России за 2012 г. внутренняя миграция из городских и сельских поселений составила примерно 3,8 млн человек [6]. Мобильность трудовых ресурсов может служить хорошим мерилем их экономического потенциала, а их желание переселиться в другие места свидетельствует о стремлении к экономическому успеху. Слабая внутригосударственная пространственная мобильность населения и, как следствие, слабая заселенность Азиатской части России – серьезная социально-экономическая проблема.

Ограничивают внутреннюю миграцию населения России экономические и институционально-нормативные причины. Сильное привлекательное воздействие более благоприятных возможностей трудоустройства и насыщенной

социальной инфраструктуры немногочисленных богатых регионов Европейской части России стягивает в них носителей человеческого потенциал и препятствует освоению новых территорий. Затрудняет переезд в другие населенные пункты и наличие обязательной регистрации по месту жительства.

Внутренняя миграция уравнивает распределение населения, сглаживая пространственные диспропорции в экономической плотности, поэтому стимулирование мобильности трудовых ресурсов – одна из главных задач национальной экономической политики. Увеличить мобильность трудовых ресурсов можно посредством регионально ориентированной политики заработной платы и прямого инвестирования в транспортную инфраструктуру, содействуя движению потока товаров и услуг по всероссийскому рынку.

Немаловажной представляется ликвидация социально-экономических барьеров миграции, главным из которых остается дороговизна жилья в региональных центрах. Выходом из создавшейся ситуации может быть форсированное строительство общежитий, гостиниц упрощенного типа и иных типов дешевого жилья, т.е. воссоздание инфраструктуры пространственной мобильности, существовавшей в СССР и утраченной в начале рыночных реформ (путем перевода большей части жилья в муниципальную собственность с последующей приватизацией). В отдельных случаях частично решить проблему может создание мобильных городков, размещаемых на специальных площадках, оснащенных необходимыми для жизни коммуникациями. В сфере форсированного развития доступного жилья имеется большой потенциал для партнерства государства и бизнеса, пока не реализованный. Также требуется развитие рынка арендного жилья, преимущественно его дешевых сегментов, за счет увеличения предложения жилья разных потребительских характеристик [7].

Стимулирование переселения населения в Азиатскую часть России будет сопровождаться значительным удорожанием факторов организации строительства необходимой инфраструктуры и производства самих материалов, поэтому затраты для создания экономически развитых территориальных структур за Уралом, аналогичных структурам, расположенным на Европейской части нашей страны, будут значительно выше [8, с. 3–4].

Стихийная, непрогнозируемая миграция трудовых ресурсов усиливает дисбаланс между заселенностью центров и периферии. При

корректировке движения населения следует учитывать, что высококвалифицированный человеческий потенциал перемещается в места его избытка, а не недостатка [2, с. 21]. Образованные работники способны наиболее полно реализовать свой трудовой потенциал именно в крупных городах, где производство шире диверсифицировано, выше уровень заработной платы, более качественное предоставление социальных услуг.

Динамичное развитие большинства субъектов Российской Федерации сдерживается неэффективностью бюджетных отношений между центром и регионами, непропорциональным и несправедливым перераспределением финансов, полученных от налогов и сборов. Правительственная политика создания умышленной зависимости региональных бюджетов от федерального бюджета, при которой лишь 10 субъектов России избежали участи «реципиентов», стала главной причиной накопления госдолга регионов России примерно до 1,5 трлн руб., или 2,2% ВВП в 2013 г. [9]

Усугубляет ситуацию неэффективного бюджетного федерализма частичная деградация органов местного самоуправления, утративших роль хозяйственников и регуляторов и сосредоточивших все усилия лишь на повторном перераспределении выделенных центром финансовых средств, но не на капитальном инвестировании или улучшении социальной инфраструктуры. Улучшение дел возможно, если власти реформируют существующую систему налогообложения, уменьшив процент отчислений в федеральный бюджет и дав при этом регионам больше самоопределения при распоряжении формирующихся у них финансовых средств, не отказываясь от централизованного контроля по исполнению целевых программ.

Эволюция пространственного распределения экономической активности в Российской Федерации привела к формированию обособленных крупных региональных центров – полюсов высокой экономической плотности, которые не служат точками роста для прибрежных территорий, а наоборот, подобно черным дырам, поглощают хозяйственные ресурсы, препятствуя устойчивому развитию отечественной экономики. Такая аномальная тенденция отчасти обуславливается общей отсталостью нашего народного хозяйства, рост которого в последние годы осуществлялся преимущественно за счет извлечения нефтегазовой ренты. Свою отрицательную роль играет и институциональный фактор – оппортунистическое отношение правящей элиты к прогрессирующей «третьемиризации» России.

Заключение

В создавшейся ситуации выход отечественной экономики на траекторию устойчивого роста возможен посредством создания условий для решения проблем диспропорционального развития регионов Российской Федерации. Формирование агломерационных структур, способных оказывать положительное влияние на отсталые регионы за счет растущих рынков сбыта, вовлечения большого количества территорий в хозяйственный оборот посредством перенесения унифицированного производства из города на периферию, диффузии инноваций, возможно благодаря комплексной региональной политике. Обеспечение жителей сельских местностей полноценными базовыми услугами способствует экономической интеграции города и деревни. Снижение социальных и институциональных барьеров миграции населения, сопровождаемое возведением относительно недорого жилья, стимулирует мобильность трудовых ресурсов. Снижение норм отчисления средств, полученных от налогов и сборов, в федеральный бюджет из региональных бюджетов позволит достичь большей самодостаточности и снизить количество дотационных субъектов.

Реализация вышеперечисленных мер в соответствии с моделью кумулятивной причинности регионального экономического роста позволит усилить эффект распространения благоприятной экономической динамики из развитых регионов на отсталые и депрессивные территории и ослабить негативные последствия эффекта обратной волны оттока хозяйственных ресурсов из периферии в центры высокой экономической плотности, инициировать прогрессивную структурную трансформацию народного хозяйства России.

Список литературы

1. *Зубаревич Н. В.* Регионы и города России : сценарии – 2020 // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 1–2. С. 57–71.
2. *Росс-Ларсон Б., Джилл И. С., Го Ч. [и др.]*. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию / пер. с англ. Е. А. Журавлева. М. : Весь Мир, 2009. 384 с.
3. *Гайзатуллин Р. Р.* Региональное развитие и модель позиционирования территорий // Российское предпринимательство. 2012. № 2 (200). С. 156–164. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/22806/> (дата обращения: 22.01.2014).
4. *Евдокимова Л. О.* Концепции развития ресурсного потенциала субъектов экономики : сравнительный анализ, методологические решения // Общество : эффективное управление. 2012. № 3. С. 4–8. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/12_03/12_03_01.pdf (дата обращения: 25.01.2014).
5. *Зубов С. В.* Экономическое развитие регионов России в аспекте модели кумулятивной причинности Г.-К. Мюрдаля // Изв. Ин-та экономических исследований Бурят. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 1–6. URL: [http://inser.pro/upload/iblock/e70/zubov\[1\].pdf](http://inser.pro/upload/iblock/e70/zubov[1].pdf) (дата обращения: 10.07.2013).
6. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (дата обращения: 22.01.2014).
7. *Мкртчян Н. В.* Газеты пишут о внутренней миграции в России // Демоскоп Weekly. 24.05.2011. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/gazeta013.php>. 24.05.2011 (дата обращения: 20.03.2012).
8. *Анохин А. А.* Актуальные проблемы пространственного развития экономики России. URL: <http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/anokhin.pdf> (дата обращения: 27.01.2014).
9. Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. Информационно-аналитический раздел. URL: http://info.minfin.ru/debt_subj.php (дата обращения: 25.01.2014).

Regional Aspects of Sustainable Development of Russian Economy

K. V. Fenin

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: fenin.kir@yandex.ru

G. A. Cheremisinov

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

Introduction. This article assesses the influence of uneven evolution of socio-economic processes in the Russian regions on specific development and functioning of the national economy of Russia. **Methodology and results of research.** The level of self-sufficiency of economy of Russian regions can be presented through an indicator of the economic density which results of calculations testify to sharp differentiation between regions of the Russian Federation. For example, Moscow, St. Petersburg, and also Moscow, Belgorod, Li-

petsk, Kaliningrad, Samara region, Republic of Tatarstan and Krasnodar region of 78 regions of Russia have the highest rates of economic density. **Theoretical analysis.** The model of cumulative causation of regional economic growth describes dynamics of development of national economy. Inequality of regions of the Russian Federation under the ever-increasing market forces: the developed regions are becoming richer and poorer regions lagging behind. **Discussion of results.** Capital, labor and investments go from depressed regions in the developed regions more attractive with the best infrastructure and social benefits. Also, one of the barriers to equalize the level of development of regions of the Russian Federation is the ineffectiveness of fiscal relations between the center and the provincial regions. Consequently, the rich regions of Russia are developing due to depressed regions. **Conclusion.** As result, author proposes specific measures of regional policy, reform of the budget system and some institutional changes, which facilitates the process of leveling the economic space of Russia and the creation of developed urban agglomerations.

Key words: Russian economy, economic density, region, mobility, agglomeration, budget.

References

1. Zubarevich N. V. Regiony i goroda Rossii: stsennarii – 2020 [Regions and cities of Russia: scenarios – 2020]. *Pro et Contra*, 2011, no. 1–2, pp. 57–71 (in Russian).
2. Ross-Larson B., Jill I. S., Guo C. [et al.]. *Report on world development 2009. New view on economic geography*. The International Bank for Reconstruction and Development. World Bank, 2009. 384 p. (Russ. ed.: Ross-Larson B., Dzhill. I. S., Go C. *Doklad o mirovom razvitiu 2009. Novyi vzgliad na ekonomicheskuiu geografiu*. Moscow. Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. 384 p.).
3. Gaizatullin R. R. Regional'noe razvitie i model' pozitsionirovaniia territorii (Regional growth and model of positioning of territories). *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2012, no. 2(200), pp. 156–164. Available at: <http://www.creativeconomy.ru/articles/22806/> (accessed 22 January 2014).
4. Evdokimova L. O. Kontseptsii razvitiia resursnogo potentsiala sub'ektov ekonomiki: sravnitel'nyi analiz, metodologicheskie resheniia (The concepts of development of resource potential of agents of economy: comparative analysis, methodological decisions). *Obshchestvo: effektivnoe upravlenie*, 2012, no. 3, pp. 4–8. Available at: http://www.terrahumana.ru/arhiv/12_03/12_03_01.pdf (accessed 25 January 2014).
5. Zubov S. V. Ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii v aspekte modeli kumuliativnoi prichinnosti G.-K. Miurdalia (The economic development of the Russian regions in terms of the model of cumulative causation G.-K. Myrdal). *Izvestiia Instituta ekonomicheskikh issledovaniu Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 1–6. Available at: [http://inser.pro/upload/iblock/e70/zubov\[1\].pdf](http://inser.pro/upload/iblock/e70/zubov[1].pdf) (accessed 10 July 2013).
6. Federal State Statistics Service. Sait. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (accessed 22 January 2014).
7. Mkrtchian N. V. Gazety pishut o vnutrennei migratsii v Rossii (Newspapers write about internal migration in Russia). *Demoskop Weekly*, 24.05.2011. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/gazeta013.php>. 24.05.2011 (accessed 20 March 2012).
8. Anokhin A. A. Aktual'nye problemy prostranstvennogo razvitiia ekonomiki Rossii (Actual problems of spatial development of economy of Russia). Available at: <http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/anokhin.pdf> (accessed 27 January 2014).
9. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii (Ministry of Finance of the Russian Federation). Sait. Available at: http://info.minfin.ru/debt_subj.php (accessed 25 January 2014).

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338.65

КОРПОРАТИВНАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ, КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Б. С. Батаева

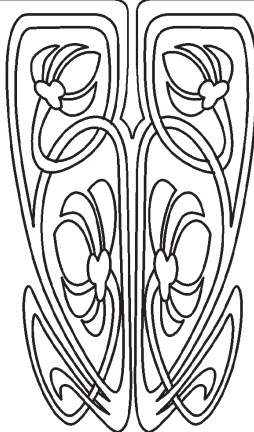
доктор экономических наук, профессор кафедры корпоративного управления,
Финансовая академия при Правительстве РФ, Москва
E-mail: b.bataeva@gmail.com

А. В. Вавилина

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга,
Саратовский государственный университет
E-mail: vavilinaalla@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. В современных условиях повышение конкурентоспособности и инвестиционной активности обеспечивается за счет качества корпоративного управления, которое может быть достигнуто на основе корпоративной прозрачности. **Теоретический анализ.** В статье рассмотрены подходы к определению корпоративной прозрачности, корпоративного управления и корпоративной социальной ответственности. Показано, что корпоративное управление с точки зрения раскрытия информации нуждается в совершенствовании, так как в России сложились особые стандарты формирования, раскрытия и распространения корпоративной информации. Выделены факторы, влияющие на степень открытости компании, такие как: включенность в листинги основных российских и зарубежных международных бирж; создание корпоративных веб-сайтов. Использован системный подход к анализу проблемы, применены методы статистического анализа, графический, анализа и синтеза. **Результаты.** На основе результатов исследований РИД для ЮНКТАД и НРКУ сделан вывод, что они в большем объеме характеризуют только количество представленной информации, не затрагивая ее полноты и качества. За последние годы крупные российские компании существенно улучшили корпоративное управление (КУ), активно развивают корпоративную социальную ответственность (КСО), принимают кодексы этики, выпускают нефинансовую отчетность. Но корпоративная прозрачность российских компаний недостаточна.

Ключевые слова: корпоративное управление, корпоративная социальная ответственность, корпоративная прозрачность.

Введение

Для обеспечения конкурентоспособности российских компаний требуются постоянная инвестиционная активность и доступ к альтернативным источникам финансирования. Необходимым условием увеличения инвестиций в российские компании выступает существенное улучшение корпоративного управления. По экспертным оценкам, только за счет улучшения корпоративного управления капитализация российских компаний может повыситься на 20–40%. Ключевым фактором выхода на новый уровень корпоративного управления выступает прозрачность бизнеса.

Обеспечение корпоративной прозрачности компаний является важной характеристикой качества корпоративного управления, фактором формирования стоимости компании. Информация должна носить существенный характер, способствовать принятию реше-

ний инвесторами, другими заинтересованными лицами компании, формировать обратную связь со стейкхолдерами, оказывающими влияние на деятельность корпорации. Прозрачность информации о компании позволяет предоставлять инвесторам данные о практике корпоративного управления, оценивать его уровень и риски инвестирования.

Теоретический анализ

В России сложились особые стандарты формирования, раскрытия и распространения корпоративной информации. Основным ее источником является отчетность, включающая стандартные формы финансовых показателей, доступные пониманию специалистов. Данная информация затрагивает характеристику финансово-хозяйственной деятельности компании и зачастую не содержит практического интереса для деловых партнеров, кредиторов, рейтинговых агентств, финансовых институтов.

Важным фактором, влияющим на степень открытости компаний, является их включенность в листинги основных российских и международных бирж. Наиболее высокие показатели прозрачности демонстрируют компании, имеющие листинг на биржах США (75% в 2009 г., 76% в 2010 г.). У компаний с листингом на основной площадке Лондонской биржи средний балл в 2009 г. составил 64%, в 2010 г. – 66%. Компании, имеющие листинг в России, существенно менее открыты и в среднем имеют балл 49%. Разница в прозрачности объясняется различиями в требованиях к раскрытию информации, сопутствующих соответствующему листингу. Показатель прозрачности компаний, имеющих листинг только на РТС и ММВБ, в 2010 г. составил 51% при количестве 53 компании (в 2009 г. – 49%).

Важная роль в решении проблемных вопросов отечественного корпоративного управления принадлежит раскрытию корпоративной информации. По результатам опроса руководителей корпоративного блока 50 отечественных компаний, проведенного в 2009 г., к наименее прозрачным сферам относят структуру собственности компаний (38% опрошенных), информацию о вознаграждении членов советов директоров и высшего руководства (32%), финансовую отчетность по МСФО (24%), информацию о работе совета директоров (24%) и о правах акционеров (14%). Проведенный опрос отразил недостаточное развитие механизма контроля за своевременным и полным раскрытием информации о финансово-хозяйственной деятельности компаний.

Уровень развития корпоративного управления в российских компаниях ежегодно оценивается экспертами Национального совета по корпоративному управлению (НСКУ) и Российского института директоров (РИД), созданных с целью разработки, внедрения и мониторинга передовых профессиональных стандартов корпоративного управления в практике российских компаний. Для оценки качества КУ российских компаний НСКУ начиная с 2008 г. издает «Национальный доклад по корпоративному управлению», а консорциум РИД и рейтингового агентства «Эксперт-РА» с 2004 г. года составляет Национальный рейтинг корпоративного управления (НРКУ). До 2011 г. рейтинги КУ российским компаниям присваивало еще Международное рейтинговое агентство Standard & Poor's [1].

Наиболее важные положительные последствия улучшения корпоративной прозрачности для российских корпораций: повышенное доверие к менеджменту, рост стоимости акций, облегченный доступ к заемному капиталу, большее количество долгосрочных инвесторов, снижение стоимости привлечения финансирования, снижение вмешательства рыночных регуляторов и государственных органов, доступ к новым совместным предприятиям и стратегическим партнерствам, повышение ликвидности акций, сглаживание колебаний курса акций.

Рейтинговое агентство Standard & Poor's неоднократно отмечало, что наиболее информативным источником являются корпоративные веб-сайты. Действительно, следуя международной практике корпоративного управления, публичные корпорации должны добровольно раскрывать существенную информацию сверх того, что предусмотрено законом, через электронные и печатные СМИ, корпоративные веб-сайты, специализированные базы данных.

Поскольку информация, размещенная в сети Интернет, доступна всем заинтересованным лицам независимо от местонахождения, можно признать, что опубликование сведений о деятельности корпорации посредством их размещения на веб-сайтах, зарегистрированных в качестве СМИ, будет являться надлежащим способом раскрытия (опубликования) информации. Веб-сайты предоставляют доступ к информации любому заинтересованному пользователю. Интернет только начинают признавать в качестве официального канала раскрытия информации. Вопрос о раскрытии информации через Глобальную сеть тщательно изучается комиссиями по рынку ценных бумаг многих стран. К настоящему времени российские корпорации, акции которых обращаются на биржах, активно ис-

пользуют данный ресурс и на своих веб-сайтах размещают годовые отчеты и финансовую отчетность, а также информацию об органах управления.

Правильно организованный корпоративный веб-сайт – важный элемент системы взаимоотношений с акционерами, инвесторами и другими заинтересованными сторонами как в части раскрытия информации, так и в построении интерактивного диалога.

В целом, сравнивая положение с раскрытием информации в РФ и в странах Восточной Европы, можно сказать, что уровень раскрытия информации в России выше и с точки зрения законодательных норм и с точки зрения их исполнения. В то же время структура и инструментарий раскрытия информации, применяемые в России, отстают от таковых в экономически развитых странах. Например, в российской практике до сих пор отсутствуют такие важные составляющие системы информационной открытости, принятой на зарубежных фондовых рынках, как раскрытие информации для предупреждения инсайдерских сделок, раскрытие информации о всех материальных фактах, относящихся к вопросам, по которым акционеров просят передать голоса для голосования по доверенности на собраниях акционеров.

Нефинансовая отчетность в России имеет позитивную динамику: помимо отдельно изданных отчетов, сведения по вопросам корпоративной ответственности находят все более полное отражение также в годовых отчетах и на корпоративных сайтах. Однако данный процесс сопровождается многими проблемами. Что касается положений по КСО, то они пока не входят в перечень обязательной информации, определенной на законодательном уровне или правилами допуска к листингу. Оценка уровня развития КСО в российских компаниях осуществляется реже. Исследования в этой области ведутся Ассоциацией менеджеров России, которая раз в четыре года выпускает отчеты о социальных инвестициях в виде докладов. Доклады выходили в 2004 и 2008 гг., в настоящее время готовится доклад за 2012 г.

Обсуждение результатов

Рассмотрим результаты ежегодных исследований консорциума РИД и рейтингового агентства «Эксперт-РА» в рамках составления НРКУ за 2011 г. и совместное исследование РИД и ЮНКТАД «Раскрытие информации о корпоративном управлении в Российской Федерации».

Согласно методике Национального рейтинга корпоративного управления оценивается

более ста различных показателей деятельности компаний, разбитых на четыре основные группы:

- права акционеров;
- состав и эффективность работы органов управления и контроля;
- раскрытие информации;
- деятельность в интересах иных заинтересованных сторон и корпоративная социальная ответственность.

Итоговый рейтинг корпоративного управления присваивается на основе полученных оценок каждой из групп показателей с учетом присвоенных им весов. При этом используются данные, предоставленные АО, экспертная информация агентства «Эксперт РА» и РИД, а также публично доступная информация, в которую входят: сайт компании, годовой и нефинансовый отчет компании (при наличии), материалы СМИ и информационных агентств [2].

Согласно методике составления НРКУ в области КСО оцениваются следующие параметры:

- наличие в АО утвержденных политик КСО в отношении ключевых групп стейкхолдеров;
- наличие свода правил корпоративной этики (этический кодекс) Общества;
- корпоративная социальная ответственность в отношении сотрудников Общества и членов их семей;
- корпоративная социальная ответственность в отношении населения по месту деятельности Общества;
- политика корпоративной социальной ответственности по отношению к окружающей среде;
- политика корпоративной социальной ответственности по отношению к конкурентам и контрагентам Общества;
- подготовка Обществом социальной отчетности;
- урегулирование корпоративных конфликтов.

При этом использовались материалы исследования практики КУ в России: сравнительный анализ по итогам 2004–2010 гг., опубликованный РИД в 2011 г. на основе данных Национального рейтинга корпоративного управления (НРКУ). В данном исследовании участвовало 150 компаний, из них акции 71 компании включены в котировальные списки ММВБ (на тот момент еще не прошло объединение бирж ММВБ и РТС [1]).

Исследования практики корпоративного управления в России по итогам 2011 и 2012 гг. показывают, что значительное улучшение прак-

тики КУ наблюдалось с 2004 по 2008 г., а затем замедлилось. Так, показатель уровня развития практики корпоративного управления остается невысоким (в 2011 г. он составил 53% против диапазона 47–54% в 2010 г.). Компонента «Деятельность органов управления и контроля» осталась почти без изменений по сравнению с 2010 г. и составила 58%. Компонента «Раскрытие информации» лучше остальных и составила в целом по выборке 71%. Компонента «Корпоративная социальная ответственность» имеет худшие показатели, она осталась за 2011 г. почти без изменений – 49% против 48% в 2010 г.

Более глубокое рассмотрение динамики компоненты «КСО» дает следующие результаты. Так, если с 2004 по 2008 г. уровень выполнения рекомендаций РИД и «Эксперт-РА» по методике оценки НРКУ в компоненте «КСО» вырос с 32 до 46%, то в 2009 г. он не изменился, в 2010 г. вырос на 2% и составил 48% раскрытия информации в области КСО, а в 2011 г. – 49% [3].

Наиболее развитыми и лучше раскрываемыми компонентами КСО, согласно исследованию, являются: проекты в области КСО для сотрудников (доля компаний, которые их реализуют, составляет 79% от общей выборки исследования); социальные проекты в отношении населения (75%). Проекты в отношении контрагентов имеют лишь 29% компаний, а свод правил корпоративной имеет лишь у 30% компаний.

Что касается принятия официальных документов, регламентирующих цели, задачи и принципы КСО, то доля компаний, декларирующих их принятие, выросла за период с 2005 по 2010 г. с 6 до 35% в целом по выборке, что может

свидетельствовать о положительной динамике в этом вопросе. Однако здесь серьезно встает вопрос об их качестве.

В отраслевом разрезе наиболее активны в области КСО компании нефтяной отрасли, электроэнергетики, телекоммуникаций, металлургии и угольной промышленности (доля рекомендаций в рамках компоненты «КСО» в среднем, соблюдаемых компаниями этих отраслей, составляет от 58 до 84%). Самые низкие значения – 20% и ниже от рекомендованной к раскрытию информации в области КСО – демонстрируют пищевая промышленность, строительство и розничная торговля соответственно.

Другое исследование РИД, «Раскрытие информации о корпоративном управлении в Российской Федерации», дает схожие данные.

Для оценки качества корпоративного управления и уровня прозрачности в рамках этого исследования РИД использовал методику Межгосударственной экспертной рабочей группы по международным стандартам бухгалтерского учета и отчетности (ISAR). (Результаты исследования РИД с использованием данной методики были презентованы общественности на Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 2011 г.) [4].

Она оценивает раскрытие информации по 51 показателю пяти тематических направлений (категорий) (табл. 1). В исследовании приняли участие 72 крупные российские компании, имеющие листинг на бирже. Исследование показало, что российские компании раскрывают информацию в целом по 2/3 из 51 показателя ISAR.

Таблица 1

Основные результаты анализа раскрытия информации российскими компаниями по методике ISAR

Категория	Доля компаний, раскрывающих информацию по показателям данной категории, %
Финансовая прозрачность	88
Структура собственности и реализация прав на осуществление контроля	79
Структура организации деятельности совета директоров (СД) и исполнительных органов	70
Аудит	58
КСО и соблюдение законодательства и правил компании (система комплаенс)	39

Из раскрываемых показателей в большей мере представлены финансовая информация (88% компаний выборки), а КСО и комплаенс имеют самый низкий уровень раскрытия (39%).

Интерес представляет раскрытие информации по показателям внутри категории «КСО и

соблюдение законодательства и правил компании» (табл. 2).

Согласно данным табл. 2, уровень раскрытия в российских компаниях по первым трем показателям выше, а по следующим трем – ниже, чем в целом по категории КСО.

Таблица 2

Результаты анализа раскрытия информации российскими компаниями в категории «КСО и соблюдение законодательства и правил компании»

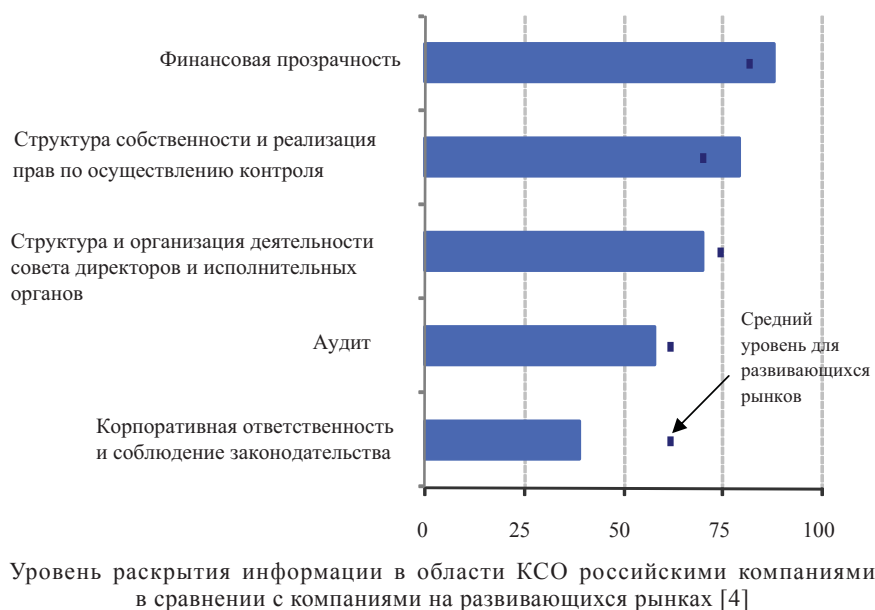
Показатели категории	Доля компаний, раскрывающих информацию по этому показателю, %
Социальная и экологическая политика, результаты деятельности в этих сферах	90
Механизмы защиты прав других заинтересованных лиц	71
Влияние социальной и экологической политики на устойчивое развитие компании	44
Наличие кодекса этики для работников компании	31
Наличие кодекса этики для членов совета директоров и предусмотренные изъятия из его норм	22
Политика по защите «информаторов» (работников, сообщающих о нарушениях и злоупотреблениях)	17
Наличие в совете директоров (СД) членов, избранных работниками компании	0

Последний показатель равен 0. Это обусловлено российским законодательством, не предусматривающим участия представителей работников в составе советов директоров АО. Если для российских компаний этот показатель неинформативен, то он представляет интерес при межстрановых сравнениях. Законодательные требования по присутствию представителей трудовых коллективов в СД компаний существуют в Германии, Франции, Финляндии и пр.

Только 17% компаний выборки имеют «Политику по защите «информаторов»», что также обусловлено культурными и законодательными особенностями в России. Составители отчета в качестве позитивного примера привели компанию «МТС», принявшую «Кодекс делового поведения и этики», запрещающий применение репрессивных мер против «информаторов».

Только у 22% респондентов данного исследования имеются кодексы этики для сотрудников и членов СД. И хотя количество принятых кодексов этики в компаниях в последние годы растет, во многих случаях эксперты отмечают их низкое качество. По наличию кодексов этики в компаниях Россия отстает не только от развитых стран, но от Китая с Индией.

Сравнение уровня раскрытия информации российскими компаниями по категориям со средним уровнем раскрытия на развивающихся рынках (к ним относят Бразилию, Индию, Китай, Малайзию, Россию, Турцию, Чили, Южную Корею и пр.) дает неоднозначный результат и приведен на рисунке. Средний уровень раскрытия информации на развивающихся рынках оценивался по 188 компаниям из 25 стран.

По таким категориям, как «Финансовая прозрачность» и «Структура собственности и реализация прав по осуществлению контроля» уровень открытости в России выше, чем в целом по развивающимся рынкам. Однако раскрытие информации в компоненте «КСО и соблюдение законодательства и правил компании», имеющее значение 39%, значительно ниже среднего уровня для развивающихся рынков, где он составляет ориентировочно 60% (см. рисунок). Поэтому в целом можно говорить о том, что уровень раскрытия информации отстает от развивающихся рынков в части информации по КСО.

Оценки западных экспертов уровня КСО в России в среднем совпадают с приведенными выше данными. Так, по результатам совместного опроса РСПП с Агентством по коммуникациям Fleishman-Hillard Vanguard [5], представители иностранных компаний, работающих в России, оценивают его на 3,7 балла из семи возможных, что чуть лучше показателя 2011 г. (3,5 балла).

Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративное управление с точки зрения раскрытия информации нуждается в совершенствовании. Приведенные результаты исследований РИД для ЮНКТАД и НРКУ характеризуют только количество представленной информации, не затрагивая ее полноты и качества. В то же время именно качество раскрытия информации определяет степень ее прозрачности. Сам факт наличия в представляемой компанией информации «некой совокупности атрибутов корпоративного управления, к которым зачастую сводится раскрытие информации» [6], еще не является условием

работоспособности заявляемых компанией механизмов корпоративного управления.

Список литературы

1. Исследование РИД «Практика корпоративного управления, 2004–2011». М., 2012. 77 с. URL: <http://rid.ru/issledovaniya/issledovaniya> (дата обращения: 01.02.2014).
2. Методика Национального рейтинга корпоративного управления. URL: <http://rid.ru/nacionalnyj-rejting/metodika-nrku>. (дата обращения: 01.02.2014).
3. Исследование РИД «Практика корпоративного управления, 2004–2010». М., 2011. URL: <http://rid.ru/issledovaniya/issledovaniya> (дата обращения: 01.02.2014).
4. Практика корпоративного управления в России : определение границ национальной модели. Экспертно-аналитический доклад. М. : Ассоциация Менеджеров, КПМГ в России и СНГ, 2011. 50 с. URL: http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents_2011.pdf (дата обращения: 01.02.2014).
5. Практики корпоративного управления в России : определение границ национальной модели. Экспертно-аналитический доклад. М., 2011. 52 с. URL: <http://amr.ru/upload/iblock/284/KU.pdf> (дата обращения: 01.02.2014).
6. Повышение информационной открытости бизнеса через развитие корпоративной нефинансовой отчетности. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов, 2008–2011. А. Н. Шохин, Л. В. Аленичева, Е. Н. Феокистова, Ф. Т. Прокотов, М. Н. Озерянская. М. : РСПП, 2012. 102 с. URL: <http://media.rsp.ru/document/1/c/5/c565664f96a568a7d727f19f4f803eb1.pdf> (дата обращения: 01.02.2014).

Corporate Transparency, Corporate Social Responsibility and Corporate Governance

B. S. Bataeva

Financial Academy at the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky prospekt, Moscow, 125993, Russia
E-mail: b.bataeva@gmail.com

A. V. Vavilina

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail:vavilinaalla@mail.ru

Introduction. In modern conditions increase of competitiveness and investment activity is provided due to quality of corporate governance which can be reached on the basis of corporate transparency. **Theoretical analysis.** In article approaches to determination of corporate transparency, corporate governance and corporate social responsibility are considered. It is shown that corporate governance from the point of view of disclosure of information needs improvement as in Russia there were special standards of formation, disclosures and distributions of corporate information. Factors influencing degree of openness of the company such as are allocated: inclusiveness in listings of the main Russian and foreign international exchanges; creation of corporate websites. System approach to the problem analysis is used, methods of the statistical analysis, a graphic method, the analysis and synthesis are applied. **Results.** On the basis of results of researches RID for UNCTAD and NRKU the conclusion is drawn that they in bigger volume characterize only

number of provided information, and don't characterize its completeness and quality. In recent years the large Russian companies significantly improved corporate governance (further KU), actively develop corporate social responsibility (further KSO), accept ethics codes, issue the non-financial reporting. But corporate transparency of the Russian companies is insufficient.

Key words: corporate governance, corporate social responsibility, corporate transparency.

References

1. Issledovanie RID «Praktika korporativnogo upravlenija, 2004–2011» (Research RID «Practice of Corporate Governance, 2004–2010»). Moscow, 2011. 77 p. Available at: <http://rid.ru/issledovanija/issledovanija> (accessed 01 February 2014).
2. Metodika Nacional'nogo rejtinga korporativnogo upravlenija (Technique of the National rating of corporate governance). Available at: <http://rid.ru/nacionalnyj-rejting/metodika-nrku> (accessed 01 February 2014).
3. Issledovanie RID «Praktika korporativnogo upravlenija, 2004–2010» (Research RID «Practice of Corporate Governance, 2004–2010»). Moscow, 2011. Available at: <http://rid.ru/issledovanija/issledovanija> (accessed 01 February 2014).
4. Praktika korporativnogo upravlenija v Rossii: opredelenie granic nacional'noj modeli. Jekspertno-analiticheskij doklad. Moskva, Associacija Menedzherov, KPMG v Rossii i SNG, 2011. 50 s. (Practice of corporate governance in Russia: delimitation of national model. Expert and analytical report. Moscow, Association of Managers, KPMG in Russia and the CIS, 2011. 50 p.). Available at: http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents_2011.pdf (accessed 01 February 2014).
5. Praktiki korporativnogo upravlenija v Rossii: opredelenie granic nacional'noj modeli. Jekspertno-analiticheskij doklad. Moskva, 2011. 52 s. (Practicians of corporate governance in Russia: delimitation of national model. Expert and analytical report. Moscow, 2011. 52 p.). Available at: <http://amr.ru/upload/iblock/284/KU.pdf> (accessed 01 February 2014).
6. Povyshenie informacionnoj otkrytosti biznesa cherez razvitie korporativnoj nefinansovoj otchetnosti. Analiticheskij obzor korporativnyh nefinansovyh otchetov, 2008–2011. A. N. Shohin, L. V. Alenicheva, E. N. Feoktistova, F. T. Prokopov, M. N. Ozerjanskaja. Moskva, RSPP, 2012. 102 s. (Increase of information openness of business through development of the corporate non-financial reporting. State-of-the-art review of corporate non-financial reports, 2008–2011. A. N. Shokhin, L. V. Alenicheva, E. N. Feoktistova, F. T. Prokopov, M. N. Ozeryanskaya. Moscow, RSPP, 2012. 102 p.). Available at: <http://media.rspp.ru/document/1/c/5/c565664f96a568a7d727f19f4f803eb1.pdf> (accessed 01 February 2014).

УДК 330.341.1.01

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ НА БАЗЕ АКСИОМ И СТАНДАРТОВ

А. И. Акчурин

аспирант кафедры прикладной экономики и управления инновациями,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: vagrant89@rambler.ru

А. Н. Плотников

доктор экономических наук, заведующий кафедрой
прикладной экономики и управления инновациями,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: a.n.plotnikov@mail.ru

Введение. Создание новых систем – процесс достаточно сложный. Не менее сложным является формирование системы управления проектом. **Теоретический анализ.** В качестве предмета исследования избраны инновационно-инвестиционные проекты. Разработку системы управления такими проектами, по мнению авторов, следует осуществлять на основе аксиом и стандартов. Аксиомы представляют собой исходные положения, необходимые для разработки системы управления проектом. Стандарты регламентируют взаимодействие участ-

ников инновационного проекта в процессе организации их совместной деятельности и управление продвижением инновационного проекта для достижения конечных целей и результатов. **Результаты.** В основу моделирования системы управления инновационно-инвестиционными проектами предлагается взять 20 аксиом, начиная с формирования цели, критериев и требований к созданию конечной продукции инновационного проекта и заканчивая обеспечением оптимальной комбинации соответствия стоимости, сроков и качества установленным

критериям, сбалансированного сочетания характеристик инновационно-инвестиционного проекта. Также предложено 12 стандартов, регламентирующих взаимодействие участников инновационно-инвестиционного проекта в процессе организации их совместной деятельности и управление продвижением инновационного проекта для достижения конечных целей и результатов.

Ключевые слова: моделирование, система управления, инновационно-инвестиционные проекты, аксиомы, стандарты.

Введение

В контексте настоящего исследования нас интересует инновационно-инвестиционный проект, конечной целью которого является внедрение инноваций. Теоретическую базу инноваций заложили Й. Шумпетер, Н. Кондратьев, П. Сорокин, С. Кузнец, Г. Менш и другие. В дальнейшем она была развита в трудах современных российских и зарубежных исследователей.

В начале XX в. термин «инновация» как новая экономическая категория, как известно, появился благодаря австрийскому экономисту Й. Шумпетеру. Инновацию он трактовал как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательством [1, с. 169, 298]. Научные положения Й. Шумпетера не стали общепризнанными, однако его идеи послужили основой к работе других ученых в области инноваций. Н. Д. Кондратьев стал первым российским исследователем инноваций, который в работе «Большие циклы конъюнктуры» (1930) ввел понятие «длинная волна» применительно к инновациям [2, с. 47].

Инновационно-инвестиционные проекты нами рассматриваются применительно к отрасли строительства, поскольку в строительстве они обязательно требуют вложения инвестиций [3–6] и применения новых технологий и прогрессивных строительных материалов. К инновациям в жилищном строительстве следует отнести технологии и строительные материалы, связанные с энергосбережением, использованием вторичного сырья и техногенных отходов. Последние крупные изменения связаны с такими новациями, как: переход к сборно-монолитному каркасному домостроению, использование технологии несъемной опалубки; улучшение качества бетона за счет различного рода добавок, улучшающих его конструкционные свойства; внедрение различных новых материалов (поризованного кирпича, композиционных материалов, пластиков и пр.). Снижается материалоемкость производства, а технологические операции выносятся за пределы стройплощадки. Одной из тенденций послед-

него времени становится переход от архаичных методов возведения домов непосредственно на стройплощадках (on-sitemanufacturing) к сборно-модульному (офсайтному) домостроению. Много внимания уделяется комплексному решению вопросов энергосбережения в жилых зданиях, развитию когенерационных схем энергоснабжения (совместная выработка электро- и тепловой энергии), внедрению эффективных способов утилизации мусора и очистки сточных вод (центрифужные и мембранные технологии, новые технологии сбраживания сырого остатка).

В отрасли появляются новые технологии, позволяющие строить дома быстро, недорого и с гарантированным качеством. Например, технология «Быстромонтируемый полносборный каркас “Формат”», победившая в конкурсе строительных инноваций (он проводился в рамках проекта «Русский дом будущего»), дает возможность возводить малоэтажные дома за два-три месяца. Такая скорость достигается за счет отсутствия сварочных работ – все соединения болтовые либо типа «шип-паз», т.е. здание собирается как детский конструктор. Появляются высокоэффективные строительные, теплоизоляционные и кровельные материалы, энергосберегающее стекло. Например, по универсальной технологии производства экоблоков из грунта «Русские качели» (еще один победитель конкурса) можно делать альтернативные традиционным стеновым материалам блоки, себестоимость которых составляет 7 копеек (0,3 цента), в то время как стоимость производства кирпича или пенобетона в разы выше. Реализуются первые проекты строительства жилых кварталов, схема энергоснабжения которых основана на принципе когенерации (микрорайон «Академический» в Екатеринбурге, девелопер «РеноваСтройгруп»). Новое оборудование типа вихревого теплогенератора предназначено для обогрева жилых, производственных и иных помещений горячего водоснабжения. По мнению специалистов, вихревой теплогенератор позволит экономить до 20% электроэнергии при отоплении помещений по сравнению с традиционными электроводяными котлами. В 2012 г. теплогенератор прошел опытную эксплуатацию в Саратовской дистанции электроснабжения. За осенне-зимний период предприятие израсходовало электричества на 20% меньше обычного, сэкономив около 200 тыс. кВт/ч, или 1,3 млн руб. В Дорожном центре дефектоскопии замена электрокотла вихревым теплогенератором позволила бы отапливать помещение, потребляя всего 223 тыс. кВт/ч за сезон вместо 270 тыс. кВт/ч.

Таким образом, под инновационно-инвестиционным проектом понимается комплекс работ, взаимоувязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления, способный обеспечить значимый экономический эффект и высокую доходность, предполагающий внедрение технологической и/или организационной инновации [7, с. 41–42].

Теоретический анализ

Формирование системы управления инновационно-инвестиционными проектами в процессе ее разработки и функционирования, на наш взгляд, следует осуществлять на базе ряда аксиом и стандартов.

Такая модель должна включать совокупность аксиом. Аксио́ма (др.-греч. ἀξίωμα – утверждение, положение), постула́т – исходное положение какой-либо теории, принимаемое в рамках данной теории истинным без требования доказательства и используемое в основе доказательства других ее положений [8]. В нашем случае под аксиомой будем понимать исходящие положения, необходимые для разработки системы управления инновационно-инвестиционными проектами (проектом). Аксиомы излагаются в логической последовательности и отражают существующие установки методологии проект-менеджмента и авторскую позицию. Аксиомы в данном случае служат для разработки процедурных стандартов формирования системы управления инновационными проектами, корпоративного стандарта управления ими и конструирования оценочного механизма такой системы.

В основу моделирования системы управления инновационно-инвестиционными проектами, на наш взгляд, должны быть положены следующие аксиомы:

Аксиома 1. Цели, критерии, требования к созданию конечной продукции инновационного проекта определяет потребитель – конечный пользователь. Его поручителем может быть заказчик, учредитель, владелец бизнеса. Требования и критерии к созданию конечной продукции инновационного проекта вырабатываются при формировании его замысла. Цели, критерии, планируемые результаты проекта могут беспрерывно совершенствоваться до пределов, ограниченных временными рамками, финансовыми и научно-техническими возможностями.

Аксиома 2. Глобальной целью инновационно-инвестиционного проекта следует считать наиболее полное удовлетворение интересов клиентов, пользователей продукции. Развитие ожиданий пользователя опосредствует созда-

нию будущей ценности в части улучшения потребительского уровня качества продукции, ускорению сроков реализации инновационно-инвестиционного проекта и выхода продукции на рынок. Такой подход зарождается на стадии предынвестиционных исследований и ориентирован на управление изменениями инновационного проекта.

Аксиома 3. В качестве конечного экономического результата (цели) следует принять обеспечение экономической эффективности инновационно-инвестиционного проекта в соответствии с требованиями основных участников проекта: заказчика, исполнителей, государства, населения. Соответственно, в качестве критерия эффективности инновационно-инвестиционного проекта принимается получение наибольшей экономической выгоды за период жизненного цикла инновационно-инвестиционного проекта или достижение его максимальной внутренней рентабельности при учете ограничений.

Аксиома 4. Локальными целями системы управления инновационно-инвестиционными проектами, обеспечивающими решение главных целей, следует считать: своевременное завершение инновационно-инвестиционного проекта, соблюдение сметного лимита денежных средств на реализацию проекта (лимита потребных инвестиций), требование обеспечения качества (в производственном аспекте) в соответствии с рабочей проектной документацией. В качестве критериев оценки, на наш взгляд, следует принять:

- минимизацию отклонений от заданного срока завершения проекта;
- минимизацию отклонения от установленной стоимости проекта;
- требование бездефектности по техническим условиям.

Аксиома 5. Инновационно-инвестиционный проект – это цель последовательного преобразования, трансформации идеи (замысла) в конечную инновационную продукцию – его результаты. Разработка и реализация инновационно-инвестиционного проекта включает фазы, стадии, этапы его продвижения. Они осуществляются последовательно и итеративно по мере продвижения проекта. Каждый последующий этап жизненного цикла инновационно-инвестиционного проекта является воплощением идей, контурных проработок предыдущего. Концепция перспективна в непрерывном совершенствовании замысла с учетом новых научно-технических возможностей, внедрения инноваций и рыночных потребностей.

Аксиома 6. Инструментом выбора и оптимизации организационных, технических, экономических и других решений является проектный анализ. Проектный анализ – комплексный анализ воздействия инновационного проекта на окружающую среду и обратной связи – влияния окружающей среды на него. Он осуществляется на всех фазах, стадиях, этапах жизненного цикла инновационно-инвестиционного проекта. Обязательным условием проектного анализа выступает выявление альтернатив. Основным критерий выбора решений – получение чистой выгоды, т.е. превосходство результатов над затратами. Предусматривается как экономическая, так и социальная, научно-технологическая выгода. В случае противоречивости критериев оценки выбор вариантов осуществляется с использованием методов, приемов системного анализа.

Аксиома 7. Диалектический подход проектного анализа состоит в поиске оптимального решения в условиях конфликтности требований, разрешения противоречий между заказчиком и другими исполнителями, внешней средой и инновационным проектом, проектной командой и корпоративной структурой фирмы и т.д. Выбор решений должен быть основан на поиске компромисса участников при условии достижения целей инновационного проекта.

Аксиома 8. Логистический подход в проектном анализе состоит в формулировании миссии инновационно-инвестиционного проекта в части его продвижения для достижения результатов, установлении целей, обязательств участников. Выявляется рассогласование экономических интересов отдельных участников. Отрабатывается компромиссное решение на основе компенсации ущерба исполнителей за счет получаемого синергетического эффекта оптимального взаимодействия всех участников инновационно-инвестиционного проекта, обеспечения его требований.

Аксиома 9. Система управления инновационно-инвестиционным проектом – совокупность организационных, технических и экономических элементов (модулей), рассматриваемых в неразрывном единстве. Изменение технических и организационных решений вызывает экономические последствия. Процесс продвижения инновационно-инвестиционного проекта динамичен. Улучшение непрерывно, бесконечно.

Аксиома 10. Конструктивным каркасом проектирования системы управления инновационно-инвестиционным проектом является ее структуризация по целям и задачам, работам и

исполнителям, ресурсам и стоимости, другим элементам. Декомпозиция системы обуславливает детализацию компонентов ее модулей (блоков) и образует элементы информационных потоков для принятия управленческих решений. Иерархия блочной структуры позволяет агрегировать и дезагрегировать совокупности элементов системы.

Аксиома 11. В процессе продвижения инновационно-инвестиционного проекта по фазам, стадиям, этапам жизненного цикла функциональные, предметные блоки системы управления проектом характеризуются обобщенными показателями – критериями его эффективности. Следует применить постулат субоптимальности системы: достижение оптимальности обобщенных критериев эффективности является условием обеспечения критериев высокого уровня иерархического дерева целей и в конечном итоге интегральных показателей эффективности системы управления инновационно-инвестиционным проектом в целом.

Аксиома 12. В качестве производительности продвижения инновационно-инвестиционного проекта принимается вновь созданная стоимость, включающая реальные (или потенциальные) поступления (притоки денежных средств) за вычетом реальных (или прогнозных) затрат (оттоков денежных средств). Для приведения притоков и оттоков денежных средств (финансовых потоков) к единому временному уровню используется принцип дисконтирования.

Аксиома 13. В любой момент времени при оценке эффективности и целесообразности инновационно-инвестиционного проекта анализируются только предстоящие затраты и доходы, притоки и оттоки денежных средств. «Невозвратные» издержки не принимаются во внимание при рассмотрении потоков денежных средств, а лишь служат для ретроспективного анализа. Решение о закрытии или продолжении инновационно-инвестиционного проекта принимается по критерию целесообразности его осуществления лишь на фиксированный момент времени.

Аксиома 14. Управленческие решения, связанные с разрешением текущих проблем, принимаются в условиях влияния риска. При этом рассматриваются альтернативы с разной степенью вероятности свершения события (благоприятного или неблагоприятного) и с различной величиной ущерба (или эффекта) для вариантов решений. Критерий выбора оптимального варианта – максимальный экономический эффект (или минимальный ущерб) при реализации инновационного проекта.

Аксиома 15. Каждый участник-исполнитель инновационно-инвестиционного проекта в своей деятельности ориентируется на собственные интересы. Достижение оптимального результата для конкретного участника не исключает, а часто способствует срыву инновационно-инвестиционного проекта. Компромиссное решение состоит в разработке регламента взаимодействия участников, установлении ограничений деятельности исполнителей, компенсации ущерба для отдельных участников за счет увеличения контрактной цены для исполнителя.

Аксиома 16. Организационно-производственный альянс исполнителей характеризуется системным сбалансированием деятельности всех участников реализации инновационного проекта с помощью организационно-технологической и правовой документации и управленческих мероприятий проект-менеджмента.

Аксиома 17. Административно-технический аппарат, обеспечивающий реализацию комплекса установленных целей и достижения заданных результатов, должен быть сформирован на основе сочетания принципов специализации и многофункциональности работников проектной команды, а также взаимосогласованности их деятельности. Проектная команда призвана для ограничения разнообразия поведения исполнителей-участников инновационного проекта и корректировки траектории его развития.

Аксиома 18. Изменение параметров развития общественных форм организации (специализации, концентрации, комбинирования) при выполнении производственных и управленческих процессов приводит как к положительным, так и к отрицательным составляющим эффективности продвижения инновационного проекта. Сопоставление положительных и отрицательных факторов эффективности для разных элементов проекта и окружающей среды позволяет определить целесообразность преобразований.

Аксиома 19. Вероятность своевременного завершения инновационно-инвестиционного проекта зависит от напряженности графика. Напряженность состояния графика проекта характеризуется возможностью сжатия времени путей сетевого графика для своевременного его завершения. Напряженность графика возрастает по мере повышения интенсивности работ и увеличения степени совмещения работ исполнителей при реализации инновационного проекта. Наибольшая напряженность отмечается, как правило, для критических работ и путей сетевого графика.

Аксиома 20. В течение всего жизненного цикла инновационно-инвестиционного проекта

обеспечиваются оптимальная комбинация соответствия критериям параметров стоимости, сроков и качества, сбалансированное сочетание характеристик. Оптимальное решение, по Парето, достигается в случае невозможности ухудшения одного параметра триады характеристик без ухудшения двух других. Компромиссное решение принимается на основе выявления причин конфликта, анализа внешних факторов, пересмотра параметров локальных целей, выявления и рассмотрения альтернатив, выработки оптимального варианта и корректировки плана проекта (рисунок).

Стандарт (от англ. *standard* – норма, образец) в широком смысле слова означает образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов [9]. Применительно к нашему предмету исследования стандарты проект-менеджмента регламентируют взаимодействие участников инновационно-инвестиционного проекта в процессе организации их совместной деятельности и управления его продвижением для достижения целей, результатов.

Стандарт I. Взаимодействие организаций-исполнителей (заказчика, подрядчика и пр.) четко регламентируется в обязательствах по времени, стоимости и качеству. Обязательства по времени отражаются в календарных планах, сроках мероприятий в контрактах. Стоимостные ограничения устанавливаются в сметах, договорных ценах, подрядных договорах. Требования к качеству даются в рабочей документации к инновационно-инвестиционному проекту, технических условиях и нормах. Распределение сроков и времени по работам проводится на основе структуризации работ (СРР) и организаций (СРО).

Стандарт II. Требования к качеству в потребительском аспекте характеризуют содержание инновационного продукта и инновационно-инвестиционного проекта. Первоначально они устанавливаются в обосновании проекта и его резюме на основе тестирования и подготовки технического задания.

Определяются критерии успешности продукта и проекта (технические, технологические и др.). В процессе продвижения инновационно-инвестиционного проекта обеспечивается сбалансирование и модифицирование параметров содержания инновационных продуктов, времени и ресурсов. Обосновывается компромиссное решение.

Стандарт III. Декларируется однозначная закреплённость ответственных исполнителей – низовых руководителей участников инно-

вационно-инвестиционного проекта – за сбор и передачу информации о ходе работ. Ответственные исполнители определяются распоряжением менеджера инновационно-инвестиционного

проекта на весь (или часть) период разработки и реализации проекта. Замена ответственных исполнителей проводится лишь в экстренных случаях и оформляется распоряжением.

A-1	Цели, результаты конечного потребителя	A-2	Глобальная цель: макс ожидания пользователя
A-4	Локальные цели: $\Delta T \rightarrow \min$; $\Delta Z \rightarrow \min$; $\Delta Q \leftrightarrow 0$	A-3	Экономическая цель ЧДД (ВНД) – $\rightarrow \max$
A-5	Непрерывность, преемственность развития идеи	A-6	Комплексный критерий $\Xi = P - Z \geq 0$
A-8	Распределение синергетического эффекта	A-7	Компромисс участников при противоречиях
A-9	Единство оргтехнических и экономических решений	A-10	Декомпозиция, структуризация системы и последующий дизайн
A-12	Результативность – дисконтированные финансовые потоки	A-11	Субоптимальность целей и критериев в иерархической схеме
A-13	Точка «отсчета» – игнорирование «невозвратных издержек»	A-14	Текущий критерий Ущерб * $\rho \rightarrow \min$
A-16	Альянс исполнителей – сбалансированный регламент и компромисс соглашения	A-15	Противоречие С. Бира: оптимальность системы против отдельности составляющих
A-17	Эффект Эшби – ограничение разнообразия	A-18	Формы организации $Y = f(x_1, x_2, \dots)$
A-20	Оптимальность по Парето	A-19	$U_{ue}, W_{ij} \rightarrow \rho \rightarrow Y_{\Delta t}$

Модель формирования системы управления инновационными проектами.
В блоке А-14 знак «*» означает умножение

Стандарт IV. Предусматривается одно-разовый ввод данных для компьютерной обработки информации. Исходная и оперативная информация, полученная от ответственных исполнителей, должна поступать единожды и использоваться для решения многих задач. Так, первоочередная информация об изменении объемно-временных параметров используется для оценки выполнения сроков инновационного проекта, для анализа затрат, управления его ресурсами, прогнозирования финансовых потоков.

Стандарт V. Оперативная информация о ходе продвижения инновационного проекта отражает объем выполненных работ в натуральном и стоимостном выражениях, проценты

готовности работ. Процент выполнения работ контракта (проекта) в целом определяется менеджером экспертно, учитывая сочетания указанных параметров и приобретенные навыки оценки.

Стандарт VI. Периодичность передачи информации о ходе работ, расходовании ресурсов, осуществлении затрат регламентируется интервалом в один месяц, двухнедельный срок, неделю. Интервал времени выбирается исходя из важности и сложности инновационного проекта, длительности срока его завершения. По мере продвижения инновационно-инвестиционного проекта интервал времени изменяется в сторону уменьшения.

Стандарт VII. Исходная документация, оперативная информация и сводно-аналитическая отчетность готовятся в строго установленных формах. Исходные и оперативные документы должны быть приспособлены для обработки информации на компьютере. Информация передается на бланке нарочным.

Стандарт VIII. Для обеспечения достоверности информации по контролю за сроками, стоимостью, финансовыми потоками устанавливаются фиксированные моменты времени – «вехи» продвижения инновационно-инвестиционного проекта. «Вехи» отражают четко обозначенное завершение этапов инновационного проекта и позволяют наиболее точно определить процент выполнения контракта (инновационного проекта), процент освоенных объемов работ. Сопоставление фактических и плановых данных показывает отклонение по времени, стоимости.

Стандарт IX. Актуальность применения корректирующих, регулирующих воздействий определяется путем установления уровня предельных отклонений. Предельные отклонения по времени, стоимости, качеству устанавливают менеджеры инновационно-инвестиционного проекта в зависимости от важности, сложности, степени его освоения (завершения).

Стандарт X. Выходная информация по контролю и оценке параметров продвижения инновационно-инвестиционного проекта распределяется по уровням иерархии управления проектом-менеджмента. Параметры интегральной оценки направляются на верхний уровень управления инновационным проектом: менеджера проекта, заказчика, ассоциированного инвестора (потребителя); параметры обобщающей оценки – на уровень руководителей групп проектной команды, руководителей организаций-исполнителей; параметры факторной оценки – на уровень ответственных исполнителей.

Формируется взаимосвязанная иерархия показателей с распределением и перераспределением функций и ответственности по уровням управления.

Стандарт XI. Несистематические риски, возникающие в процессе продвижения инновационного проекта, оцениваются с помощью параметра вероятности их возникновения, ущерба в стоимостном выражении при возникновении риска или затрат на устранение (уменьшение) их влияния. Для ожидаемых рисков предусматривается резерв непредвиденных затрат.

Стандарт XII. В процессе продвижения проекта проводятся регулярный контроль и

оценка вновь созданной стоимости, характеризующей производительность развития инновационно-инвестиционного проекта. Вносятся изменения по содержанию, фактическим затратам и доходам, новым срокам работ, качеству инновационного проекта и продукции. К изменениям относятся как фактические отклонения характеристик инновационного проекта, так и принятые управленческие решения по корректировке его параметров.

Результаты

Таким образом, формирование системы управления инновационно-инвестиционными проектами в процессе ее разработки и функционирования, на наш взгляд, следует осуществлять на базе модели, в основу которой положены аксиомы и стандарты. Такая модель должна включать совокупность аксиом, т.е. исходящих положений, необходимых для разработки системы управления инновационно-инвестиционным проектом. В основу моделирования системы управления инновационно-инвестиционными проектами предлагается взять 20 аксиом, начиная с формирования цели, критериев и требований к созданию конечной продукции инновационного проекта и заканчивая обеспечением оптимальной комбинации соответствия стоимости, сроков и качества установленным критериям, сбалансированного сочетания характеристик инновационно-инвестиционного проекта.

Предложено 12 стандартов, регламентирующих взаимодействие участников инновационно-инвестиционного проекта в процессе организации их совместной деятельности и управление продвижением инновационного проекта для достижения конечных целей и результатов.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 455 с.
2. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. М. : Экономика, 1993. 544 с.
3. Плотников А. Н., Симаков А. К. Параметры системы инвестирования инноваций // Вестн. Сарат. гос. техн. ун-та. 2009. № 3(40), вып. 1. С. 201–210.
4. Плотников А. Н. Реальное инвестирование ресурсосберегающих технологий в строительстве: логистические аспекты // Инновационная деятельность. 2011. № 4(17). Вып. 1. С. 58–62.
5. Плотников А. Н. Управление инвестиционно-строительной деятельностью // Актуальные проблемы менеджмента / под общ. ред. С. Д. Резника. Пенза : ПГУАС, 2012. С. 90–101.
6. Плотников А. Н. Источники инвестирования инно-

- ваний на предприятии // Инновационная деятельность. 2013. № 1(24). С. 81–84.
7. Стрельцин Я. С. Развитие системы управления инновационно-инвестиционными проектами : дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2013. 201 с.
 8. Аксиома // Википедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 02.01.2014).
 9. Стандарт // Википедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82> (дата обращения: 02.01.2014).

Model Management System Forming Innovation and Investment Projects on the Basis of Axioms and Standards

A. I. Akchurin

Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A.
77, Polytechnicheskaya, Saratov, 410054, Russia
E-mail: vagrant89@rambler.ru

A. N. Plotnikov

Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A.
77, Polytechnicheskaya, Saratov, 410054, Russia
E-mail: a.n.plotnikov@mail.ru

Introduction. The process of formation of the system of innovation and investment projects on the basis of a set of axioms and standards. **Theoretical analysis.** Formation of the system of innovation and investment projects in the process of design and operation, in our opinion, should be carried out on the basis of a set of axioms and standards. Axioms are outgoing provisions necessary for the development of the project management system. Standards govern the interaction of the innovation project in the organization of their joint activities and promotion of the innovative project management to achieve the ultimate goals and outcomes. **Results.** The basis of the modeling system of innovation and investment projects are invited to take the 20 axioms, since the formation of objectives, criteria and requirements for creating a final product of innovative design to ensure compliance with the optimum combination of cost, schedule and quality of established criteria, the characteristics of a balanced mix of innovation and investment project. Also were proposed 12 standards regulating interaction between participants innovative investment project in the organization of joint activities and promotion of the innovative project management to achieve the ultimate goals and outcomes.

Key words: modeling, control system, innovative and investment projects, axioms, standards.

References

1. Schumpeter J. *Teoriia ekonomicheskogo razvitiia* [The Theory of Economic Development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (in Russian).
2. Kondratiev N. D. *Izbrannye sochineniia* [Selected Writings]. Moscow, Economics Publ., 1993. 544 p. (in Russian).
3. Plotnikov A. N., Simakov A. K. Parametry sistemy investirovaniia innovatsii [System Settings investment innovation]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University], 2009, no. 3(40), iss. 1, pp. 201–210 (in Russian).
4. Plotnikov A. N. Real'noe investirovanie resursosbergaiushchikh tekhnologii v stroitel'stve: logisticheskie aspekty [Real investment in the construction of resource-saving technologies: logistical aspects]. *Innovatsionnaia deiatel'nost'* [Innovation activities], 2011, no. 4(17), iss. 1, pp. 58–62 (in Russian).
5. Plotnikov A. N. Upravlenie investitsionno-stroitel'noi deiatel'nost'iu // *Aktual'nye problemy menedzhmenta* [Management of investment and construction activity. Actual problems of management. Ed. by S. D. Reznik]. Penza, PGUAS Publ., 2012, pp. 90–101 (in Russian).
6. Plotnikov A. N. Istochniki investirovaniia innovatsii na predpriatii [Investment sources of innovation in the enterprise]. *Innovatsionnaia deiatel'nost'* [Innovation activities], 2013, no. 1(24), pp. 81–84 (in Russian).
7. Streltsin Ya. S. Razvitie sistemy upravleniia innovatsionno-investitsionnymi proektami: dissertatsiia kandidata ekonomicheskikh nauk [Development of the system of innovation and investment projects. Diss. cand. econ. sci.]. Saratov, 2013. 201 p. (in Russian).
8. Axiom. *Wikipedia*. Sait. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BC%D0%B0> (accessed 02 January 2014).
9. Standard. *Wikipedia*. Sait. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82> (accessed: 02 January 2014).

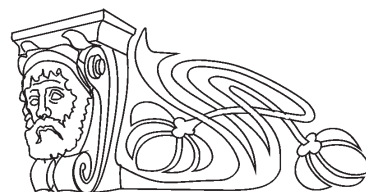

УДК 004.33

ПРОБЛЕМЫ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

В. Ю. Макаров

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения,
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vumakarov1962@yandex.ru

Введение. В посткризисный период наблюдаются застойные и подчас тревожные явления в мировой экономике. Это и кризис в ряде стран Еврозоны, и долговые проблемы в США, а также замедление темпов экономического роста в Китае и России. Несмотря на это, опережающими темпами продолжается кредитная эмиссия в российской экономике, поддерживающая высокий уровень потребительского спроса населения. Поэтому актуальным является анализ наблюдаемых противоречий, а также методологических категорий, касающихся кредитных операций российских банков. **Теоретический анализ.** Основное противоречие текущего момента заключается в наблюдаемом разрыве между темпами роста кредитной активности банков и темпами развития отечественного производства, что требует мер по сближению темпов путем перехода к более мягкой денежно-кредитной политике. **Результаты исследования.** Результатом исследования явились выводы о необходимости новой политики в области кредитования и новый взгляд на понятие «принцип кредита». В плане разрешения экономических противоречий важно обстоятельно изучить вопрос о стимулировании кредитования отечественного бизнеса.

Ключевые слова: кредит, потребительский спрос, принцип кредита.

Введение

Новые экономические тенденции, процессы и условия требуют пристального изучения, качественно иного осмысления и принятия радикальных передовых решений. После мирового финансово-экономического кризиса экономика многих стран столкнулась с проблемами, суть которых заключается в чрезмерном увеличении долговых нагрузок как на сами страны, так и на резидентов этих стран. Данные проблемы не менее актуальны и для нас, где наряду с задачей таргетирования инфляции вопросы управления кредитованием выходят на первый план. Важно разобраться с противоречиями этого процесса и дать новую оценку методологическим понятиям этой деятельности.

Теоретический анализ

В нашей стране в последнее время наблюдается самый настоящий кредитный бум. Темпы роста масштабов кредитования частных лиц уже достигли предкризисного периода. Так, в 2012 г. портфель потребительских кредитов у крупнейших российских банков увеличился более чем

на 40%. А за первые два месяца 2013 г. объем выданных потребкредитов вырос более чем на 170 млрд руб. [1].

Это явление сопровождается следующими фактами:

- расширение потребительского спроса за счет увеличения покупательной способности населения;

- такое увеличение покрывается преимущественно импортом, о чем свидетельствуют, в частности, низкие темпы уровня прироста отечественного ВВП;

- отрыв опережающего темпа прироста покупательной активности граждан от роста собственного производства (индекс роста кредитования предприятий находится в среднем на уровне 10 %, причем многие кредиты выдаются на цели рефинансирования ранее образовавшихся долгов и на затыкание финансовых дыр);

- плохая инвестиционная привлекательность экономики (о чем косвенно свидетельствует отток капитала из страны, который составил в мае 8 млрд долл., а за 2012 г. – 54,1 млрд долл. [2]);

- несоизмеримость темпов роста кредитной нагрузки на население и темпов увеличения его доходов, которые отстают в несколько раз, что вызывает сомнения по поводу перспектив уплаты процентов по кредитам и своевременности погашения нарастающей задолженности;

- заемщики, попадая в кредитную зависимость, теряют контроль за принятыми на себя рисками; часть из них не осознает важности понятия «осмысленная потребность в кредите», его связи с собственным финансовым состоянием сейчас и в перспективе;

- начинает снова расти число «проблемных кредитов», т.е. таких, при обслуживании которых заемщиками возникают случаи задержек с возвратом основного долга и процентов, различного рода пролонгации по срокам, полной несостоятельности (банкротства) ссудозаемщика и другие обстоятельства;

- доля просроченной задолженности в общем объеме потребительских кредитов в среднем составляет около 5% [1, с. 46].

Последнее приводится по данным Центрального Банка на основании официальной отчетности банков (счет № 458 бухгалтерских балансов по РСБУ), хотя по методике МСФО уровень просрочки в нашей банковской системе во много раз выше, так как при использовании этой методики в нее включается вся сумма кредитов, по которым допущено нарушение условий кредитных договоров, размер ссуд за балансом (например проданных коллекторским агентствам) и другие существенные условия и правила.

Кроме того, не секрет, что многие банки зачастую сильно приукрашивают свою отчетность, стремясь избежать репутационных рисков, повышенных резервов на возможные потери по ссудам, снижения балансовой прибыли, проверок и ревизий кредитной политики банка со стороны контрольно-надзорного органа.

Эти факты отражают как позитивные тенденции, так и негативные тревожные явления, связанные с процессами банковского кредитования. Дело в том, что кредитование должно идти в русле общей экономической политики, и такой прорыв в области потребительского кредита должен подкрепляться мерами стимулирования и соответствующей поддержки, в первую очередь государственной, развития отечественной промышленности и сферы услуг.

Центробанку как органу государственного управления, по-видимому, целесообразно рассмотреть вопрос о переносе приоритетов с монетарных мер по борьбе с инфляцией, что также сохраняет важное значение для экономики, на меры по разумному смягчению денежно-кредитной политики, ведущего к последовательному снижению процентных ставок, росту объемов производства и повышению предпринимательской активности внутри страны.

Кроме того, с позиции накопленного опыта кредитной деятельности, по всей видимости, требуют уточнения и некоторые вопросы методологического характера.

Речь идет, в частности, о так называемых принципах кредитования, или о принципах кредита.

В большинстве экономических изданий к ним относят:

- возвратность;
- срочность;
- платность;
- обеспеченность;
- целевой характер.

Известны такие определения понятия «принцип»: Принцип – 1. Основополагающая истина, закон, положение или движущая сила,

лежащая (лежащий) в основе других истин, законов, положений или движущих сил. Принцип – 2. Руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности [3].

Исходя из этого, прокомментируем выше-названные принципы кредитования.

Возвратность. Является самым главным, важнейшим требованием к кредиту, отражает саму сущность кредитных операций как вида деятельности, которая всегда связана с формированием долга, для юридических лиц, конкретно – с образованием кредиторской и дебиторской задолженности.

В то же время в случаях, когда кредит просрочен и является безнадежным, по нему вынесено решение о списании суммы задолженности за счет созданного резерва или прибыли банка; когда возвратность отсутствует, эти средства, выданные в кредит, продолжают оставаться кредитными средствами, сущность самой операции (кредитной) не изменяется и, следовательно, никаким принципом возвратность для кредита не является.

Срочность. Поскольку у кредита должна быть возвратность, то вполне логично в кредитном соглашении должен быть прописан и срок, до которого подлежат возврату средства, выданные в кредит. В зависимости от этого кредиты делятся на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. Однако на практике и в плане счетов бухгалтерского учета банков присутствуют так называемые онкольные ссуды, не имеющие изначально конкретного срока возврата. Следовательно, принадлежность срочности к принципам кредитования также подлежит сомнению.

Платность. Выражается в большинстве случаев в проценте за пользование кредитом, в ряде случаев – в одноразовых платежах или других формах. И подавляющее большинство кредитов, конечно, предоставляется на условиях платности. В то же время считать ее принципом кредита, по-видимому, не стоит, поскольку в реальности существует сфера беспроцентного кредитования (например, социальные государственные кредиты, ссуды своим работникам в банках и в организациях, в ряде случаев кредиты акционерам и т.д.).

Обеспеченность. Обеспеченность кредита играет вполне определенную роль в достижении цели его возвратности. Она может оформляться в виде залога какой-либо собственности, гарантий и поручительств третьих лиц, страхования кредитного риска и залога, переуступки дебиторской задолженности ссудозаемщика. Тем не менее в практике кредитования хорошо

известны такие кредиты, как кредиты без обеспечения, кредиты на доверии, бланковые ссуды не только для физических (потребительские, экспресс-кредиты), но и в ряде банков – для юридических лиц (например для первоклассных заемщиков).

Целевой характер. Этот признак отражает закрепление в кредитном договоре целей, на которые выдаются деньги. Однако он вообще как принцип кредита не может рассматриваться, поскольку значительная доля кредитов на «законных основаниях» изначально вообще не имеет целевой направленности (например, кредитные сделки в форме овердрафта или кредитных линий).

Таким образом, все перечисленные признаки (возвратность, срочность, платность и др.), по-видимому, необходимо рассматривать как отдельные свойства, характеристики кредита, но никак не принципы, что будет более правильно и адекватно отражать сущность такого массового в настоящее время, разнообразного по формам проявления и значимого для экономики явления, как кредит.

Problems of Bank Lending

V. Yu. Makarov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya, Saratov, 410031, Russia
E-mail: vumakarov1962@yandex.ru

Introduction. In the post-crisis period, there are stagnant and sometimes disturbing developments in the global economy. There is crisis in some euro zone countries and the debt problems in the US, as well as the slowdown in economic growth in China and Russia. Despite this faster pace continues credit issue in the Russian economy, which supports a high level of consumer demand So is the actual analysis of observed contradictions, as well as methodological categories relating to credit operations of Russian banks. **Theoretical analysis.** The basic contradiction of the moment is in the observed gap between the growth in credit activity and the pace of development of domestic production, which requires action on the approximation of the rate by moving to a more loose monetary policy. **Results.** Results of the studies were the findings that a new credit policy and a new perspective on the concept of the principle of the loan. In terms of resolution of economic contradictions important detail to consider stimulating lending to domestic business.

Key words: credit, consumer demand, principle of the loan.

References

1. Semenov A. M. Samye deshevye potrebitel'skie kredity [Cheap personal loans]. *Kommersant' Den'gi* [Kommersant Money], 2013, no. 12(920), pp. 46–47 (in Russian).
2. *Ottok kapitala iz Rossii v mae uvelichilsia v 2 raza*

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования получены следующие результаты:

– определена потребность в комплексе мер по стимулированию развития и банковского кредитования корпоративных заемщиков, предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе путем переориентации денежно-кредитной политики;

– по-новому раскрыто содержание категории «принципы кредита», высказана необходимость в дальнейших исследованиях в направлении совершенствования методологии кредитной деятельности.

Список литературы

1. Семенов А. М. Самые дешевые потребительские кредиты // *Коммерсантъ Деньги*. 2013. № 12 (920). С. 46–47.
2. Отток капитала из России в мае увеличился в 2 раза. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/28978> (дата обращения: 20.08.2013).
3. Принцип // Википедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Принцип> (дата обращения: 20.08.2013).

(The outflow of capital from Russia in May increased by 2 times). Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/28978> (accessed 20 August 2013).

3. Printsip (Principle). *Wikipedia*. Sait. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Принцип> (accessed 20 August 2013).

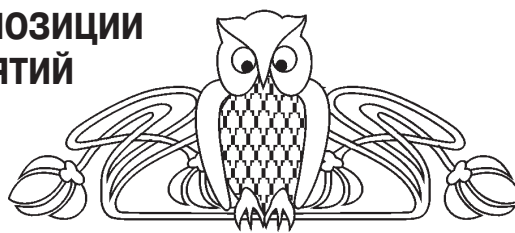

УДК 658+338.45:664

СПОСОБЫ УКРЕПЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОКОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. В. Андреев

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: awvv@mail.ru

Введение. Адекватный анализ способов создания и укрепления конкурентной позиции молочных предприятий непосредственно связан с их типизацией по уровням конкурентного взаимодействия: локальному, региональному, национальному. **Эмпирический анализ.** В статье исследуются способы укрепления конкурентной позиции ведущих молочных предприятий на региональном уровне. Особое внимание уделяется проблеме формирования уникального «набора конкурентных преимуществ» с учетом воздействия таких факторов, как отраслевой и географический масштаб деятельности предприятия. Кроме того, в контексте создания этого «набора конкурентных преимуществ» анализируются качественные изменения в структуре применяемых ресурсов, выясняется роль таких факторов, как опережение конкурентов в технологии деятельности, связях с поставщиками молочного сырья и потребителями, выбор оптимальных форм экономической организации по всей длине «цепочки ценности», позволяющих экономить транзакционные и операционные затраты. **Результаты.** На примере ведущих молочных предприятий удалось выявить три способа укрепления конкурентной позиции, включающие, во-первых, дифференциацию в «наборе конкурентных преимуществ», во-вторых, концентрацию специфических ресурсов, в-третьих, создание корпоративной группы и переход к партнерским отношениям.

Ключевые слова: ведущее предприятие, конкурентная позиция, набор конкурентных преимуществ, факторы конкурентоспособности, концентрация специфических ресурсов.

Введение

Для того чтобы проанализировать применяемые ведущими молочными предприятиями способы укрепления конкурентной позиции на региональном (межрегиональном) уровне, охарактеризуем основные тенденции их развития, позволяющие наметить задачи исследования.

1. Емкость регионального рынка (региональный масштаб) побуждает ведущие молочные предприятия расширять и насыщать ассортимент молочной продукцией с глубокой переработкой, который в зависимости от типа и специализации производителя может находиться в интервале от пятидесяти до ста и более наименований. Такой размах вариации в ассортименте отражает характер целей конкурентной стратегии производителей, стремящихся не

только укрепить конкурентную позицию на рынке региона базирования, но и расширять ее на межрегиональных рынках. Иными словами, цели предприятия по насыщению базового ассортимента улучшенными и новыми видами молочной продукции приобретают экстремальный характер, соответствующий высокому уровню устремлений менеджмента.

В статье мы покажем, что молочному производителю на региональном уровне, в отличие от локального (муниципальный район, межрайонная территория), невозможно реализовать конкурентное преимущество в количестве продукции, только увеличивая объемы выпуска в рамках узкой номенклатуры, поскольку необходимо принимать в расчет как разнообразные запросы потребителей, так и цели конкурентов [1].

2. Структурные сдвиги в ассортименте изменяют параметры и соотношение фундаментальных ценовых (полные затраты и цена продукции) и неценовых (количество и качество продукции) конкурентных преимуществ [1]. Каждое молочное предприятие стремится создать уникальный набор, состоящий из четырех фундаментальных конкурентных преимуществ, который существенно повышает входной барьер для производителей локального уровня (рисунок).

В этой связи мы выясним, что выдвинутое нами теоретическое положение о предлагаемом «наборе конкурентных преимуществ» позволит избежать крайности в оценке роли какого-то одного конкурентного преимущества, в частности затрат, и объяснит различие в уровне конкурентоспособности.

3. Доведение отличительного «набора конкурентных преимуществ» до потребителя предполагает организацию быстрой и беспрепятственной трансформации ресурсов от закупки молочного сырья до продажи готовой продукции. Обеспечение оптимального для этого уровня масштаба и темпов трансформации

ресурсов подталкивает производителей к созданию «группы компаний» (ГК), охватывающей наиболее важные стадии в отраслевой «цепочке ценности». Таким образом, мы рассмотрим

способы расширения границ молочных предприятий, обеспечивающие опережающие темпы расширения потенциала применяемых ресурсов (факторов конкурентоспособности).

Ассортимент молочной продукции	Виды фундаментальных конкурентных преимуществ	
	Ценовые	Неценовые
Традиционная молочная продукция (низкая добавленная стоимость)	Полные затраты (высокие расходы на приобретение молочного сырья)	Количество продукции (средние объемы выпуска в рамках узкого ассортимента)
	Отпускные цены продукции (ценообразование основано на затратах)	Качество продукции (низкий уровень переработки)
Улучшенная и новая молочная продукция (высокая добавленная стоимость)	Отпускные цены продукции (ценообразование основано на спросе и конкуренции)	Качество продукции (средний и высокий уровень переработки)
	Полные затраты (повышаются затраты на амортизацию и продвижение продукции)	Количество продукции (возрастает широта и глубина ассортимента)

Дифференциация в наборе конкурентных преимуществ в зависимости от изменения структуры ассортимента предприятия

Эмпирический анализ

В России из 500 крупных и средних молочных предприятий к ведущим производителям можно отнести 53 предприятия, дислоцированные в региональных центрах, с объемом переработки молока свыше 50 тыс. тонн в год. На их долю вместе с производителями локального уровня приходится около 42% российского рынка переработки молока в денежном выражении. Ориентация на расширение отраслевого масштаба деятельности побуждает эти предприятия насыщать ассортимент не только цельномолочной продукцией, но и животным маслом, мороженым и сырами. В Саратовской области из 26 предприятий молочной промышленности к этому типу производителей можно отнести ОАО «Молочный комбинат Энгельсский» («МКЭ») и ОАО «Саратовский молочный комбинат» («СМК»). Высокое конкурентное воздействие этих предприятий на молочный рынок Саратовской области позволяет местной молочной промышленности удерживать долю по традиционной молочной продукции – 95%, улучшенной и новой молочной продукции – 50%. Эти предприятия выступают в качестве объекта сравнительного конкурентного анализа.

Для решения поставленных задач выдвинем предположение, что в отношении ведущих предприятий асимметрия в «эффекте двойного доступа» сдвигается скорее в сторону обеспечения доступа к привлекательным целевым группам потребителей, чем к сырьевой базе молочных хозяйств-поставщиков [2]. Эта асимметрия обусловлена более сильной конкурентной позицией этих предприятий на рынке закупки молочного сырья, нежели на рынке продажи молочной продукции. Тем самым риски для внутреннего развития ведущих молочных предприятий будут связаны с недостатком собственных финансовых ресурсов.

Отметим, что переработка молока на уровне более 50 тыс. тонн в год позволяет ассортименту ведущего предприятия превысить 50 наименований молочной продукции, поскольку увеличение объема переработки на 10 тыс. тонн в год приводит к возрастанию ассортимента на 10–12 наименований молочной продукции. Наличие крупных производственных мощностей по переработке молока и насыщенность ассортимента позволяют ведущим предприятиям вносить значительный вклад в региональное производство. В Саратовской области в 2012 г. удельный вес в производстве цельномолочной

продукции составил у МКЭ 19%, у СМК 11%, в производстве масла животного – у МКЭ 48%, у СМК 27%.

Повышение в структуре товарной номенклатуры данных производителей удельного веса высокомаржинальной молочной продукции приводит к изменению в «наборе конкурентных

преимуществ». В частности, конкурентное преимущество в количестве продукции получает молочное предприятие с более широкой и глубокой ассортиментной линейкой. Покажем эти различия на примере трех ассортиментных групп («молоко питьевое», «кефир», «йогурт») указанных конкурирующих производителей (табл. 1).

Таблица 1

Широта и глубина ассортимента молочной продукции анализируемых предприятий на конец 2013 г., ед.

Торговые марки	Виды молочной продукции										
	Молоко					Кефир			Йогурт		
	широта										
	1,5%	2,5%	3,2%	3,4–6%	3,5%	6%	0,1%	2,5%	3,2%	2,5%	глубина
МКЭ	1	12	8	4	2	–	5	6	3	6	
СМК	–	6	5	1	–	1	1	4	1	4	

Мы видим, что оба производителя расширили традиционную ассортиментную группу «молоко питьевое» за счет подгрупп с низкой и высокой жирностью. В подгруппе с низкой жирностью более сильную позицию занимает МКЭ, в свою очередь СМК – в подгруппе с высокой жирностью. Существенные различия наблюдаются в глубине ассортиментных подгрупп, определяемой видами и объемом используемой упаковки, функциональными ингредиентами и брендами. Двукратное различие в вариантах предложения «молока питьевого» жирностью 2,5% МКЭ связано с применением упаковки «пэт-бутылка», выпуском йодированного и витаминизированного молока в сегменте школьного питания, присвоением марочных названий. Более глубокое предложение по «кефиру» в подгруппе с жирностью 2,5% связано с освоением технологии обогащения его лактулозой. Таким образом, преимущество МКЭ в широте и глубине ассортимента охватывает область предложения обезжиренной, обогащенной и функциональной молочной продукции.

Анализ, проведенный на примере трех ассортиментных групп конкурирующих производителей, показывает неразрывную связь в «наборе конкурентных преимуществ» в количестве и качестве продукции. Ведь показатели широты и глубины ассортимента определяются успехами производителя в освоении технологий, позволяющих выпускать обогащенную, диетическую и функциональную молочную продукцию в новых видах упаковки. С этой продукцией молочное предприятие входит (наращивая ассортимент вверх) в премиальные сегменты рынка с относительно низкой ценовой эластичностью спроса.

Например, Молочный комбинат Энгельский, входящий в ГК «Белая долина», предлагает потребителям, ценящим натуральные свойства молока, молоко «Отборное» жирностью 3,4–6% торговой марки (ТМ) «Из села Удоево». Этот молочный продукт получен из сырого молока высшего сорта, в технологическом процессе переработки которого не осуществляется операций по сепарации и нормализации. В этой связи конечная цена данного продукта будет выше, чем традиционного «пастеризованного молока».

В розничной торговой сети производителей на начало 2014 г. конечная цена составила на молоко «Отборное» в упаковке «кувшин» МКЭ ТМ «Из села Удоево» 38 руб., СМК ТМ «Добрая буренка» 43 руб. В свою очередь, конечная цена традиционного молока пастеризованного в упаковке «пленка» жирностью 2,5% составила у МКЭ ТМ «Из села Долголетова» 27,90 руб., СМК ТМ «Молочный Гость» 29 руб. При этом средняя закупочная цена данных производителей на сырое молоко первого сорта составила за этот период около 14–16 руб. за литр. Анализ конечной цены нового и традиционного молочного продукта свидетельствует о тесной связи в «наборе конкурентных преимуществ» в качестве и цене продукции. Эта парная комбинация играет определяющую роль в случае насыщения ассортимента новой молочной продукцией, а ценообразование становится зависимым от воздействия не столько поставщиков молочного сырья, сколько потребителей и конкурентов [1].

Влияние конкурентов может выступать в качестве условия, ограничивающего отраслевой масштаб деятельности предприятия. Например, СМК занимает более сильную конкурентную

позицию в производстве творога и творожной продукции. Это предприятие накопило значительный опыт в производстве творожных масс и сырков, вкусовым качествам которых отдают предпочтение молодые люди в возрасте от 18 до 39 лет. В свою очередь, МКЭ ограничивается выпуском двух наименований творога, не насыщая ассортимент творожной продукцией. Таким же образом сильную конкурентную позицию МКЭ занимает в производстве мороженого, поскольку СМК не осваивает этот вид деятельности. Не случайно М. Портер называл опыт в производстве продукта «тонким барьером» для расширения отраслевого масштаба деятельности [3].

С другой стороны, если руководствоваться положением «теории способностей» о быстром обучении фирм и рынков в динамичной конкурентной среде [4], то уместно предположить, что данные производители либо обладают, либо способны приобрести комплементарные способности для освоения сходных видов деятельности. Однако годовые отчеты компаний не свидетельствуют о намерении осваивать их в ближайшей перспективе. Возможно, на данном этапе им выгодна ситуация, называемая в «теории игр» «кооперативным равновесием», которая позволяет сдерживать конкуренцию и поддерживать относительно высокие цены в доминирующих видах деятельности [5].

Несмотря на то, что указанные факторы ограничивают отраслевой масштаб, концентрация производства может достичь значительных размеров в видах деятельности, отражающих основную компетенцию предприятия. Руководством СМК ставится стратегическая задача по увеличению к 2015 г. производственных мощностей по переработке молока до 200 тонн в сутки. По их мнению, ее реализация позволит предприятию занять устойчивую конкурентную позицию на рынке Поволжья. Отметим, что в Минсельхозе России оценивают производственные мощности по переработке молока средних предприятий 30–50 тонн, крупных – около 1000 тонн в сутки [6].

Экстремальный характер целей молочных предприятий по обновлению ассортимента поощряется в областной целевой программе по развитию молочной промышленности. Целевым ориентиром является обновление ассортимента молочной продукции к 2015 г. по сравнению с 2009 г. на 70% при среднегодовых темпах обновления 15–20% [7]. Под эти и другие цели на период 2010–2015 гг. закладываются бюджетные субсидии на сумму 258,8 млн руб., из которых 91,3% (236,3 млн руб.) направляются на

компенсацию части стоимости приобретаемой активной части основных средств.

Высокие темпы внедрения продуктовых и процессных инноваций в молочной промышленности позволяют достаточно быстро копировать «набор конкурентных преимуществ» соперника. Это обстоятельство свидетельствует об остроте проблемы «неполной прозрачности» стратегий производителей, обозначенной в «ресурсной концепции» [8]. Во-первых, становится доступной информация о создании и продвижении «набора конкурентных преимуществ» лидирующих предприятий – PepsiCo (включая ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания») и Danone (включая Группу «Юнимилк»). Во-вторых, среди большого числа ведущих предприятий получают распространение производственные технологии стерилизации, ультрапастеризации, розлива в асептическую упаковку. Даже такая «деликатная» технология, как «бактофугирование», позволяющая улучшать качество молочного сырья и необходимая при производстве обогащенной молочной продукции, внедряется не только лидирующими, но и ведущими предприятиями.

Мы считаем, уникальность «набора конкурентных преимуществ» ведущих предприятий заключается в предложении как молочной продукции, ориентированной на «натуральность», так и традиционной (выпущенной по собственным рецептурам) молочной продукции, но в новых упаковочных решениях. Другое дело, что ценообразование на эти виды молочной продукции должно находиться в соответствии со стратегическими целями предприятий по глубокому проникновению на межрегиональные рынки.

Для достижения целей конкурентной стратегии ведущих предприятий важную роль играют такие аспекты, как быстрота и беспрепятственность в процессе создания и продвижения «набора конкурентных преимуществ». Нам представляется, что его создание непосредственно связано с обеспечением опережающих темпов расширения потенциала общих и специфических ресурсов. В этой связи необходимо рассмотреть концентрацию производства не только с точки зрения увеличения объема применяемых ресурсов, но и в плане качественных изменений в их структуре. Причем в контексте создания уникального «набора конкурентных преимуществ» отдельно выделить можно концентрацию специфических ресурсов, т. е. ресурсов, обладающих в трактовке «ресурсной концепции» признаками редкости, неповторимости и незамещаемости [9]. В комбинации с общими специфические ресурсы (бренды,

рецептуры, связи с поставщиками и потребителями, управленческие ноу-хау) формируют конкурентные отличия молочного предприятия.

Общие и специфические ресурсы мы рассмотрим с позиции двойственной роли факторов конкурентоспособности в операционном процессе: с одной стороны, как элементы внутреннего потенциала, с другой – как источник генерирования конкурентных преимуществ [10]. Такой подход позволит, во-первых, в составе общих ресурсов (основных и оборотных средств) выявить наиболее важные ресурсы, показать, какой из соперников быстрее их внедрил, оценить доступность структурной комбинации ресурсов, обладающей потенциалом создания устойчивых конкурентных преимуществ; во-вторых – рассмотреть, какой из соперников обеспечил более быструю трансформацию ресурсов (активов), добившись сравнительно высоких экономических результатов. При этом мы считаем, что ориентация на определенный «набор конкурентных преимуществ» обеспечивает более высокие или сопоставимые с соперниками экономические результаты [1].

Покажем, какие изменения произошли в структуре основных средств указанных молочных предприятий в результате мероприятий по реконструкции и техническому перевооружению производства за период 2008–2012 гг. Эти мероприятия затронули каждую функциональную сферу деятельности производителей, позволив им вписаться в новую структуру молочной промышленности. Ведь, по мнению М. Портера, прогрессивные изменения в структуре отрасли определяются тремя факторами: базовой технологией, характеристиками продукта, особенностями поведения существующих и потенциальных покупателей [3].

Проводимые мероприятия были направлены на совершенствование схемы технологического процесса переработки молока (от оценки качества и приемки молочного сырья до хранения готовой продукции) и расширение производственных мощностей. В результате в производственной структуре основных средств молочных предприятий произошли качественные изменения, выражающиеся в увеличении доли активной части основных средств (табл. 2).

Таблица 2

Показатели состояния основных средств и эффективность их использования на анализируемых предприятиях в 2008–2012 гг.

Предприятия	2008	2009	2010	2011	2012	Средняя за 5 лет
1. Доля активной части основных средств, %						
МКЭ	45,4	54,9	65,1	68,6	69,7	60,7
СМК	65,7	78,8	80,7	83,7	84,9	78,8
2. Коэффициент износа активной части основных средств, %						
МКЭ	62,7	47,2	31,6	32,8	38,2	42,5
СМК	37,5	26,0	30,0	27,4	28,0	29,8
3. Коэффициент обновления активной части основных средств, %						
МКЭ	12,7	34,5	49,0	20,4	10,8	25,5
СМК	10,7	57,4	17,4	30,9	28,3	28,9
4. Коэффициент выбытия активной части основных средств, %						
МКЭ	0,2	3,7	3,1	0,7	0,8	1,7
СМК	1,5	15,7	1,8	3,6	3,7	5,3
5. Фондоотдача, руб.						
МКЭ	8,1	7,0	5,0	6,0	5,7	6,4
СМК	3,7	1,8	2,5	2,7	2,3	2,6
6. Доля амортизации в себестоимости проданной продукции, %						
МКЭ	0,56	0,69	1,2	1,2	1,6	1,1
СМК	1,9	4,1	3,5	3,0	3,9	3,3

Первопроходцем во внедрении более совершенных технологических процессов переработки молока выступил МКЭ, внедривший технологию стерилизации в 2008 г. и ультрапастеризации в 2009 г. Задержка с внедрением этих технологий СМК примерно в один год дала возможность МКЭ укрепить конкурентную позицию в производстве питьевого молока не только на территории Саратовской области, но и на межрегиональных рынках. Кроме того, МКЭ принадлежит приоритет в освоении технологии обогащения молока йодом и витаминами. Отсюда мы видим, что более раннее внедрение данных технологий и оборудования позволило МКЭ расширить и насытить ассортимент новой молочной продукцией и получить более высокую «выручку от продажи» с каждого рубля, вложенного в основные средства. В среднем за пять лет показатель фондоотдачи составил у МКЭ 6,4 руб., у СМК – 2,6 руб. Хотя, по данным бухгалтерской отчетности, у СМК более высокие показатели по доле активной части основных средств и более низкие по их износу.

Важно отметить, что с учетом силы занимаемой конкурентной позиции в определенных видах молочной продукции распределяются инвестиционные вложения в их производство. Например, МКЭ с 2011 г. наращивает вложения в реконструкцию и переоснащение цеха по производству мороженого, что позволяет расширять ассортимент, используя глазирование и наполнение различными пищевыми добавками. В результате доля мороженого в «выручке от продажи» возросла с 4,9% в 2011 г. до 6,2% в 2012 г. В свою очередь, СМК в 2012–2013 гг. значительные вложения направлял на переоснащение линий по производству творога, что привело к насыщению ассортимента зернистым творогом и творожными массами.

Занятие широкой конкурентной позиции в производстве обогащенной и функциональной молочной продукции предполагает использование специализированного оборудования, в частности сепараторов-бактофуг. Такое оборудование является незаменимым в производстве этих видов молочной продукции. К барьерам для его приобретения и использования можно отнести высокие инвестиционные расходы на его покупку вследствие ограниченного предложения отечественным машиностроением и дефицит специалистов, способных его обслуживать. Только с 2006 г. Плавский машиностроительный завод «Смычка» Тульской области наладил серийное производство этого оборудования. Наличие данных барьеров делает недоступным

копирование производителями локального уровня комбинации ресурсов, применяемой (чтобы охарактеризовать труднокопируемый в силу разнообразия состав ресурсов, Р. Грант вводит понятие «комплексного паттерна» [8]) более сильными соперниками.

В результате проведенных мероприятий данным предприятиям удалось повысить технологический уровень машин и оборудования и перейти к автоматизированным и программируемым процессам, преимущественно в закрытой среде. Об этом свидетельствует высокое значение коэффициента обновления, который в среднем за пять лет составил у МКЭ 25,5%, у СМК – 28,9%. Замена устаревшего и малопродуктивного оборудования позволила досрочно, к 2012 г., снизить коэффициент износа основных средств у МКЭ до 40,9%, у СМК – до 32%, т.е. ниже 45% – целевого ориентира, установленного в областной целевой программе по развитию молочной промышленности [7]. В итоге доля амортизации в структуре себестоимости проданной продукции возросла у МКЭ в 2,8 раза, у СМК – в 2,0 раза.

Теперь рассмотрим способы расширения границ (партнерство, вертикальная интеграция «вниз» и «вверх»), к которым прибегают ведущие молочные предприятия в процессе создания и продвижения «набора конкурентных преимуществ». Причем эти способы мы проанализируем в контексте асимметрии в «эффекте двойного доступа», связанной с более сильной конкурентной позицией этого типа производителей на рынке закупки молочного сырья. Именно эта асимметрия порождает определенные институциональные формы экономической организации, направленные на снижение транзакционных затрат.

Сильная конкурентная позиция ведущих предприятий на рынке закупки молочного сырья обусловлена двумя факторами:

- 1) высоким удельным весом в закупках у тех категорий и типов хозяйств-поставщиков, которые обеспечивают наибольший объем товарного выхода сырого молока на региональный рынок. В этом смысле региональный рынок закупки молочного сырья представляет собой олигопсонию. Данные, предоставляемые Федеральной антимонопольной службой России, свидетельствуют о том, что в последние годы в общем объеме закупок молочного сырья на рынке Саратовской области доля МКЭ составляла в среднем около 32%, СМК – 19%. Следовательно, эта доля еще выше в хозяйствах, обеспечивающих наибольший объем поставок сырого молока;

2) низкой ценовой эластичностью предложения сырого молока, которая в среднем за пять лет составила 1,1%. Несмотря на то, что среднее значение коэффициента ценовой эластичности предложения почти соответствует единичной эластичности, динамика его изменения показывает, что в течение трех из пяти лет предложение сырого молока было неэластичным ($E_s < 1\%$).

Указанные факторы вызывают значительную взаимозависимость сторон в экономических отношениях и способствуют образованию такой гибридной формы управления транзакциями, как «базовое партнерство» [2]. В случае, когда в регионе доля ведущего предприятия в закупках сырого молока высока (например, у ОАО «ВАМИН-Татарстан», Республика Татарстан, в среднем около 72%), предпочтительным способом расширения границ выступает вертикальная интеграция.

Базовое партнерство является такой формой экономической организации, которая позволяет ведущему предприятию в рамках договора поставки координировать с хозяйствами-поставщиками совместные действия, связанные с получением требуемых неценовых и ценовых параметров молочного сырья. Область этих действий охватывает: обучение специалистов соблюдению санитарных норм и правил получения качественного молока; обеспечение лабораторными и дезинфицирующими средствами, вспомогательными материалами, инвентарем в счет поставки молока; применение надбавок к закупочной цене за высокое содержание белка в молоке. Поддержка хозяйств-поставщиков в достижении отличительных параметров сырого молока приносит переработчику вполне ощутимую отношенческую ренту.

Закупочная логистика ведущих предприятий в основном привязана к географическим

границам региона, лишь отдельные закупки производятся на территории близлежащих регионов. В частности, МКЭ осуществляет закупки в хозяйствах Пензенской и Волгоградской областей. Доля этих закупок в Саратовской области составляет менее 10% общего объема произведенного сырого молока. В этой связи на транспортное подразделение предприятия возлагается ответственность за обеспечение бесперебойного снабжения молочным сырьем при радиусе доставки около 200 км. Соответственно, транспортное подразделение может быть организовано либо как зависимая от головной компании бизнес-единица (ООО «Алекс» в составе ГК «Белая долина»), либо как транспортный отдел в структуре управления предприятия (СМК). Мы считаем, что первый случай представляет собой оптимальную форму экономической организации на этой стадии межотраслевой «цепочки ценности», позволяющую экономить как транзакционные, так и логистические затраты. Например, доля транспортно-заготовительных расходов в составе материальных затрат МКЭ удерживается в среднем на уровне 5,2% (в России 5,7%).

Таким образом, сильная конкурентная позиция ведущего предприятия в нижнем звене «цепочки ценности» придает импульс для передачи конкурентных преимуществ последующим звеньям, вплоть до продажи готовой продукции, обеспечивая быстрее, чем у соперников, трансформацию ресурсов (активов). Разумеется, к каждому звену «цепочки ценности» должна быть найдена оптимальная форма экономической организации. Адекватная оценка скорости трансформации активов молочных предприятий может быть сделана в разрезе показателей оборачиваемости оборотных средств (табл. 3).

Таблица 3

Показатели состояния оборотных средств и эффективность их использования на анализируемых предприятиях в 2008–2012 гг.

Предприятия	2008	2009	2010	2011	2012	Средняя за 5 лет
1. Доля запасов в валюте баланса, %						
МКЭ	49,2	34,5	54,2	40,9	15,2	38,8
СМК	36,5	24,0	15,1	28,7	20,0	24,9
2. Оборачиваемость запасов, дн.						
МКЭ	52,9	30,0	72,0	44,0	19,6	43,7
СМК	90,0	90,0	37,1	60,0	34,6	62,3
3. Доля дебиторской задолженности в валюте баланса, %						
МКЭ	21,5	17,3	4,5	20,3	51,1	22,9
СМК	20,8	7,3	21,8	16,2	5,6	14,3
4. Оборачиваемость дебиторской задолженности, дн.						
МКЭ	23,2	15,0	6,0	21,8	65,4	26,3
СМК	50,0	27,7	53,7	33,6	9,7	34,9

В среднем за пять лет скорость оборота запасов у МКЭ превысила аналогичный показатель у СМК на 2,4 оборота и позволила сократить период трансформации запасов на 18,6 дня. Более высокая скорость оборота запасов отражается на размере «выручки от продажи» и величине условно-постоянных расходов, приходящихся на каждый оборот. Кроме того, возникают устойчивые различия по доле материальных затрат в структуре себестоимости проданной продукции. Например, в среднем за пять лет доля материальных затрат составила у МКЭ 71,5%, у СМК – 83,4%. Аналогичный показатель по молочным предприятиям России в 2011 г. составил 76,3%.

Относительно слабая конкурентная позиция ведущих предприятий на рынке продажи молочной продукции объясняется наличием «властного дисбаланса» в отношениях с торговыми сетями, обеспечивающими львиную долю денежных поступлений [11]. Об этом факте свидетельствует практика применения дополнительных договорных требований, предъявляемых к поставщикам-переработчикам. В частности, широко распространенными являются требования к отсрочке платежей, платежам за объем продаж, маркетинговым платежам, ценовым скидкам, штрафным санкциям. К тому же одинаковые договорные требования предъявляются к лидирующим и ведущим предприятиям.

Указанное обстоятельство подталкивает ведущие предприятия к вертикальной интеграции «вверх», т. е. созданию собственной розничной торговой сети. Например, ГК «Белая долина» приступила к созданию фирменной торговой сети с 2009 г., которая насчитывает около 100 торговых точек (фирменные отделы и магазины). В свою очередь СМК начал создавать фирменную торговую сеть с 2011 г. К успешным примерам развития собственной торговой сети в России можно отнести агрохолдинг «Русское молоко» Московской области, благодаря которой предприятие повысило оперативность при контроле оборота денежных средств [6].

Трудно согласиться с мнением авторов, считающих, что развитие собственной розничной торговли не меняет структуры каналов продаж и поэтому не позволяет добиться снижения транзакционных и логистических затрат [12]. На наш взгляд, суть дела состоит в контроле над каналом прямого маркетинга, возможности через него достичь диверсификации риска снижения объема продаж в другом канале и повысить оборачиваемость дебиторской задолженности. Кроме того, упускается из виду, что до конечного покупателя доводится не одно, а «набор

конкурентных преимуществ», приводящий к образованию более высокой или сопоставимой с соперниками выручки от продаж. Предприятие, раньше приступившее к созданию розничной торговой сети, в частности МКЭ в составе ГК «Белая долина», добилось сокращения в среднем за пять лет срока погашения дебиторской задолженности до 26,3 дня и получило преимущество перед СМК на 8,6 дня.

Результаты

Подводя итог вышесказанному, выделим три способа укрепления конкурентной позиции на региональном уровне, к которым прибегают ведущие предприятия.

Первый способ заключается в существенном обновлении товарной номенклатуры за счет ее насыщения глубоко переработанной молочной продукцией, где важную роль играют такие факторы, как отраслевой и географический масштаб деятельности предприятия. Под воздействием этих факторов изменяется «набор конкурентных преимуществ», в частности, усиливается роль парной комбинации – «цена» и «качество» продукции. Это обстоятельство делает все более зависимой модель поведения предприятия на рынке молочной продукции от конкурентов и потребителей. В этой связи ведущие предприятия должны решить две стратегические задачи:

1) создание уникального «набора конкурентных преимуществ», в котором будут предлагаться как виды молочной продукции, ориентированные на «натуральность», так и традиционная, выпущенная по собственной рецептуре молочная продукция, но в новой упаковке. При этом в ценообразовании на эту молочную продукцию не следует выходить за верхнюю границу диапазона текущих отпускных цен;

2) обеспечение доступа к конечному потребителю путем диверсификации каналов продаж. В данном случае важно уделять внимание освоению таких каналов распределения молочной продукции, как собственная розничная торговая сеть и социальный канал.

Второй способ состоит в обеспечении опережающих темпов расширения потенциала общих и специфических ресурсов. Здесь мы акцентировали внимание на двух аспектах: во-первых, рассмотрели концентрацию производства не только с точки зрения увеличения объема применяемых ресурсов, но и показали качественные отличия в структуре основных и оборотных средств, которые оказываются значимыми с точки зрения опережения конкурентов в технологии деятельности, связях с по-

ставщиками молочного сырья и потребителями; во-вторых, выяснили, что в контексте формирования уникального «набора конкурентных преимуществ» можно выделить отдельный вид концентрации производства – концентрацию специфических ресурсов.

Третий способ связан с расширением границ молочного предприятия за счет выбора оптимальных форм экономической организации по всей длине «цепочки ценности». Для этого ведущие предприятия создают корпоративную группу, переходят к партнерским отношениям, чтобы охватить каждое звено «цепочки ценности» и добиться сравнительно низких транзакционных и операционных затрат.

Список литературы

1. Андреев А. В. Формирование конкурентных преимуществ предприятий пищевой промышленности : теория и практика // Научное обозрение. 2012. № 4. С. 316–327.
2. Андреев А. В. Факторы конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности : теория и практика (на примере молокоперерабатывающих предприятий) // ЭТАП : Экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 1. С. 71–84.
3. Портер М. Конкурентная стратегия : Методика анализа отраслей и конкурентов : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
4. Лангдуа Р. Н. Экономика транзакционных издержек в реальном времени // Рос. журнал менеджмента. 2011. Т. 9, № 1. С. 93–118.
5. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика : 18-е изд. ; пер. с англ. М. : ООО «И. Д. Вильямс», 2007. 1360 с.
6. Серегин С. Н., Каширина О. Н., Колончин К. В. Принципы и особенности территориального размещения производственной базы пищевой промышленности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 10. С. 12–19.
7. Областная целевая программа «Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности Саратовской области на 2010–2015 годы». URL: <http://www.minagro.saratov.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2014).
8. Грант Р. М. Ресурсная теория конкурентных преимуществ: практические выводы для формулирования стратегии // Вестн. СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент. 2003. Вып.3. С. 47–75.
9. Барни Дж. Б. Может ли ресурсная концепция принести пользу исследованиям в области стратегического управления? – Да // Рос. журнал менеджмента. 2009. Т. 7, № 2. С. 71–92.
10. Андреев А. В. Развитие концепции конкурентоспособности предприятия (на примере предприятий пищевой промышленности) // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2012. № 2. С. 186–194.
11. Радаев В. В. Что изменил закон о торговле : количественный анализ // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 118–140.
12. Александрова Л. А., Волкова Т. С. Затратообразующие факторы в молочной промышленности // Вестн. Сарат. госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2013. № 10. С. 64–70.

Ways to Strengthen the Competitive Position of Milk Processing Enterprises at the Regional Level

A. V. Andreev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya, Saratov, 410031, Russia
E-mail: awvv@mail.ru

Introduction. An adequate analysis of the ways of creation and strengthening of competitive positions of dairy enterprises directly connected with their typing by levels of competitive interaction: local, regional, national. **Empirical analysis.** This article examines ways to strengthen the competitive position of the leading dairy enterprises at the regional level. Special attention is paid to the problem of formation of the unique «set of competitive advantages», considering the effects of factors such as the sectoral and geographical scope of activity of the enterprise. In addition, in the context of the creation of this «set of competitive advantages», analyzes the qualitative changes in the structure of resources used, it turns out the role of such factors as ahead of the competitors in technology activities, and connections with the suppliers of raw milk and consumers, a choice of optimum forms of economic organization for the entire length of the «value chain» to conserve the transaction and operational costs. **Results.** Leading dairy companies were able to identify the three ways of strengthening competitive positions, including, first, the differentiation in the «set of competitive advantages», secondly, the concentration of specific resources, thirdly, the creation of a corporate group, and the transition to a partnership.

Key words: leading enterprise, competitive position, set of competitive advantages, competitive factors, concentrations of specific resources.

References

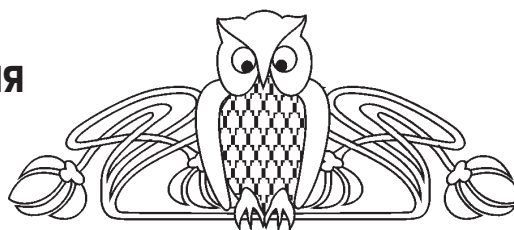
1. Andreev A. V. Formirovanie konkurentnykh preimushchestv predpriatii pishchevoi promyshlennosti: teoriia i praktika [Formation of the competitive advantages of the food industry: theory and practice]. *Nauchnoe obozrenie* [Science Review], 2012, no. 4, pp. 316–327 (in Russian).
2. Andreev A. V. Faktory konkurentosposobnosti predpriatii pishchevoi promyshlennosti: teoriia i praktika (na primere molokopererabatyvaiushchikh predpriatii) [Factors of competitiveness of the food industry: theory and practice (for example, milk processing plants)]. *Jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis and Practice], 2013, no. 1, pp. 71–84 (in Russian).
3. Porter M. *Konkurentnaja strategija: Metodika analiza otraslej i konkurentov* [Competitive Strategy: Technique for Analyzing Industries and competitors], Moscow, Alpina Business Books, 2005, 454 p. (in Russian).
4. Langlois R. N. Jekonomika transakcionnyh izderzhok v real'nom vremeni [Transaction-cost economics in real time]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2011, vol. 9, no. 1, pp. 93–118 (in Russian).
5. Samuelson P. E., Nordhaus W. D. *Jekonomika*. 18-e izd. [Economics. 18th ed.]. Moscow, LLC «I. D. Williams», 2007, 1360 p. (in Russian).
6. Seregin S. N., Kashirina O. N., Kolonchin K. V. Prinsipy i osobennosti territorial'nogo razmeshcheniia proizvodstvennoi bazy pishchevoi promyshlennosti Rossii [Principles and features of territorial distribution of food industry production base in Russia]. *Jekonomika sel'skhozjajstvennyh i pererabatyvajushchih predpriatij* [Economics of agricultural and processing enterprises], 2011, no. 10, pp. 12–19 (in Russian).
7. *Oblastnaja celevaja programma «Razvitie pishhevoj i pererabatyvajushhej promyshlennosti Saratovskoj oblasti na 2010-2015 gody* (The regional target program «Development of food processing industry in the Saratov region in 2010-2015»). Available at: <http://www.minagro.saratov.gov.ru> (accessed 22 February 2014).
8. Grant R. M. Resursnaja teorija konkurentnykh preimushchestv: prakticheskie vyvody dlja formulirovanija strategii [Resource-based theory of competitive advantage: implications for strategy formulation]. *Bulletin of St.-Petersburg State University*. Ser. 8. Management, 2003, iss. 3, pp. 47–75 (in Russian).
9. Barney J. B. Mozhet li resursnaja koncepcija prinesti pol'zu issledovanijam v oblasti strategicheskogo upravlenija? – Da [Is the resource-based «view» a useful perspective for strategic management research? Yes]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2009, vol. 7, no. 2, pp. 71–92 (in Russian).
10. Andreev A. V. Razvitie kontseptsii konkurentosposobnosti predpriatii (na primere predpriatii pishchevoi promyshlennosti) [The development of the concept of competitiveness of the enterprise (for example, the food industry)]. *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* [Journal of the Volga State Service Academy], 2012, no. 2, pp. 186–194 (in Russian).
11. Radaev V. V. Chto izmenil zakon o torgovle: kolichestvennyi analiz [What changed the law on trade: a quantitative analysis]. *Jekonomicheskaja politika* [Economic Policy], 2012, no. 1, pp. 118–140 (in Russian).
12. Alexandrova L. A., Volkova T. S. Zatratoobrazujushchie faktory v molochnoi promyshlennosti [Cost driver in the dairy industry]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N. I. Vavilova* [The bulletin of Saratov State Agrarian University in honor of N. I. Vavilov], 2013, no. 10, pp. 64–70 (in Russian).

УДК 330.43

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕМПОВ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

О. С. Балаш

кандидат экономических наук, доцент,
декан экономического факультета, кафедра финансов и кредита,
Саратовский государственный университет
E-mail: olgalash@mail.ru

Введение. Исследование процессов урбанизации, агломерации и темпов роста городов России является весьма актуальным. Однако для пространственно распределенных данных классические методы регрессионного анализа могут давать неверные результаты и выводы, поэтому для пространственно неоднородных данных следует применять специальные методы анализа. **Предварительный анализ.** Проведена группировка городов по численности населения и проанализирована ди-

намика темпов роста численности населения городов России в зависимости от их размера и региона (Европейской части России и Сибири и Дальнего Востока). Построены графики динамики темпов роста городов по численности населения в зависимости от размера городов и регионов. Выявлено, что темпы роста численности населения городов неодинаковы для регионов России. Рассмотрена модель, предложенная Соо, с включенным показателем географического рыночного потен-

циала. Приведены графики, доказывающие зависимость темпов роста городов от географического рыночного потенциала. Проведен эконометрический анализ логарифмов темпов роста городов по численности населения за 2010 г. по сравнению с 2002 г. Показано, что для пространственных данных, для учета всех факторов, влияющих на развитие городов, необходимо использование специальных методов регрессионного анализа. **Метод исследования.** Для проведения статистического анализа данных, имеющих пространственную привязку, используется метод географически взвешенной регрессии. Подробно приводится математическое описание метода географически взвешенной регрессии. Разбираются методы построения матрицы весов, вычисления весовых коэффициентов: административно-территориального деления, движущегося окна, фиксированных и адаптивных ядер. При использовании метода движущегося окна рассматриваются ядра Гаусса, би-квадрат и три-куб. **Обсуждение результатов.** Построена регрессионная модель рыночного потенциала городов России методом географически взвешенной регрессии. Приведена диаграмма рассеивания предсказанного логарифма рыночного потенциала на основе построенной географически взвешенной регрессии. **Ключевые слова:** анализ пространственных данных, метод географически взвешенной регрессии, матрица весов, адаптивные ядра, матрица соседей, ядра Гаусса, ядра би-квадрат, ядра три-куб, метод движущегося окна, географический рыночный потенциал.

Введение

Исследование развития городов и агломераций России становится все более актуальным. Крупные города являются лидерами социально-экономического развития. Растет значение городов как источников регионального развития и межрегионального взаимодействия. Города являются центрами интеллектуальной и экономической жизнедеятельности людей, в которых концентрируются промышленность, наука, культура, образование. В крупных городах и агломерациях наблюдается экономическая отдача от масштаба, в них концентрируется промышленность, торговля, инновации. Численность населения крупных городов и столиц увеличивается не только за счет естественного прироста, но и за счет притока экономически активного населения из более мелких городов.

В России с ее гигантскими пространствами, расстояниями, климатическими зонами развитие регионов и городов происходит неравномерно. Поэтому для анализа социально-экономических процессов, протекающих на больших территориях, привлекают модели экономической географии и пространственной эконометрики, имеющие пространственную привязку, а также данные геоинформационных систем. Использование специальных методов анализа обусловлено тем, что применение стандартных методов регрессионного анализа к пространственно зависимым или неоднородным

данным сопровождается рядом проблем. Среди них – неустойчивость коэффициентов модели, неправильно исчисленные стандартные ошибки коэффициентов, границы доверительных интервалов и результаты проверки гипотез. Для устранения проблем предложены специальные методы эконометрического анализа, учитывающие пространственную зависимость в регрессионных моделях. Это модели пространственного лага зависимой переменной, независимых переменных или случайного члена [1, 2], а также метод географически взвешенной регрессии (ГВР) [3, 4]. В статье применен метод ГВР к анализу темпов роста городов по численности населения России.

Предварительный анализ

Рассмотрим темпы роста численности населения городов Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока, по данным переписи населения 2002 и 2010 гг., для 1042 городов России (рис. 1). Для этого проведена группировка городов по численности населения: менее 10 тыс. жителей, от 10 тыс. до 30 тыс. чел., от 30 тыс. до 50 тыс. чел., от 50 тыс. до 100 тыс. чел., от 100 тыс. до 300 тыс. чел., от 300 тыс. до 500 тыс. чел., от 500 тыс. до 1 млн чел., от 1 млн чел. и выше. Неравные интервалы вызваны тем, что количество малых городов больше средних и крупных.

Как видно из рис. 1, темпы роста численности населения малых городов существенно ниже, чем у средних и крупных. Для городов с населением от 50 тыс. до 1 млн чел. темпы роста практически постоянны – колеблются в пределах от 100 до 100,2%, в то время как у малых – изменяются от 92 до 100%, у крупных – наблюдается сильный рост от 102 до 109%. Темпы роста городов для Европейской части России и региона Сибири и Дальнего Востока различаются между собой. Так, для городов Европейской части с численностью населения от 100 тыс. до 1 млн чел. темп роста практически одинаков – 102%, в то время как в Сибири и на Дальнем Востоке он достигает своего максимума для городов с численностью населения до 50 тыс., затем рост практически остается постоянным. Для городов Европейской части с населением от 500 тыс. чел. темп роста резко увеличивается до 110%, что характерно и для городов всей России.

Теория экономической географии утверждает, что рыночный потенциал города играет важную роль для привлечения рабочей силы, что положительно влияет на рост городов за счет притока экономически активного населения.

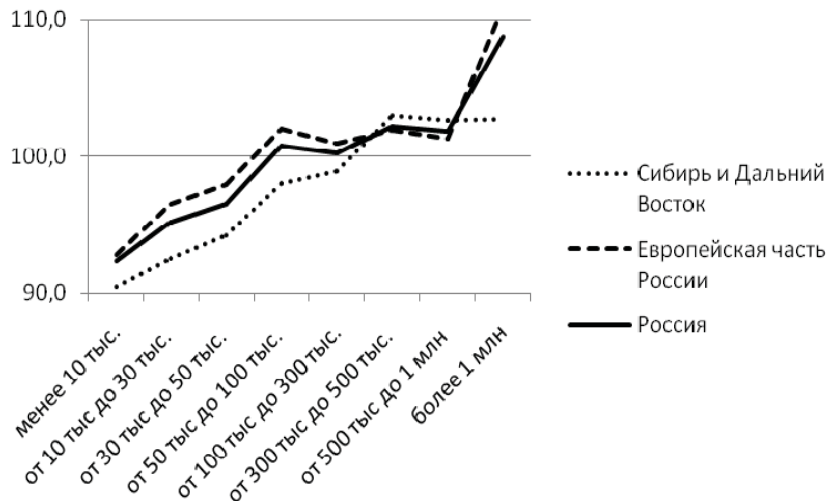

Рис. 1. Изменение темпов роста городов по численности населения в зависимости от размеров города и региона России

К. Соо предложил модель [5], в которой при предположении о независимости темпов роста городов от их размеров включена независимая пространственная переменная, названная географическим рыночным потенциалом:

$$MP_{it} = \sum_{i \neq j} \frac{P_{it}}{D_{it}}$$

где D_{it} – расстояние между городами $i \neq j$ в год t , P_{it} – численность населения города i в год t .

Потенциал рынка области j в год t является суммой численности населения всех городов, взвешенных обратно пропорционально расстоянию от областного центра. Географический

рыночный потенциал отражает существующий потенциал рынка и конкуренции. Малые города, близко расположенные к столицам, Москве и Санкт-Петербургу, имеют наибольший потенциал рынка по двум причинам: они расположены в густонаселенном регионе и имеют больше соседей, чем в больших городах в областях Сибири и Дальнего Востока. Города, расположенные на Камчатке и в районе г. Магадана, имеют самый низкий рыночный потенциал.

Расстояние между городами рассчитывается как расстояние между точками на поверхности Земли по сфере радиуса 6373 км:

$$D = \arctg \left(\frac{\sqrt{(\cos \phi_2 \sin \Delta \lambda)^2 + (\cos \phi_1 \cos \phi_2 \cos \Delta \lambda)^2}}{\sin \phi_1 \sin \phi_2 + \cos \phi_1 \cos \phi_2 \cos \Delta \lambda} \right),$$

где λ_1, λ_2 – долгота и ϕ_1, ϕ_2 – широта двух точек в радианах, $\Delta \lambda$ – разность координат по долготе.

Существует тесная зависимость коэффициента эластичности темпа роста городов России по численности населения ($\ln grow_{12}$) и логарифма рыночного потенциала ($\ln marketpotential$) (рис. 2) – города с большим рыночным потенциалом быстрее растут.

Оцениваемая регрессионная модель имеет вид

$$\ln(grow)_i = \beta_0 + \beta_1 \ln(Population)_i + MP_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где $\ln(grow)$ – логарифм темпа роста городов по численности населения, $\ln(Population)$ – логарифм численности населения базисного года, MP_i – рыночный потенциал, ε_i – случайная ошибка.

Для эмпирического анализа были использованы данные переписи населения для 1042 городов и поселков городского типа России. Для вычисления темпа роста численности населения $grow$ взяты данные переписи 2002 и 2010 гг.

Результаты вычисления представлены в таблице.

Оценка коэффициентов регрессии (1), по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

Независимые переменные	Коэффициенты	t-значение
Логарифм численности населения 2002 г.	0,0250911	0,029
Рыночный потенциал	0,0360094	8,59
Константа	-1,03391	0,00

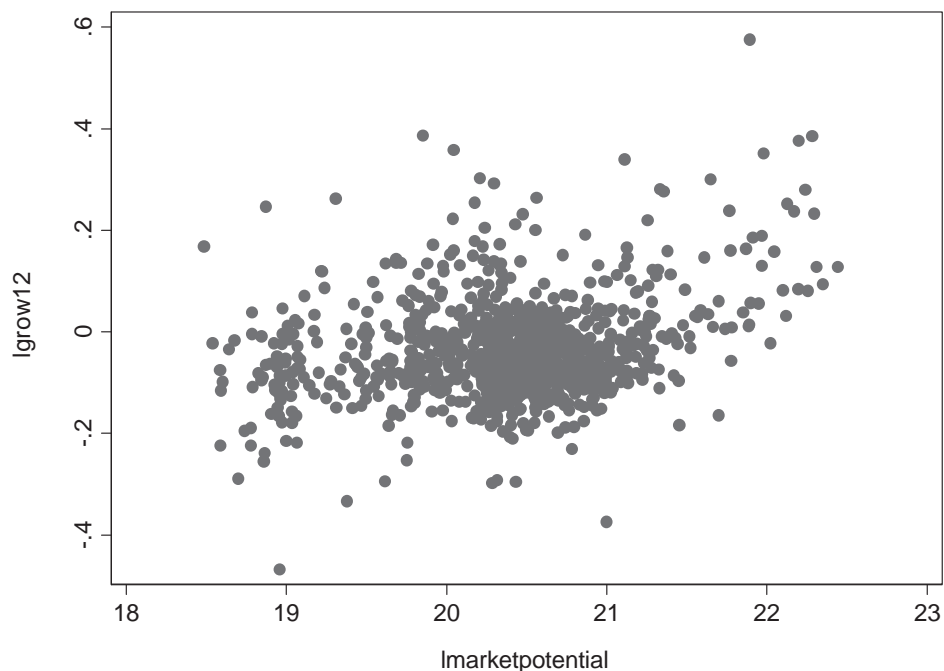

Рис. 2. Зависимость логарифма темпов роста городов по численности населения от логарифма рыночного потенциала городов, по данным переписи населения России 2002 и 2010 гг.

Как видно из расчетов, коэффициент, отражающий рыночный потенциал, значим на 5%-ном уровне. Уравнение в целом значимо, однако коэффициент детерминации равен 0,16, что отражает нелинейность и неравномерность данных по территории.

При введении переменных рыночный потенциал в квадрате, в кубе и т.п. обнаружено, что коэффициенты при этих переменных также значимы и коэффициент детерминации повышается до 0,23, уравнение в целом также оказалось значимым.

Уравнения регрессии, построенные для разных регионов, дают различные оценки, и если в дальнейшем дробить территорию на края, федеральные округа и области, можно получить набор уравнений, которые не учитывают влияния соседей и городов друг на друга. Коэффициенты локальных уравнений будут резко и скачкообразно меняться по регионам, а регрессия по данным для всей России даст усредненный результат, не отражающий территориальной привязки.

Для того чтобы учесть характер каждого региона России, проанализировать данные территориально распространенных явлений, необходимо использовать модель с непрерывно меняющейся структурой. Построить такие модели позволяет метод географически взвешенной регрессии [3, 4].

Метод исследования

Метод географически взвешенной регрессии позволяет анализировать данные территориально-распространенных явлений и получать модель с непрерывно меняющейся структурой [3–5].

Модель географически взвешенной регрессии имеет вид:

$$y_i = \beta_0(u_i, v_i) + \sum_k \beta_k(u_i, v_i)x_{ik} + \varepsilon_i,$$

где переменная (u_i, v_i) представляет координаты точки i , $i = \overline{1, n}$, y_i – значение наблюдаемой зависимой переменной, x_{i1}, \dots, x_{ip} – независимые переменные (регрессоры), $k = \overline{1, p}$, p – число регрессоров, $\beta_k(u_i, v_i)$ – оцениваемые параметры модели, $k = \overline{0, p}$, ε_i – случайная ошибка.

Для вычисления оценок коэффициентов местоположения i используется метод наименьших квадратов. Для выявления местных особенностей используются соседние с i наблюдения. Предполагается, что регрессионные модели для соседних точек схожи, но могут варьироваться по территории. Степень близости учитывается с помощью весов $\{w_{ij}\}$.

Для каждого местоположения i вектор оценок коэффициентов вычисляется следующим образом (запись в матричной форме):

$$\hat{B}(u_i, v_i) = (X^T W(u_i, v_i) X)^{-1} X^T W(u_i, v_i) Y,$$

где $W(u_i, v_i)$ – диагональная матрица весовых коэффициентов размерности $n \times n$, $\hat{B}(u_i, v_i)$ – вектор оценок коэффициентов модели $i = \overline{1, n}$, X – матрица независимых переменных размерности $n \times p$.

Элемент матрицы $W(u_i, v_i)$ определяет степень влияния соседей j на зависимости в местоположении i . Матрица весовых коэффициентов вычисляется для каждого местоположения.

Так как расчеты коэффициентов проводятся для всех измерений, то в результате получают матрицу оценок параметров:

$$\hat{B} = \begin{bmatrix} \hat{\beta}_0(u_1, v_1) & \hat{\beta}_1(u_1, v_1) & \dots & \hat{\beta}_p(u_1, v_1) \\ \hat{\beta}_0(u_2, v_2) & \hat{\beta}_1(u_2, v_2) & \dots & \hat{\beta}_p(u_2, v_2) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \hat{\beta}_0(u_n, v_n) & \hat{\beta}_1(u_n, v_n) & \dots & \hat{\beta}_p(u_n, v_n) \end{bmatrix},$$

где i -ая строка представляет собой вектор оценок коэффициентов в точке (u_i, v_i) , $i = \overline{1, n}$.

Наиболее употребляемые методы вычисления весов W : административно-территориальное деление, метод движущегося окна, фиксированные и адаптивные ядра.

Если исследуемая территория разделена на районы по административному принципу, то это учитывается в весовых коэффициентах следующим образом:

$$w_{ij} = 1, \text{ если } (i, j) \in A;$$

$$w_{ij} = 0, \text{ если } (i, j) \notin A.$$

Если административные районы не отражают вариацию объектов, то веса определяются методом движущегося фиксированного окна. Вес принимают равным единице, если расстояние d_{ij} между объектами i и j не превосходит заданной ширины окна b , и равным нулю в противном случае:

$$w_{ij} = 1, \text{ если } d_{ij} < b;$$

$$w_{ij} = 0, \text{ если } d_{ij} \geq b.$$

Подход, в котором веса строятся с учетом непрерывного изменения расстояния между исследуемыми объектами, называют ядерным, веса – ядрами, являющимися убывающими функциями расстояния. В основу положено предположение, что близким соседям придают больший вес, чем дальним. Часто используют ядра Гаусса:

$$w_{ij} = \exp\left(-\frac{\alpha}{2} \left(\frac{d_{ij}}{b}\right)^2\right),$$

где b – фиксированная ширина окна или полосы пропускания, α – масштабный коэффициент. В местоположении i вес равен единице, а при

удалении объектов исследования от него быстро уменьшается.

Для вычисления весовой матрицы используют также ядро би-квадрат:

$$w_{ij} = \begin{cases} \left(1 - \left(\frac{d_{ij}}{b}\right)^2\right)^2, & \text{если } d_{ij} < b \\ 0, & \text{иначе.} \end{cases}$$

Ядро би-квадрат и три-куб обеспечивает непрерывное изменение веса в пределах ширины окна и ноль за ее границей.

Выбирая для расчетов метод фиксированных ядер, можно столкнуться, с одной стороны, с проблемой недостатка данных в выборке n и, как следствие, получением незначимых оценок коэффициентов, а с другой стороны – с избыточным количеством информации. Такая ситуация разрешается с помощью использования адаптивных ядер [6, 7].

Обсуждение результатов

Для нивелирования скачкообразности оценок локальных эконометрических моделей методом географически взвешенной регрессии построена модель зависимости темпов роста городов по численности населения:

$$\ln(\text{grow}) = -0,73 + 0,025 \ln(\text{pop02}) - 0,36 \ln(\text{market}).$$

(0,053) (0,0023) (0,004) (1)

Как видно из величин стандартных ошибок, все коэффициенты значимы на 5%-ном уровне. По данным регрессии, для всех городов России географический рыночный потенциал отрицательно влияет на рост городов.

Построена диаграмма рассеивания по результатам географически взвешенной регрессии. На рис. 3 отображен логарифм рыночного потенциала для городов России. Высота точек в левой части рисунка представляет Европейскую часть России, правая – часть Сибири и Дальнего Востока. Как видно, для разных регионов России географический рыночный потенциал по-разному влияет на рост городов. Так, рыночный потенциал практически одинаков для Европейской части России – он характеризуется одинаковой высотой точек, причем значения его отрицательны. Лишь для г. Москвы и ближайших к ней городов он положителен и высота точек превосходит среднюю. Для городов Сибири и Поволжья значения географического рыночного потенциала принимают отрицательные значения, как в случае глобального уравнения регрессии (1). Наиболее низки значения этой переменной для городов юга России и Кавказа.

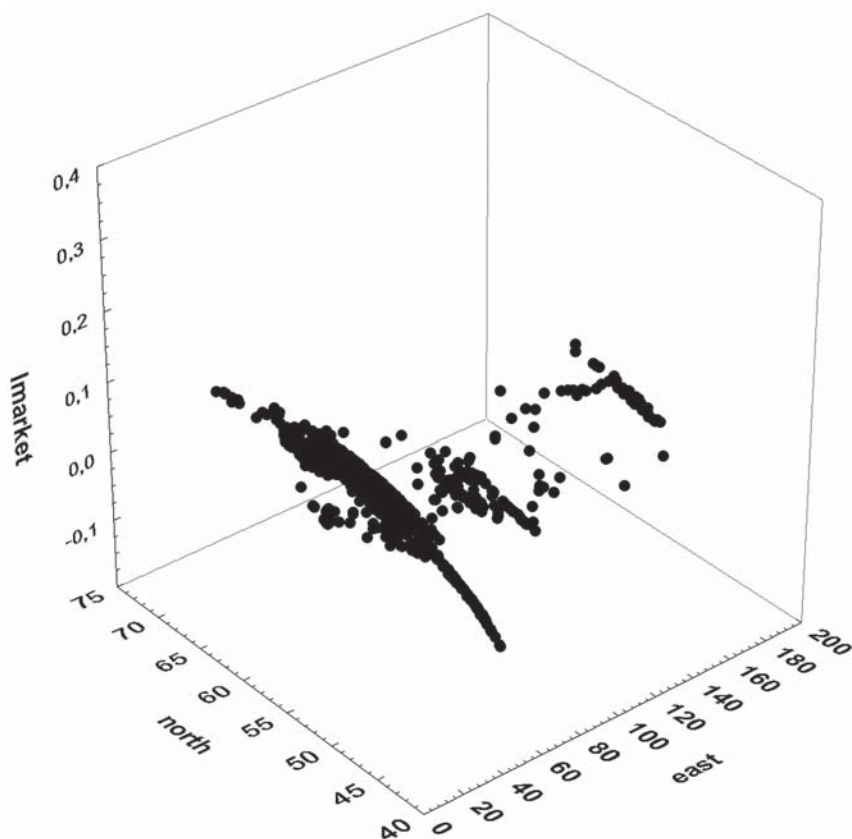

Рис. 3. Вариация значений коэффициента эластичности темпов роста по рыночному потенциалу городов России

На территории Сибири и Дальнего Востока точки разрежены, и существуют выбросы для городов Дальнего Востока, близких к океану и границе.

Таким образом, обнаружено, что рост численности населения городов России различен и зависит от их размеров и близости малых городов к крупным административным центрам. Средние города практически не увеличиваются, зато в столицах и крупных городах с населением более 1 млн жителей численность населения растет. Наблюдается агломерация городов. В малых городах, отдаленных от административных центров, население сокращается.

Рост численности населения городов неравномерен по территории России. Для Европейской части важным фактором, влияющим на темп роста численности населения, является близость малых городов к крупным городам и столицам. Для районов Сибири и Дальнего Востока из-за больших территорий плотность расселения не имеет такого значения и не оказывает влияния на рост численности населения городов.

Чтобы учесть плотность расположения городов России, использовался показатель географического рыночного потенциала S_{oo} , ко-

торый позволил обнаружить влияние близости крупных центров и столиц на рост численности населения городов.

Классический метод регрессионного анализа не позволяет уловить региональные особенности России. Локальные регрессии не используют все данные для России в целом. Например, на рост численности населения городов Сибири, безусловно, оказывает влияние г. Москва, но отдельные локальные регрессии для Европейской части и Сибири не отражают этого факта.

Для учета пространственной неоднородности к анализу темпов роста численности населения России применен метод географически взвешенной регрессии, который позволил получить вариацию оценок коэффициентов при логарифме географического рыночного потенциала по всей территории России.

Список литературы

1. *Anselin L.* Spatial Econometrics : Methods and Models. Dordrecht : Kluwer Academic, 1988. 278 p.
2. *Anselin L., Florax R., Rey S.* Advances in Spatial Econometrics. Methodology, Tools and Applications. Berlin : Springer-Verlag, 2004. 515 p.

- Cleveland W. S., Devlin S. J. Locally Weighted Regression : An Approach to Regression Analysis by Local Fitting // *Journal of the American Statistical Association*. 1988. Vol. 83, № 403. P. 596–610.
- Fotheringham A. S., Brunson C., Charlton M. Geographically weighted regression the analysis of spatially varying relationships. University of Newcastle, UK, John Wiley & Sons Ltd, 2002. 269 p.
- Soo K. T. Zipf's Law for cities : A cross-country investigation // *Regional Science and Urban Economics*. 2005. Vol. 35, iss. 3. P. 239–263.
- Балаш В. А., Балаш О. С., Харламов А. В. Эконометрический анализ геокодированных данных о ценах на жилую недвижимость // *Прикладная эконометрика*. 2011. № 2(22). С. 62–77.
- Fotheringham A. S., Pitts T. C. Directional variation in distance-decay // *Environment and Planning, A*. 1995. № 27. P. 715–729.

Spatial Modeling of Population Growth Rate of Russian Cities

O. S. Balash

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: olgabalash@mail.ru

Introduction. The study of urbanization, agglomeration and growth of cities in Russia is very important. However, for spatially distributed data classical methods of regression analysis can give incorrect results and conclusions, so spatially inhomogeneous data necessary to apply special methods of analysis. **Preliminary analysis.** Group held cities in terms of population and analyzed the dynamics of population growth of cities in Russia, depending on their size and region (European part of Russia and Siberia and the Far East). The graphs of the dynamics of urban growth rates in population depending on the size of cities and regions. Revealed that the growth rate of urban population are not the same regions of Russia. A model proposed by Soo, with the inclusion of indicators of geographic market potential. Are graphs demonstrating the dependence of urban growth on the geographic market potential. Econometric analysis conducted logarithms urban growth in population in 2010 compared with 2002 is shown that spatial data, to account for all factors that influence the development of cities, it is necessary to use special methods of regression analysis. **Method of investigation.** For statistical analysis of data with spatial reference method used geographically weighted regression. Provides detailed mathematical description of the method of geographically weighted regression. Understand methods of constructing a matrix of weights, weight computation: administrative-territorial division, moving windows, fixed and adaptive kernels. When using the moving window Gaussian kernel addresses, bi-square and tri-cube. **Discussion of results.** A regression model of the market potential of Russian cities by geographically weighted regression. Scatterplot shows the logarithm of the predicted market potential based on constructed geographically weighted regression.

Key words: spatial data analysis, method of geographically weighted regression, weighting matrix, adaptive kernel, matrix neighbors, kernel Gaussian, kernel bi-square, kernel tri-cube, method of moving windows, geographic market potential.

References

- Anselin L. *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht, Kluwer Academic, 1988. 278 p.
- Anselin L., Florax R., Rey S. *Advances in Spatial Econometrics. Methodology, Tools and Applications*. Berlin, Springer-Verlag, 2004. 515 p.
- Cleveland W. S., Devlin S. J. Locally Weighted Regression: An Approach to Regression Analysis by Local Fitting. *Journal of the American Statistical Association*, 1988, vol. 83, no. 403, pp. 596–610.
- Fotheringham A. S., Brunson C., Charlton M. *Geographically weighted regression the analysis of spatially varying relationships*. University of Newcastle, UK, John Wiley & Sons Ltd, 2002. 269 p.
- Soo K. T. Zipf's Law for cities: A cross-country investigation. *Regional Science and Urban Economics*. 2005, 35(3), pp. 239–263.
- Balas O., Balash V., Harlamov A. Эконометрический анализ геокодированных данных о ценах на жилую недвижимость [A spatial econometric analysis of the housing market]. *Прикладная эконометрика* [Applied Econometrics], 2011, no. 2(22), pp. 62–77 (in Russian).
- Fotheringham A. S., Pitts T. C. Directional variation in distance-decay. *Environment and Planning, A*, 1995, no. 27, pp. 715–729.

УДК 331.5, 332.1

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЛЬГОТ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Н. С. Землянухина

доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и маркетинга,
Саратовский государственный университет
E-mail: nadezhda_zeml@mail.ru

Введение. Обоснована необходимость реализации принципов концепции Достойного труда для перехода к инновационному развитию экономики России. Сформулирована гипотеза о возможности использования социально-экономических льгот населения для реализации принципов достойного труда на региональном уровне. **Теоретические предпосылки исследования.** При проведении исследования используется авторское определение льгот как исключений из общих правил, выражающихся в облегчении или улучшении условий их выполнения (вплоть до полной отмены обязанности выполнения) и распространяющихся на определенную категорию граждан, личные качества, особенности жизни и деятельности которых выступают источником социально-экономического неравенства. Приведены типы льгот по различным классификациям, рассматриваемые в исследовании. **Описание и результаты исследования.** Для оценки региональных особенностей продвижения концепции Достойного труда использована система из 11 групп индикаторов, отражающих отдельные аспекты достойного труда. Проанализировано влияние льгот на достойную оплату труда, обеспеченность жильем, доступ к занятости, безопасные условия труда и воспроизводство здоровья работника, социальную защищенность и повышение квалификации работников. Приводятся примеры использования льгот, способствующих реализации концепции Достойного труда. Особое внимание уделяется специфике применения льгот, предназначенных для создания условий инновационного развития экономики России. **Выводы.** Обоснованное применение льгот может оказывать значимое влияние на реализацию принципов достойного труда на региональном уровне и способствовать инновационному развитию российской экономики.

Ключевые слова: трудовые, профессиональные, социальные и коммерческие льготы, социально-трудовые отношения, достойный труд, региональный уровень.

Введение

Переход к инновационному развитию российской экономики невозможен без перехода к новому качеству социально-трудовых отношений. Разработка, создание и продвижение инновационных продуктов может осуществляться только работниками, способными выполнять эти функции, что предполагает обязательное наличие креативной составляющей в процессе труда и соответствующих качеств самих работников. В рамках такого подхода

реализация принципов достойного труда является необходимым условием инновационности экономического развития. Однако, несмотря на то что концепция Достойного труда признана в российском научном сообществе и даже во властных структурах, реализация принципов достойного труда в полном объеме происходит не на всех предприятиях (к сожалению, сказанное относится и к бюджетной сфере). Наблюдается существенная дифференциация реализации принципов достойного труда по различным отраслям народного хозяйства, отдельным предприятиям и регионам. Одним из факторов реализации данных принципов могут выступать льготы.

Теоретические предпосылки исследования

Отметим, что под льготами мы понимаем любые исключения из общих правил, выражающиеся в облегчении или улучшении условий их выполнения (вплоть до полной отмены обязанности выполнения) и распространяющиеся на определенную категорию граждан, личные качества, особенности жизни и деятельности которых выступают источником социально-экономического неравенства [1, с. 51]. В зависимости от того, на решение каких социально-экономических проблем, обусловленных неравенством в трудовой, профессиональной или социальной сфере, направлены льготы, их можно классифицировать как трудовые, профессиональные и социальные. К коммерческим льготам относятся льготы, добровольно предоставляемые предприятиями категориям граждан, находящихся в условиях неравенства, и предназначенные для получения льготодателем дополнительной выгоды. Отметим, что после принятия в 2004 г. Закона 122-ФЗ [2] термин «льготы» изъят из законодательной практики (вместе с термином «социальная защита») и заменен термином «государственная социальная поддержка», однако как социально-экономическая категория в теоретическом

смысле и проверенный годами практический инструмент решения социально-экономических проблем льготы остаются актуальными и востребованными. При этом отказ от решения на государственном уровне некоторых социальных проблем повышает востребованность социально-трудовых льгот, предоставляемых работодателем, а перевод части расходных обязательств на региональный уровень за счет выделения категорий региональных льготников усиливает региональную дифференциацию.

В аспекте воздействия на процесс реализации принципов достойного труда могут быть рассмотрены как трудовые и профессиональные, так и социальные и коммерческие льготы. Часть из них может быть реализована на региональном уровне за счет предоставления льгот региональными органами власти. Кроме того, воздействие на реализацию принципов достойного труда на региональном уровне оказывают льготы, предоставляемые работникам предприятиями, находящимися на данной территории. Неравномерность распределения предприятий различных отраслей промышленности по регионам также приводит к региональной дифференциации характеристик труда и социально-трудовых отношений.

При рассмотрении региональных различий в реализациях принципов достойного труда следует учитывать, что льготы, предоставляемые работникам как работодателями, так и властями, оказывают влияние на степень реализации данных принципов и могут быть направлены как на сглаживание неравномерности региональных возможностей и подходов, так и на усиление региональной дифференциации.

Описание и результаты исследования

Для оценки региональных особенностей продвижения концепции Достойного труда может быть использована система из 11 групп индикаторов, отражающих отдельные аспекты достойного труда [3, с. 44]. К ним относятся: доступ к занятости, достойная оплата труда, безопасные условия труда, приемлемое рабочее время, баланс «работа – семья», стабильность и надежность работы, социальная защита, справедливое обращение на работе, социальный диалог, неприемлемые формы труда, социально-экономический контекст. Рассмотрим возможности воздействия льгот на некоторые из перечисленных показателей.

В первую очередь, при определении реализуемости концепции Достойного труда на региональном уровне обращают внимание на достойную оплату труда. Однако определение

достойности оплаты только по уровню номинальной заработной платы имеет погрешность, связанную с тем, что, во-первых, при одинаковой номинальной заработной плате в различных регионах может различаться реальная заработная плата, а, кроме того, на доступность при одинаковой номинальной зарплате качественного образования, медицинского обслуживания, качественных товаров и услуг, а также достойного отдыха влияют предоставляемые населению и работникам предприятий льготы. Достойная оплата труда предполагает возможность вести достойную с точки зрения потребления и воспроизводства рабочей силы жизнь. Предоставление работнику льгот, обеспечивающих его дополнительным медицинским обслуживанием, санаторно-курортным лечением, корпоративной связью, транспортом, питанием и другими благами, повышает достойность оплаты его труда и в случае натуральных льгот, и в случае субсидирования части расходов.

Примерами льгот, предоставляемых на региональном уровне и оказывающих влияние на достойность оплаты труда работников, могут выступать различные региональные надбавки к заработной плате. Как правило, они предоставляются работникам бюджетной сферы из средств местных бюджетов, однако любые трансферты, предоставляемые работникам, могут способствовать снижению актуальности проблем, связанных с низким уровнем оплаты труда. Аналогичным действием обладают социальные льготы, предоставляемые неработающим членам семьи работников.

Наиболее значительные расходы связаны в настоящее время с необходимостью приобретения или аренды жилья. Предоставление льгот по обеспечению жильем или хотя бы частичная компенсация расходов из средств предприятия или местного бюджета оказывает существенное влияние на возможность работника направить ресурсы на удовлетворение остальных потребностей. Развитие кредитно-банковской системы предоставляет населению возможность делать дорогостоящие покупки при отсутствии необходимой суммы денег, однако в дальнейшем, за счет необходимости возврата самого кредита и высоких процентов от взятой суммы, уровень потребления существенно снижается, причем зачастую на длительное время. Поэтому предоставление предприятием своим работникам возможности получить беспроцентный заём, что также можно рассматривать как льготу, тоже способствует повышению реального содержания оплаты труда.

Если же говорить о доступе к занятости, льготы, предоставляемые сокращаемым работникам, а также региональные программы содействия занятости, направленные на помощь безработным в трудоустройстве, переподготовке, повышении квалификации или открытии собственного бизнеса, оказывают влияние на реализацию этой составляющей достойного труда на региональном уровне.

Следующим существенным показателем реализации принципов достойного труда являются безопасные условия труда. Согласно статистике, в 2010 г. различные компенсации за работу во вредных и опасных условиях труда получали 67,8% работников, занятых добычей полезных ископаемых, 41,6% работников обрабатывающих производств, 41,3% работников в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, 34,5% работников строительства, 45,7% работников на транспорте и 6,3% работников связи [4]. Особые условия труда традиционно определяются также экстремальными условиями территории нахождения предприятия, его подразделения, работника, выполняющего производственное задание: трудовая деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в безводной местности, местности, удаленной от объектов социальной инфраструктуры.

Постепенная утрата работником здоровья во многих случаях не может быть полностью компенсирована деньгами. Особую важность имеет также (в первую очередь для работодателя) снижение работоспособности работника, а тем более ее полная потеря. Нетрудоспособный член общества становится обузой и для государства. Поэтому и работодатель, и территория (регион), и государство заинтересованы в возможно полном и эффективном воспроизводстве здоровья работника, утрачиваемого в ходе выполнения тяжелой и вредной работы. Эффективным и проверенным способом решения этой задачи является предоставление трудовых льгот. Предоставление льгот работникам, выражающихся в специальном питании, дополнительных отпусках, сокращении рабочего времени, медицинских профилактических осмотрах и т.д., не может обеспечить полностью безопасные условия труда, но способно существенно сократить риск возникновения профессиональных заболеваний и утраты трудоспособности, вызванных неблагоприятными условиями труда, а также существенно снизить тяжесть последствий возникновения подобных исходов.

При этом монетизация этих льгот и замена их денежными выплатами является недопустимой, так как полученные деньги скорее всего будут потрачены на другие насущные потребности в соответствии с собственными интересами и предпочтениями работников, а их здоровью будет наноситься непоправимый вред. В результате денежная компенсация почти ничего не даст работодателю, государству, а средства будут потрачены безвозвратно. Поэтому трудовые льготы имеют комплексную натурально-денежную структуру, каждый компонент которой выполняет специфические функции: деньги выполняют стимулирующую, а натуральные льготы – воспроизводственную функции. Традиционно в экономике труда принято трудовые льготы, предоставляемые в связи с неравными условиями труда по критериям тяжести и вредности труда, представлять в виде трех структурных блоков: льготы по оплате труда, льготы по сокращению рабочего времени (при сохранении заработной платы), льготы по предоставлению восстановительного питания [5, с. 244]. Сюда же следует отнести льготы, связанные с предоставлением медицинского и санаторно-курортного лечения, а также с организацией отдыха работников.

Социальная защита работников рассматривается в последнее время в контексте социального страхования [6]. Однако кроме обязательного социального страхования, являющегося во многих странах базовым инструментом социальной защиты работающих и членов их семей от различных социальных рисков, в России продолжают быть востребованными дополнительные льготы со стороны работодателей, так как качество услуг, предоставляемых в рамках обязательного медицинского страхования, не всегда удовлетворительно, размер трудовой пенсии зачастую недостаточен для достойной жизни после прекращения трудовой деятельности. Поэтому любые дополнительные возможности социальной защиты, реализованные за счет средств работодателя, являются льготами и оказывают влияние на реализацию принципов достойного труда. Более того, учитывая, что далеко не все предприятия и организации выполняют в полном объеме требования трудового законодательства, предоставление возможностей обязательного социального страхования (в том числе оплата больничных), наличие отпусков и даже своевременная выплата заработной платы позиционируются как льготы работникам предприятий.

Согласно концепции МОТ, труд должен быть развивающим. Данное условие может быть

выполнено как за счет характера и содержания труда, так и за счет возможностей обучения и повышения квалификации, осуществляемых в том числе в рабочее время в случае предоставления работнику соответствующих льгот.

Выводы

В случае если ориентация отечественной экономики будет направлена не только на импорт инноваций, разработанных и внедренных за рубежом, но и на развитие собственных инновационных разработок, товаров и услуг, актуализируется вопрос о новом качестве воспроизводства рабочей силы, предполагающем не только восстановление после рабочего дня, но и развитие творческих способностей, поддержание эмоционального и физического состояния на стабильном комфортном для работы уровне. Решение этой комплексной задачи может быть осуществлено только в том случае, если будут созданы условия для ее реализации. При этом если в прошлом веке была популярной научная организация труда (НОТ), в настоящее время становится востребованной научная организация отдыха (НОО), включающая рекомендации по сбалансированному занятию оздоровительными и развивающими практиками. Реализация такого подхода будет более эффективной в случае предоставления работникам льгот, облегчающих доступность таких практик и стимулирующих их использование. Льготы такого типа могут быть не очень затратными, так как даже организационные мероприятия, включающие возможность занятия оздоровительными практиками на территории предприятия в удобное время после работы или во время обеденного перерыва, способны дать существенный положительный эффект.

Таким образом, обоснованное применение льгот может оказывать значимое влияние на реализацию принципов достойного труда на региональном уровне и способствовать инновационному развитию российской экономики.

Список литературы

1. *Землянухина Н. С.* Социально-экономическая теория льгот. Саратов : Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 2006. 228 с.
2. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (с изм. и доп. от 29 ноября, 21, 29, 30 декабря 2004 г., 1 апреля, 9 мая, 30 июня, 18 июля, 27 сентября, 31 декабря 2005 г., 10 января, 6, 13 марта, 3 июня, 16, 25 октября, 3, 4 ноября, 18, 29 декабря 2006 г., 20 апреля, 26 июня, 21 июля, 2, 18 октября, 8 ноября, 1 декабря 2007 г., 24 апреля, 13 мая, 18, 22 июля, 25 декабря 2008 г., 9 февраля, 24 июля, 10 ноября, 17, 21, 27 декабря 2009 г., 1 февраля, 12 апреля, 8, 19 мая, 22 июля, 8 ноября, 8, 10, 28 декабря 2010 г., 7 февраля, 14 июня, 18, 19 июля, 8, 16, 21, 30 ноября, 3, 6, 8 декабря 2011 г., 5 июня, 20 июля, 29, 30 декабря 2012 г., 5 апреля, 7 мая 2013 г.). URL: <http://base.garant.ru/12136676/> (дата обращения: 31.05.2013).
3. *Баймурзина Г. Р., Валиахметов Р. М., Колосова Р. П.* Реализация принципов концепции Достойного труда в России : региональный аспект (на примере Республики Башкортостан). Уфа : Гилем, 2012. 216 с.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., Росстат, 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_44/Main.htm (дата обращения: 31.05.2013).
5. *Макушин В. Г.* Система льгот и компенсаций работникам, занятым в неблагоприятных условиях труда // Современная экономика труда / Рук. и науч. ред. В. В. Куликов ; Ин-т труда Минтруда России (НИИ труда). М. : Финстатинформ, 2001. 660 с.
6. *Роик В.* Экономика, финансы и право социального страхования : Институты и страховые механизмы. М. : Альпина Паблишер, 2013. 258 с.

Effect of Socio-economic Benefits on Implementation of the Concept of Decent Work at the Regional Level

N. S. Zemlyanukhina

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: nadezhda_zeml@mail.ru

Introduction. The article *proves* the necessity of implementing the principles of decent work for transition to innovative development of Russia's economy and formulates a hypothesis about the possibility of the use of socio-economic benefits to implement the principles of decent work at the regional level. **Theoretical background of the research.** This research used the author's definition of benefits

as exceptions to the general rule, expressed in terms of facilitating or improving their performance (up to the complete abolition of the obligation to perform) and applicable to certain categories of citizens, personal qualities, especially the life and activity which are the source socio-economic inequalities. **Description and results of the research.** The study used 11 groups of indicators that reflect certain aspects of Decent Work to evaluate regional peculiarities promotion of decent work system. The research analyzed the impact of benefits on decent wages, housing, and access to employment, safe working conditions and reproduction of employee health, social security and skills development; and provided examples of benefits that contribute to the implementation of the decent work concept. The author paid the particular attention to the specifics of the application of benefits designed to create the conditions for innovative economic development of Russia. **Conclusions.** Reasonable use of benefits may have a significant impact on the implementation of the principles of decent work at the regional level and to promote innovative development of the Russian economy.

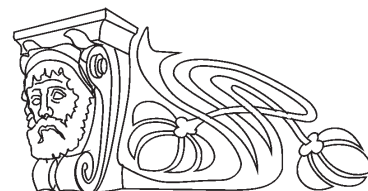
Key words: labor, professional, social and commercial benefits, social and labor relations, decent work, regional level.

References

1. Zemlyanukhina N. S. *Sotsialno-ekonomitceskaya teoriya l'got* [Socio-economic theory of benefits]. Saratov, SSTU Publ., 2006. 228 p. (in Russian).
2. *Federalny zakon ot 22 avgusta 2004 № 122-FZ* (Federal Law of August 22 2004 № 122-FZ). Available at: <http://base.garant.ru/12136676/> (accessed 31 May 2013).
3. Baimurzina G. R., Valiakhetmetov R. M., Kolosova R. P. *Realizatsiia printsipov kontseptsii Dostoinogo truda v Rossii: regional'nyi aspekt (na primere Respubliki Bashkortostan)* [Realization of the principles of the concept of Worthy work in Russia: regional aspect (on the example of the Republic Bashkortostan)]. Ufa, Gilem, 2012. 216 p. (in Russian).
4. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniia Rossii* (Social status and standard of living of the population of Russia). Moscow, Rosstat, 2011. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_44/Main.htm (accessed 31 May 2013).
5. Makushin V. G. *Sistema l'got i kompensatsii rabotnikam, zaniatym v neblagopriiatnykh usloviakh truda* [System of benefits and compensation to employees engaged in unfavorable conditions]. *Sovremennaiia ekonomika truda* [Modern Labor Economics]. Moscow, Finstatinform, 2001. 660 p. (in Russian).
6. Roik V. *Ekonomika, finansy i pravo sotsial'nogo strakhovaniia: Instituty i strakhovye mekhanizmy* [Economics, Finance and Social Security Law: Institutions and insurance mechanisms]. Moscow, Alpina Publisher, 2013. 258 p. (in Russian).

УДК 338.242

РОЛЬ РЫНОЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ В СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЛИНГА

Л. Б. Пчелинцева

кандидат экономических наук,
доцент кафедры учета, финансов и банковского дела,
Саратовский институт (филиал) Российского
государственного торгово-экономического университета
E-mail: Pchelud@yandex.ru

Введение. Система контроллинга в коммерческих организациях предполагает использование собственного, нередко достаточно сложного инструментария. Следовательно, очевидна актуальность вопроса модификации и оптимизации существующего инструментария контроллинга. Важным вопросом, неизбежно возникающим при определении общей компоненты сбалансированной системы показателей, является формирование набора используемых показателей. Набор показателей, включаемых в состав сбалансированной системы, предполагает использование рыночных мультипликаторов. **Теоретический анализ.** В статье рассматривается методика целевого отбора показателей, при этом в качестве универсального целевого показателя, применимого в отношении любых коммерческих организаций, предлагается использовать стоимость коммерческой организации и темпы ее прироста. Положительное значение стоимости коммер-

ческой организации рассматривается в качестве индикатора достижения первой цели, а обеспечение положительных темпов ее прироста – как индикатор достижения второй цели. Учитывая ограниченную применимость натуральных мультипликаторов, автор считает, что в рамках общей компоненты сбалансированной системы показателей стратегического контроллинга в коммерческих организациях целесообразно ограничиться использованием только финансовых мультипликаторов. Для этих целей возможно использовать мультипликаторы индикативной рыночной стоимости. Все рыночные мультипликаторы могут быть рассчитаны для любых коммерческих организаций, отражая капиталоемкость их бизнеса (через стоимость активов), объемы реализации (через выручку) и эффективность деятельности в целом (через чистую прибыль). **Заключение.** Сбалансированная система показателей подразумевает целевой отбор показателей и ба-

зируется на использовании метода рыночных мультипликаторов, позволяющих дать наиболее точную оценку стоимости коммерческих организаций.

Ключевые слова: инструментарии стратегического контроллинга, рыночные мультипликаторы, целевой отбор показателей в сбалансированной системе.

Введение

Как свидетельствует зарубежная и отечественная практика, долгосрочность функционирования коммерческой организации сама по себе отнюдь не означает автоматического увеличения ее стоимости, при этом классические модели оценки стоимости коммерческих организаций базируются исключительно на финансовых показателях их деятельности, совершенно не принимая во внимание все прочие аспекты.

Комплексный подход к созданию системы контроллинга в коммерческих организациях предполагает выделение стратегического и оперативного контроллинга, причем каждый вид контроллинга должен предусматривать использование собственного, нередко достаточно сложного инструментария (в частности, в качестве методической и методологической основы для осуществления стратегического контроллинга автор предлагает рассматривать сбалансированную систему показателей). Таким образом, становится совершенно очевидной важность и актуальность вопроса модификации и оптимизации существующего инструментария контроллинга.

Важным вопросом, неизбежно возникающим при определении общей компоненты сбалансированной системы показателей, является формирование набора используемых показателей.

Теоретический анализ

Что касается набора показателей, включаемых в состав сбалансированной системы, то при его формировании предлагается использовать так называемые *рыночные мультипликаторы* (в качестве альтернативных нередко применяются термины «сравнительные коэффициенты» или «рыночные коэффициенты»).

Учитывая данный факт, возможно трансформировать сбалансированную систему показателей путем использования подхода к выделению отдельных групп показателей, отличного от традиционного: вместо выделения групп показателей в соответствии с выбранными направлениями оценки эффективности целесообразно перейти к выделению групп показателей в зависимости от их значимости для системы контроллинга коммерческой организации. Для

выделяемых групп показателей одновременно должны соблюдаться два правила:

1) чем выше значимость отдельной группы показателей в рамках их сбалансированной системы, тем меньше показателей должно входить в ее состав;

2) между отдельными группами показателей должна существовать очевидная логическая взаимосвязь, причем показатели группы, характеризующейся более высоким уровнем значимости, следует интерпретировать в качестве результативных, а показатели группы, следующей за ней по уровню значимости, – в качестве факторных.

Что же касается общей логики построения сбалансированной системы показателей, то в качестве показателей, характеризующихся наиболее высоким уровнем значимости, нужно применять те, которые могут использоваться в качестве индикатора стоимости коммерческой организации. Например, в таком качестве может выступать индикативная рыночная стоимость коммерческой организации, т. е. рассчитанная по определенному алгоритму величина, отражающая возможную цену ее продажи.

На следующем уровне подобной сбалансированной системы показателей, применяемой для осуществления стратегического контроллинга, будут находиться показатели, непосредственно влияющие на стоимость коммерческой организации, среди которых, по аналогии с традиционным подходом, можно выделить финансовые показатели (например выручку, чистую прибыль, стоимость активов коммерческой организации, ее свободный денежный поток и пр.) и нефинансовые показатели (в частности объем произведенной и реализованной продукции в натуральном выражении, совокупные производственные мощности, общее количество клиентов и т. д.).

В принципе, количество выделяемых групп в сбалансированной системе показателей ничем не ограничено, однако оптимальными будут являться относительно небольшие системы, состоящие из 2–3 уровней и предполагающие расчет от 5–10 (для двухуровневых систем).

Таким образом, в качестве основных инструментов контроллинга автор предлагает рассматривать сбалансированную систему показателей (для стратегического контроллинга), при этом необходима определенная модификация указанных инструментов.

Например, в настоящий момент не существует общепринятых правил или критериев, в соответствии с которыми осуществляется включение тех или иных показателей в состав

их сбалансированной системы в коммерческих организациях. Практически каждая группа исследователей предлагает свой подход к формированию подобной системы, нередко принципиальным образом отличающийся от других подходов, причем даже в рамках одной школы контроллинга между ними могут быть серьезные противоречия [1].

О чрезвычайно слабом уровне методологической разработанности данной проблемы однозначно свидетельствует и то, что в различных исследованиях кардинальным образом отличается сама логика их отбора. Можно выделить два основных способа их отбора: целевой и покомпонентный.

Целевой отбор предполагает, что в рамках системы контроллинга в коммерческой организации существует некий целевой, количественно измеримый показатель, значение которого может интерпретироваться как индикатор эффективности (или неэффективности) ее функционирования. Так, в качестве целевого показателя могут использоваться выручка, чистая прибыль, свободный денежный поток, стоимость чистых активов, объем производства (в натуральном выражении), доля на рынке, занимаемая коммерческой организацией, и пр.

При использовании покомпонентного отбора единый целевой показатель обычно отсутствует, поэтому целесообразность включения отдельных показателей в сбалансированную систему определяется преимущественно экспертным путем, причем особое внимание уделяется их репрезентативности (тому, насколько точно и объективно они отражают отдельные аспекты деятельности коммерческой организации).

С точки зрения методологии исследования оптимальным является целевой отбор показателей, при этом в качестве универсального целевого показателя, применимого в отношении любых коммерческих организаций, предлагается использовать *стоимость коммерческой организации и темпы ее прироста*. Исходя из этого, можно рассматривать положительное значение стоимости коммерческой организации в качестве индикатора достижения первой цели, а обеспечение положительных темпов ее прироста – как индикатор достижения второй цели.

Необходимо отметить, что рыночные мультипликаторы обычно используются для оценки стоимости коммерческих организаций (как представленных на рынке ценных бумаг, так и не представленных на нем), однако наибольшее распространение они получили при оценке стоимости публичных компаний, акции которых обращаются на биржевом рынке. Однако

в рамках систем контроллинга в коммерческих организациях они не получили распространения, при этом в некоторых теоретических исследованиях, особенно зарубежных специалистов, встречается сама идея ориентации на стоимость коммерческой организации [2].

Подобная ситуация выглядит несколько нелогично, если учесть, что метод рыночных мультипликаторов является одним из ключевых методов, применяемых при оценке стоимости бизнеса, и достаточно активно используется в зарубежной и отечественной практике (в частности, при оценке бизнеса в рамках осуществления сделок по слияниям и поглощениям, при формировании инвестиционных портфелей на рынке ценных бумаг и пр.), причем в отдельных случаях он является наиболее корректным методом оценки (например, при оценке недавно созданных компаний).

Принимая во внимание, что далеко не все компании являются публичными, более корректно использовать не термин «рыночная капитализация», который предполагает обращение акций компании на рынке ценных бумаг, а термин «индикативная рыночная стоимость», применимый в отношении любых компаний (в дальнейшем будем обозначать его как P_I).

Учитывая ограниченную применимость натуральных мультипликаторов, автор считает, что в рамках общей компоненты сбалансированной системы показателей стратегического контроллинга в коммерческих организациях целесообразно ограничиться использованием только финансовых мультипликаторов.

Для этих целей возможно использовать следующие мультипликаторы:

1) Индикативная рыночная стоимость / Стоимость активов ($\frac{P_I}{BV}$);

2) Индикативная рыночная стоимость / Выручка ($\frac{P_I}{S}$);

3) Индикативная рыночная стоимость / Чистая прибыль ($\frac{P_I}{E}$).

Все указанные выше рыночные мультипликаторы могут быть рассчитаны для любых коммерческих организаций, отражая капиталоемкость их бизнеса (через стоимость активов), объемы реализации (через выручку) и эффективность деятельности в целом (через чистую прибыль).

Третьим важным вопросом, связанным с формированием общей компоненты сбалансированной системы показателей стратегического

контроллинга, является методика их расчета и использования в рамках данной системы.

Методика расчета рыночных мультипликаторов предельно проста: значение любого мультипликатора – это результат элементарного деления одной величины на другую, поэтому не будем детально ее рассматривать, сконцентрировавшись на их использовании в рамках сбалансированной системы показателей [3, с. 64–65].

Располагая информацией о значениях финансовых показателей оцениваемой коммерческой организации (знаменатель мультипликаторов) и средних значениях соответствующих мультипликаторов (для группы компаний-аналогов), можно осуществить расчет индикативной рыночной стоимости коммерческой организации по каждому мультипликатору в отдельности, а затем получить усредненную оценку данного показателя, применив формулу

$$\bar{P}_I = \frac{P_{I(BV)} + P_{I(S)} + P_{I(E)}}{n}, \quad (1)$$

где \bar{P}_I – средняя индикативная рыночная стоимость коммерческой организации; $P_{I(BV)}$, $P_{I(S)}$ и $P_{I(E)}$ – индикативная рыночная стоимость коммерческой организации, полученная с использованием ее стоимости активов, выручки и чистой прибыли соответственно; n – количество используемых мультипликаторов.

Помимо собственно индикативной рыночной стоимости коммерческой организации, необходимо использовать цепные, базисные и средние темпы ее прироста, определяемые по формулам:

$$T_{П(Ц)} = \left(\frac{\bar{P}_I}{\bar{P}_{I-1}} - 1 \right) * 100\%, \quad (2)$$

$$T_{П(Б)} = \left(\frac{\bar{P}_I}{\bar{P}_{I_0}} - 1 \right) * 100\%, \quad (3)$$

$$\bar{T}_П = \left(\sqrt[k]{\frac{\bar{P}_I}{\bar{P}_{I_0}}} - 1 \right) * 100\%, \quad (4)$$

где $T_{П(Ц)}$, $T_{П(Б)}$ и $\bar{T}_П$ – цепной, базисный и средний темп роста индикативной рыночной стоимости коммерческой организации; \bar{P}_I , \bar{P}_{I-1} и \bar{P}_{I_0} – средняя индикативная стоимость коммерческой организации в текущем, предыдущем и базисном (начальном) периоде соответственно; k – количество уровней временного ряда (при условии, что индикативная рыночная стоимость коммерческой организации система-

тически определяется через равные промежутки времени).

Последовательный расчет цепных, базисных и средних темпов прироста индикативной рыночной стоимости коммерческой организации позволяет получить представление об изменении данного показателя относительно предыдущего периода, базисного периода или в среднем за рассматриваемый период.

Второй частной задачей, возникающей при разработке сбалансированной системы показателей в коммерческих организациях, является формирование ее частной компоненты, позволяющей наиболее эффективно учитывать отраслевые (секторные) особенности отдельных взятых организаций.

Чрезвычайно важно отметить тот факт, что в отличие от общей компоненты, имеющей фиксированную структуру, частная компонента априори является модифицируемой. Формирование частной компоненты должно производиться по двум основным направлениям:

1) использование дополнительных мультипликаторов (как финансовых, так и натуральных) при расчете индикативной рыночной стоимости коммерческой организации, позволяющих максимально точно учесть специфику ее деятельности;

2) применение различных весовых коэффициентов при расчете средней индикативной рыночной стоимости коммерческой организации.

Выбор дополнительных мультипликаторов должен осуществляться в индивидуальном порядке применительно к каждой конкретной коммерческой организации, причем он должен проходить таким образом, чтобы в наибольшей степени учитывать особенности ее бизнеса.

Например, если коммерческая организация осуществляет производство однородной продукции (черная металлургия, производство электроэнергии, добыча природного газа и т. п.), то применительно к ней могут использоваться такие мультипликаторы, как Индикативная рыночная стоимость / Производство ($\frac{P_I}{O}$) и Индикативная рыночная стоимость / Установленная мощность ($\frac{P_I}{C}$), а если производство коммерческой организации является широко диверсифицированным, то использование натуральных мультипликаторов будет некорректным.

Важно обратить внимание на то, что включение дополнительных мультипликаторов в сбалансированную систему показателей следует

осуществлять обоснованно, т.е. приоритет должен отдаваться не простому увеличению количества используемых мультипликаторов, а включению в систему только тех из них, которые действительно отражают специфику деятельности коммерческой организации (так, для нефтяных компаний очень важным считается мультипликатор Индикативная рыночная стоимость / Доказанные запасы углеводородов ($\frac{P_I}{R}$)).

В рамках частной компоненты сбалансированной системы показателей в коммерческих организациях вполне обоснованным является дополнение ее общей компоненты 2–5 рыночными мультипликаторами, отражающими особенности их функционирования (следовательно, расчет индикативной рыночной стоимости коммерческой организации будет осуществляться на основе всех используемых мультипликаторов по аналогии с (1)).

В отдельных случаях (при наличии существенных особенностей бизнеса отдельно взятой коммерческой организации) при оценке индикативной рыночной стоимости возможно применение различных весовых коэффициентов к разным мультипликаторам. В любом случае общая сумма всех весовых коэффициентов будет равна 1 (при выражении весов в процентах – 100), однако те рыночные мультипликаторы, которые в отношении отдельно взятой организации признаны более существенными, будут иметь большие веса (и, соответственно, наоборот).

В частности, использование подобных экспертных корректировок может быть необходимо при оценке стоимости коммерческих организаций, функционирующих в течение непродолжительного периода времени и при этом активно осуществляющих инвестиции (например, коммерческая организация может инвестировать в расширение производственных мощностей). Как правило, подобные организации являются убыточными, что предполагает

более низкую значимость мультипликатора $\frac{P_I}{E}$, однако характеризуются положительной динамикой чистых активов и ростом выручки (более высокая значимость мультипликаторов $\frac{P_I}{BV}$ и $\frac{P_I}{S}$). Кроме того, некоторые виды бизнеса в принципе предполагают небольшой объем чистых активов (эта особенность характерна для многих коммерческих организаций, работающих в сфере услуг и при этом арендующих помещения) или выручки (характерно для ряда специализированных управляющих коммерческих организаций).

Заключение

Таким образом, подводя итог сказанному выше, в рамках стратегического контроллинга в коммерческих организациях автор считает важным не столько систематизацию и классификацию инструментов контроллинга по какому-либо признаку, сколько возможность их обоснованного выбора в зависимости от уровня и сущности решаемых задач контроллинга.

Сбалансированная система показателей подразумевает их целевой отбор и базирование на использовании метода рыночных мультипликаторов, позволяющих *дать наиболее точную* оценку стоимости коммерческих организаций

Список литературы

1. Зайцев Е. В. Контроллинг : как использовать возможности системы сбалансированных показателей (BSC) для построения эффективной системы контроля. URL: http://www.acgroup.ru/shared/zaytsev/controlling_with_balanced_scorecard/ (дата обращения: 18.06.2013).
2. Гершун А., Нефедьева Ю. Сбалансированная система показателей. URL: http://gaap.ru/articles/sbalansirovannaya_sistema_pokazateley/ (дата обращения: 17.06.2013).
3. Чиркова Е. В. Как оценить бизнес по аналогии : пособие по использованию сравнительных рыночных коэффициентов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. 224 с.

Role Market Multiples in Balanced Scorecard Strategic Controlling

L. B. Pchelintseva

Saratov Institute (branch) of the Russian State Trade and Economic University,
24, Mezhdunarodnaya, Saratov, 410065, Russia
E-mail: Pchelud@yandex.ru

Introduction. Controlling system in commercial organizations involves the use of their own, often quite complex tools. Hence the relevance of the question is obvious modifications and optimization of existing tools controlling. An important question that inevitably arise in determining the overall components of a balanced scorecard is the formation of a set of indicators used. Set of indicators to

be included in the balanced system involves the use of market multiples. **Theoretical analysis.** The technique of the target selection of indicators, thus as a universal target, applicable with respect to any commercial organizations are encouraged to use the cost of the business entity and its rate of growth. A positive value of the cost of a commercial organization as an indicator – the first objective, while providing a positive rate of its growth – as an indicator to achieve the second goal. Given the limited applicability of natural multipliers, the author believes that the components within the overall balanced scorecard strategic controlling in commercial organizations is advisable to restrict the use of only financial multiples. For these purposes, may use multipliers indicative market value. All market multiples can be calculated for any commercial organizations, reflecting the capital intensity of their businesses (through the value of the assets), sales volume (in revenue) and performance as a whole (through net income). **Conclusion.** Balanced Scorecard, target implies the selection of indicators and is based on the use of market multiples method yielding the more accurate estimate of the cost of commercial organizations.

Key words: tools of strategic controlling, market multiples, target selection of indicators in a balanced system.

References

1. Zaitsev E. V. *Kontrolling: kak ispol'zovat' vozmozhnosti sistemy sbalansirovannykh pokazatelei (BSC) dlia postroeniia effektivnoi sistemy kontrolya* (Kontrolling: how to use the balanced scorecard (BSC) to build an effective system of control). Available at: http://www.acgroup.ru/shared/zaitsev/controlling_with_balanced_scorecard/ (accessed 18 June 2013).
2. Gershun A., Nefedieva Yu. *Sbalansirovannaia sistema pokazatelei* (Balanced Scorecard). Available at: http://gaap.ru/articles/sbalansirovannaya_sistema_pokazateley/ (accessed 17 June 2013).
3. Chirkova E. V. *Kak otsenit 'biznes po analogii: Posobie po ispol'zovaniiu sravnitel'nykh rynochnykh koefitsientov. 2-e izd., Ispr. i dop.* [How to evaluate business analogy: A Manual on the use of comparative market multiples], 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Alpina Business Books, 2009. 224 p. (in Russian).

УДК 519.863, 519.812.4

О ПРИМЕНЕНИИ МИНИМАКСНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ РАСХОДОВ ПОТРЕБИТЕЛЯ

И. Ю. Выгодчикова

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры математической экономики,
Саратовский государственный университет
E-mail: VigodchikovalY@info.sgu.ru

Введение. Обычно анализ потребительского поведения тесно сопряжен с необходимостью оценки потребительских предпочтений и их формализацией в виде так называемой функции полезности. Однако этот путь имеет ряд сложностей, поскольку предпочтения потребителя весьма нестабильны. В то же время в потребительском бюджете есть статьи расходов, которые присутствуют обязательно, объём расходов на эти категории товаров может быть снижен, но не до нулевого уровня. Целью работы является изложение алгоритма для выработки рекомендаций индивиду по рационализации своих расходов на приобретение товаров и услуг. **Методы.** Предлагается новый метод рационализации долевого структуры затрат с использованием минимаксной модели. Приводится пошаговый алгоритм рекомендуемых действий по рационализации расходов. **Результаты.** Предлагается новый подход к рационализации расходов путём ранжирования оценок негативного характера из прежнего опыта потребления относительно каждой категории товаров и перераспределения расходов на основе минимаксной модели. Приводится пример рационализации затрат. **Заключение.** Выработана система многоэтапного анализа и рационализации потребительского поведения на основании математической модели.

Ключевые слова: потребительское поведение, оценка негативного характера, рационализация, долевого структура расходов.

Введение

Анализ и рационализация поведения потребителя проводится заинтересованными в управлении платёжеспособным спросом производителями продукции, муниципальными органами и собственно потребителями для рационализации расходования собственных средств.

Ни для кого не секрет, что экономия и только она позволяет улучшать своё благосостояние. Чтобы в будущем сохранить свои сбережения, нужно рационализировать текущее потребление [1–3].

Однако появление желания расстаться с честно заработанными деньгами для их вложения в успешный бизнес и дальнейшего преумножения сопряжено с созданием долевого структуры расходования средств, отвечающей

максимальной удовлетворённости и учитывающей возможность снижения расходов на категории товаров, относительно которых у потребителя имеются негативные суждения.

Обычно анализ потребительского поведения тесно сопряжён с необходимостью оценки потребительских предпочтений и их формализацией в виде так называемой функции полезности. Однако этот путь имеет ряд сложностей, поскольку предпочтения потребителя весьма нестабильны. Кроме того, считается, что негативный опыт потребления запоминается лучше положительного.

В потребительском бюджете есть статьи расходов, которые присутствуют обязательно, например одежда и продукты питания. Если проводить поэтапную детализацию расходов путём измельчения товарных групп, то в них также можно выделить обязательные компоненты, например взаимодополняющие товары.

Предлагается новый подход к рационализации расходов путём оценки потребителем негативного опыта потребления той или иной товарной категории и снижению расходов на эту категорию товаров посредством перераспределения затрат на более привлекательные товары.

Например, если потребитель регулярно покупает продукты питания, казалось бы, свежие, а на деле недоброкачественные, он откажется от них и перейдет на «хлеб-молоко» (условно!), но свои потребности реализует в другом качестве, например, пойдёт в модный бутик, купит новые кроссовки и т.п. Если заставить индивида «разложить по полочкам» свои негативные эмоции, скорее всего он сделает это, пусть интуитивно, но обоснованно. Желательно постепенно анализировать расходы, детализируя долевую структуру расходов при рассмотрении каждой подгруппы товаров.

$$\Psi(\theta) = \max_{i=1, n} \sigma_i \theta_i \rightarrow$$

$$\min_{\theta \in B = \{\theta = (\theta_1, \dots, \theta_n) \in R^n : \sum_{i=1}^n \theta_i = 1\}} \quad (1)$$

Будем считать, что все оценки негативного характера σ_i положительны. Более высокая неудовлетворенность прежнего опыта потребления соответствует более высокой оценке σ_i для данной товарной категории.

Интуитивно понятно, что, минимизируя максимальную оценку негативного характера в каждой группе, потребитель стремится сбалансировать качество товара с затратами на него. Математическое обоснование решения задачи (1) приведено, например, в [5].

Целью работы является изложение алгоритма для выработки рекомендаций индивиду по рационализации своих расходов на приобретение товаров и услуг.

Предлагается математическое истолкование простых и интуитивно понятных суждений, что заставляет как потребителя, так и заинтересованных в увеличении продаж производителей озаботиться проблемой повышения качества товара каждой категории.

Методы

Анализ и рационализацию расходов предлагается проводить на основе минимаксной модели, позволяющей выработать структуру расходов внутри группы товаров, входящих в обязательный перечень покупок, путём снижения расходов на категории товаров, относительно которых (ввиду прежнего опыта) потребитель может дать высокие оценки негативного характера, в пользу перераспределения их на более удачные товарные категории.

Этот подход *отличается* от получения функций спроса на потребительские товары на основе оценки предпочтений в виде функции полезности и максимизации последней при бюджетном ограничении [4].

Рассмотрим следующую минимаксную модель. Пусть θ_i – доли расходов из n видов товарного набора, из которых потребитель делает покупки. Заданы весовые *оценки негативного характера*, отражающие опыт потребителя, связанный, например, с проблемами качества товаров каждой группы σ_i .

Рассматривается модель потребительского выбора такой долевой структуры расходов, которая позволяет *минимизировать максимальную* среди рассматриваемых товарных категорий *оценку* негативного характера, взвешенную за счёт выбора этих долей:

$$\theta_i = 1/(v\sigma_i), \quad i = \overline{1, n}. \quad (2)$$

$$\text{Здесь } v = \sum_{i=1}^n \sigma_i^{-1}.$$

При детализации расходов на верхних уровнях иерархии принятия решений потребителю нужно оценить предполагаемые расходы на каждую достаточно крупную товарную категорию (например, одежда, продукты питания, бытовая

техника и проч.). Объёмы затрат на приобретение товаров каждой категории

$$I_i = I\theta_i, \quad i = \overline{1, n}. \quad (3)$$

При принятии решения о спросе внутри каждой товарной группы на последнем уровне дерева принятия решений на каждую категорию товаров этой группы нужна информация о рыночных ценах этих товаров. Если цены товаров $p = (p_1, \dots, p_n)$, а доход, выделенный на покупку этих товаров, I (оставили прежнее обозначение), то количества закупаемых товаров каждого вида соответственно $x = (x_1, \dots, x_n)$, причём

$$x_i = \frac{I\theta_i}{p_i}, \quad i = \overline{1, n}. \quad (4)$$

Поэтому объёмы спроса на потребительские товары

$$x_i = \frac{I}{p_i \sigma_i \nu}, \quad i = \overline{1, n}. \quad (5)$$

Заметим, что все товары, для которых объём спроса потребителя выражается формулой (5), являются ценными и нормальными [4].

Алгоритм рационализации долевой структуры расходов

Пусть потребитель расходует сумму I на приобретение товаров нескольких групп с фик-

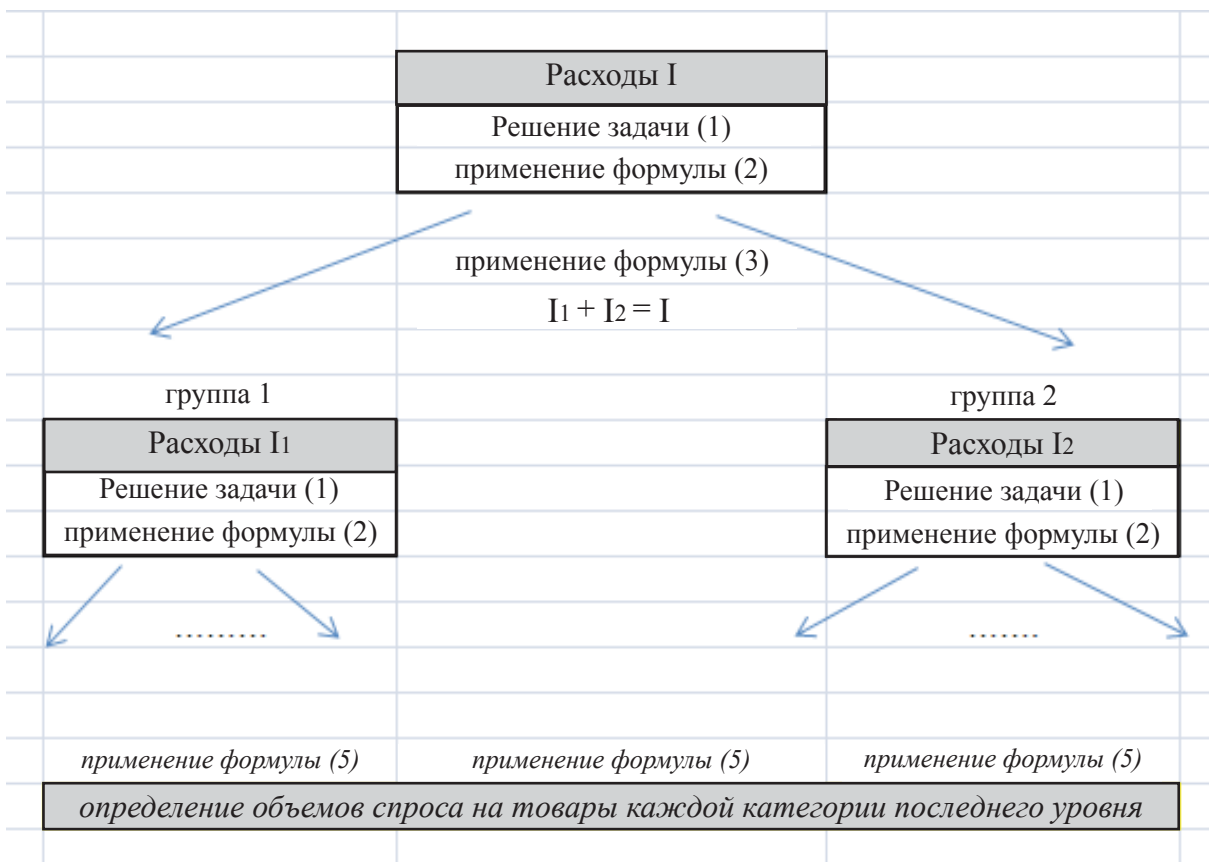
сированным перечнем обязательно покупаемых товаров (техника, продукты, одежда и проч.). Требуется оценить рациональную структуру расходов на каждую группу и на каждый товар внутри рассматриваемой группы. Будем применять следующую схему рационализации расходов.

Шаг 1. Общая сумма расходов разбивается на части с использованием модели из [5–6]. В качестве оценок негативного характера можно рассматривать ранг индивидуальных предпочтений негативного характера, связанный с прежним опытом потребления.

Шаг 2. Выявляется долевая структура расходов для каждой группы.

Общий шаг. Детализация расходов продолжается путём разбиения расходов внутри каждой группы на более мелкие составляющие вплоть до того момента, когда можно будет выявить объёмы спроса на каждый товар. В последнем случае применяются также рыночные цены указанных товаров.

Предложенную схему изобразим в виде дерева решений, применяя формулы (3), (5) (рисунок).

Иерархическая схема принятия решений о структуре потребительских расходов

Результаты

Приведём пример применения методики.

Рассмотрим рационализацию распределения затрат на одежду и продукты питания фиксированного перечня. Пусть в год индивид

$$\max(18 \theta_1 ; 13 \theta_2) \rightarrow \min_{\theta \in \{\theta = (\theta_1, \theta_2) \in R^2 : \theta_1 + \theta_2 = 1\}},$$

вычисляем $\theta_1 = 62\,903/150\,000$ (42%), $\theta_2 = 82\,097/150\,000$ (58%).

Расходы на продукты питания и одежду составят соответственно: $I_1 = 62\,903$, $I_2 = 82\,097$.

Дальнейшая детализация внутри каждой группы идёт по аналогичной схеме. Для продуктов питания негативными факторами может быть срок хранения (предпочтительнее продукты с меньшим сроком), для одежды – время, прошедшее с момента выпуска (диктат моды), или сезонный фактор.

Пусть из продуктов потребитель покупает мясо-молочную и овощную продукцию, а из одежды и обуви – одежду и обувь для спорта и активного отдыха и деловую одежду и обувь.

Негативные оценки в группе продуктов питания соответственно 3 и 7, а во второй категории 6 и 4. На мясо-молочную продукцию потребитель тратит 44 032 руб., на овощную 18 871 руб., на одежду и обувь спортивного стиля 34 839 руб., а на деловую одежду и обувь 52 258 руб.

На последнем этапе принимаются во внимание цены товаров и используется формула (5).

Например, если покупать на 52 258 руб. туфли (цена 4300 руб., два негативных опыта покупки) и деловые костюмы (цена 11 500 руб., один негативный опыт покупки), то в год нужно купить 4 пары туфель и 3 деловых костюма.

Заключение

В работе рассмотрен новый подход к рационализации расходов потребителя. Он может применяться на определённых этапах анализа потребительского поведения при возникновении у потребителя оценок негативного характера по поводу затраченных денег на определённые, регулярно покупаемые и необходимые ему товары.

Для получения решения предлагается применять многошаговый подход на основании агрегирования однородных групп товаров в

тратит около 150 000 руб. на указанные продукты питания и одежду. Оценка потребителем негативного опыта затрат на товары этих категорий приводит к выявлению 18 и 13 проблем соответственно. Следуя модели (1), решаем задачу:

рамках потребительских предпочтений и дальнейшей детализации аналитического выбора внутри каждой группы в целях выявления долевой структуры товарного набора в ценовых или количественных единицах. Предложенная методика основывается на минимаксной математической модели, используемой, в частности, в [6] к моделированию долевой структуры премиального фонда предприятий.

Рекомендации могут применяться для рационализации расходов на приобретение материальных и нематериальных товаров (в частности информации, услуг, ценных бумаг).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-01-00175).

Список литературы

1. Дерунова Е. А., Фирсова А. А. Исследование потребительского поведения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 3(1). С. 342–347.
2. Schmitt B. The consumer psychology of brands // Journal of Consumer Psychology. 2012. Vol. 22, № 1. P. 7–17.
3. Фирсова А. А. Направления развития инвестирования инновационной деятельности в проектах государственно-частного партнерства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 67–72.
4. Выгодчикова И. Ю. Задачи рационального поведения экономических агентов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 44 с.
5. Выгодчикова И. Ю. О математическом моделировании структуры технической системы с равномерно распределенными рисками // Вестн. СГТУ. 2012. Вып. 4 (68). С. 17–22.
6. Выгодчикова И. Ю., Верещагина Л. С. О моделировании долевой структуры премиального фонда предприятий // Микроэкономика. 2013. № 6. С. 50–54.

On the Application of the Minimax Model for Rationalization Expenses of the Consumer

I. Yu. Vigodchikova

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia

E-mail: VigodchikovalY@info.sgu.ru

Introduction. Usually, the analysis of consumer behavior is closely connected with the necessity of evaluation of consumer preferences and their formalization in the form of so-called utility function. However, this approach has a number of difficulties, because consumer preferences are rather unstable. At the same time, the consumer's budget there are expenses that are necessary, expenditure on these categories of goods may be reduced, but not to zero. The new approach to rationalize expenditure by ranking estimates of negative nature of past experience of consumption for each category of goods and expenditure redistribution based on the minimax model. Goals and tasks. The aim of this work is to outline the algorithm for recommendation to the individual in streamlining their expenses on the acquisition of goods and services. **Methods.** A new method of rationalization of equity expenditure structure using minimax model is suggested. The algorithm of the individual consumption's structure rationalization is suggested. Provides step-by-step algorithm of actions for streamlining costs. **Results.** Is an example of rationalizing costs. **Conclusion.** The worked out system of multistage analysis and rationalization of consumer behavior on the basis of mathematical model.

Key words: consumer behavior, negative nature's estimation, rationalization, consumption's share structure.

Work is executed at financial support of RFBR grant (project № 13-01-00175).

References

1. Derunova E. A., Firsova A. A. Issledovanie potrebitel'skogo povedeniya [Study of Consumer Behavior in the Selection]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 3(1), pp. 342–347 (in Russian).
2. Schmitt Bd. The consumer psychology of brands. *Journal of Consumer Psychology*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 7–17.
3. Firsova A. A. Napravleniya razvitiya investirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti v proyektakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [The direction of investment development of innovation activities in the public private partnership projects]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 67–72 (in Russian).
4. Vygodchikova I. Yu. Zadachi racional'nogo povedeniya jekonomicheskikh agentov [The tasks of rational behaviour of economic agents]. Saratov, Saratov University Press, 2009. 44 p. (in Russian).
5. Vygodchikova I. Yu. O matematicheskom modelirovaniy struktury tekhnicheskoy sistemy s ravnomerno raspredelennymi riskami [About the mathematical modeling of the technical system's structure with the evenly distributed rises]. *Vestnic SGTU [Jornal of SSTU]*, 2012, iss. 4 (68), pp. 17–22 (in Russian).
6. Vygodchikova I. Yu., Vereschagina L. S. O modelirovaniy dolevoy strukturyi premialnogo fonda predpriyatiy [On the modeling of the share structure of enterprise's bonus Fund]. *Microeconomika [Microeconomics]*, 2013, no. 6, pp. 50–54 (in Russian).

ПРАВО

УДК 347.93

СРОКИ ОБРАЩЕНИЯ В СУД: ПРЕПЯТСТВИЯ К ЗАЩИТЕ ПРАВ РАБОТНИКА ИЛИ СПОСОБ БОРЬБЫ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ПРАВОМ

О. Н. Куренкова

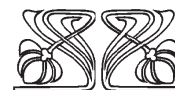
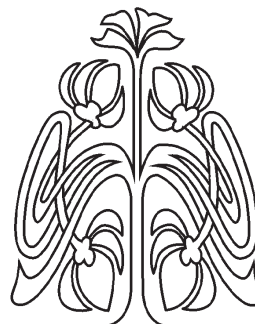
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский государственный университет
E-mail: olga-git64@mail.ru

Введение. Статья посвящена актуальной и важной для современной России проблеме сокращенных сроков обращения за защитой трудовых прав работников. **Цель.** Основная цель работы состоит в анализе практических ситуаций, когда сокращенные сроки препятствовали работникам в защите их прав и ситуаций, когда работники злоупотребляли своим правом обратиться в суд и делали это в последний день установленного срока. Также целью работы является анализ проблем защиты прав работников надзорными органами с учетом судебной практики расширительного толкования сроков обращения в суд. **Результаты.** Автором последовательно рассмотрены различные практические ситуации применения сокращенных сроков обращения в суд для работников с использованием формально-логического метода в результате изучения практики работы Госинспекции и судов Саратовской области; исследованы данные ситуации и сделаны определенные выводы по защите прав работников. Кроме этого, сделан вывод о необходимости совершенствования трудового законодательства. **Выводы.** Автор делает выводы о состоянии надзорной политики и о позитивной роли как судебной, так и досудебной защиты прав работников. В работе также подчеркивается достаточность и эффективность полномочий, закрепленных в рамках института надзора за соблюдением законодательства о труде. При этом в реализации надзорных полномочий Госинспекций особая роль отводится защите нарушенных трудовых прав конкретных работников по их обращениям, что подчеркивает ее значение как самостоятельного многоаспектного вида надзорной деятельности Федеральной службы по труду и занятости. **Ключевые слова:** законодательство о труде, Трудовой кодекс, сроки обращения в суд, Госинспекция.

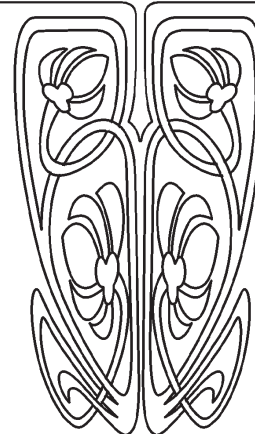
Введение

Российская Федерация как социальное государство стремится обеспечивать достойную жизнь своим гражданам, в том числе посредством защиты и восстановления нарушенных или оспоренных прав. Работник в соответствии с ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса Российской Федерации имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки [1].

Такими короткими сроками государство побуждает работников к защите трудовых прав, стремлению быстро восстановить нарушенные права. Ведь трудовые отношения очень динамичны, поэтому

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

применение сроков, установленных для гражданских правоотношений, невозможно, так как некоторые кадровые документы хранятся всего 1 год, либо к моменту рассмотрения дела в суде уволятся те, кто мог бы подтвердить юридически значимые обстоятельства.

Цель

Основная цель работы состоит в анализе практических и правовых факторов, детерминирующих развитие участия судебных и надзорных органов в проведении защиты трудовых прав работников и исследовании сокращенных сроков обращения за защитой права на труд как самостоятельной правовой категории.

Результаты

У работника есть право обратиться с письменным заявлением о нарушении его прав, в том числе незаконном увольнении или невыплате заработной платы, в Гострудинспекцию или в прокуратуру. Однако действующим законодательством не предусмотрены сроки для обращения работника в контролирующие и надзорные органы. А в соответствии с положениями Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ государственные органы рассматривают обращения граждан не позднее 30 дней со дня их регистрации, в крайнем случае – в течение 60 дней [2].

Таким образом, если работник обратится с заявлением о незаконном увольнении в прокуратуру в течение недели после увольнения, то, скорее всего, до истечения месячного срока, если решит дождаться окончательного разрешения своих требований, он не успеет подать заявление в суд, даже в том случае, если обращение будет рассмотрено по существу, а не перенаправлено в Гострудинспекцию.

Так, работник С. обратился в Гострудинспекцию в Саратовской области с заявлением о незаконном увольнении из ООО «У» через 10 дней после увольнения. В течение трех дней, установленных ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 07 мая 2013 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2], обращение было зарегистрировано и передано должностному лицу для рассмотрения по существу. В течение 30 дней была проведена проверка соблюдения работодателем законодательства о труде, выявлены грубые нарушения порядка увольнения, работодателю выдано обязательное для исполнения предписание, виновное лицо привлечено к административной ответственности, заявителю направлен письменный ответ.

Однако государственный инспектор труда, выдав предписание на 21-й день рассмотрения обращения Гострудинспекцией, не уложился в месячный срок, установленный ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса РФ для обращения в суд. В результате предписание государственного инспектора труда было отменено судом по жалобе работодателя, поскольку выдача обязательного для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства в отношении конкретного работника связана с вмешательством государства в фактически возникший между этим работником и работодателем трудовой спор (не урегулированные разногласия по вопросам применения трудового права).

Такое вмешательство со стороны государства оправданно необходимостью осуществления надзора за соблюдением трудового законодательства и защитой прав работника как наименее защищенной стороны трудовых отношений. Вместе с тем вмешательство должно быть соразмерным и выдача предписания не должна нарушать справедливого баланса законных интересов работника и работодателя.

Выдача предписания, возлагающего на работодателя обязанность устранить нарушение трудового законодательства в отношении конкретного работника, за пределами сроков, предусмотренных ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса РФ, в течение которых работник имел право требовать судебной защиты нарушенных прав, неизбежно приводит к нарушению справедливого баланса интересов сторон трудового спора.

Если работник подаст иск в суд после обращения в надзорные органы, то, возможно, в удовлетворении заявленных требований откажут и пропущенный срок восстановлен не будет, поскольку в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 предварительное рассмотрение обращений граждан во внесудебных органах не относится к числу уважительных причин пропуска срока [3].

В то же время, если работник, не обращаясь ни в Гострудинспекцию, ни в прокуратуру, по истечении установленных ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса РФ сроков подаст исковое заявление в суд, то при наличии уважительных причин пропуска срока, несмотря на ходатайство ответчика о применении последствий пропуска срока обращения в суд, исковые требования могут быть удовлетворены.

Следовательно, если работник сам подаст исковое заявление, то вопрос пропуска срока обращения в суд и его причин даже не будет

рассмотрен, если об этом не заявит ответчик. А если предписание, выданное по истечении установленных ч. 1 ст. 39 ТК РФ сроков, обжалуется работодателем в суд, то оно будет отменено, и, следовательно, нарушенные права работника не будут восстановлены даже при привлечении работодателя к административной ответственности.

Таким образом, применение судами сроков, установленных ч. 1 ст. 392 ТК РФ (которая называется «Сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора»), к правоотношениям, не связанным с разрешением индивидуальных трудовых споров в судах по искам работников, и отсутствие сроков для обращения в государственные органы за восстановлением нарушенных трудовых прав, к сожалению, препятствуют восстановлению прав работников.

Другая сторона проблемы сокращенных сроков обращения в суд для работников заключается в том, что некоторые работники, зная о сроках обращения в суд, за защитой своих нарушенных прав обращаются в последние дни установленного срока с целью получения с работодателя компенсации морального вреда и материального ущерба в большем размере.

Так, П., будучи уволенным из ООО «С», через две недели после получения трудовой книжки обратился в медицинские учреждения за медпомощью. И через несколько дней после выздоровления отправил исковое заявление в суд почтой. Таким образом, по возможности продлив себе месячный срок для обращения в суд, гражданин П. увеличил и время вынужденных прогулов, т.е. получит больший размер компенсации причиненного незаконным увольнением материального ущерба, чем если бы он добросовестно обратился сразу в суд после получения трудовой книжки.

Таким образом, некоторые «профессионалы» злоупотребляют своим правом на защиту, в результате чего нарушается справедливый баланс прав сторон трудовых правоотношений.

Несмотря на многочисленные обращения граждан в Конституционный суд РФ с заявлениями о признании не соответствующей Конституции РФ ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса РФ, позиция законодателя, как и судей Конституционного суда России, остается неизменной, и действующие сроки признаны направленными на соблюдение баланса интересов работника и работодателя. Однако в законодательстве не установлены сроки для обращения в надзорные органы, поэтому, пожалуй, следует либо закрепить сроки работникам для обращения в

надзорные органы с заявлениями о нарушении их трудовых прав, либо увеличить срок для обращения в суд. Увеличение срока необходимо на несколько месяцев, с учетом времени, установленного для рассмотрения заявлений работников (максимум 60 дней).

Весной 2013 г. в Государственную думу Федерального собрания РФ внесен законопроект об увеличении сроков обращения в суд за разрешением трудовых споров, согласно которому срок для обращения работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора увеличивается с трех до шести месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – с одного до трех месяцев со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. Авторы законопроекта в пояснительной записке отмечают, что «процесс переписки с органом власти может занять не менее трех-четырёх месяцев, что уже превышает установленный в настоящее время ТК РФ общий срок для обращения в суд по трудовым спорам. Таким образом, если государственный инспектор труда либо прокурор не восстановят нарушенное право административно-правовым способом, то работник будет поставлен перед фактом пропуска установленного срока для обращения в суд» [4].

Выводы

Право на труд в современной России нуждается в защите как органами надзора, так и судебными органами. В действующем законодательстве закреплён достаточно широкий круг полномочий должностных лиц федеральных органов государственного надзора за соблюдением трудового законодательства. Однако, к сожалению, в силу различных обстоятельств государственные инспекторы труда не всегда эффективно используют предоставленные полномочия, закреплённые в рамках института надзора за соблюдением законодательства о труде. При этом в реализации надзорных полномочий Гострудинспекций особая роль отводится защите нарушенных трудовых прав конкретных работников по их обращениям, что подчеркивает её значение как самостоятельного многоаспектного вида надзорной деятельности Федеральной службы по труду и занятости.

В целях уменьшения препятствий работникам к восстановлению прав работников через суд возможно увеличить сроки обращения в суд по трудовым спорам и установить конкретные сроки обращения в надзорные органы с заявлениями о нарушении своих трудовых прав.

Список литературы

1. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Гл. 61. Рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 07 мая 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.
4. Законопроект о внесении изменений в ст. 392 Трудового кодекса РФ. URL: <http://www.garant.ru/news/navigator/2013/05/> (дата обращения: 15.05.2013).

Terms Appeal to the Court: Obstacles to the Protection of Employee or a Way to Fight the Abuse of Rights

O. N. Kurenkova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: olga-git64@mail.ru

Introduction. The article devoted to the urgent and important issue for modern Russia abbreviated terms apply for the protection of workers' rights. **Objective.** The main objective of this paper is to analyze the practical situations where a shorter period, prevented workers to protect their rights and situations where employees have abused their right to go to court and did it on the last day of the deadline. Also the aim is to analyze the problems of protection of workers' rights oversight bodies subject to broad interpretation jurisprudence maturities in court. **Results.** The author consistently discussed various practical situations use abbreviated terms recourse for workers with formal-logical method by studying the practice of the State Labour Inspectorate and the courts of the Saratov region investigated the data situation and draw some conclusions on the protection of workers' rights. Besides concluded the need to improve labor legislation. **Conclusions.** Author draws conclusions about the state policy and oversight of the positive role of the judiciary as well as pre-trial protection of workers' rights. The paper also emphasizes the adequacy and effectiveness of powers set out under the supervision of the Institute of compliance with labor legislation. In the implementation of supervisory powers, the State Labour Inspectorate specific role for the protection of labor rights violations of individual employees on their applications that emphasizes its importance as a form of self multidimensional oversight of the Federal Service for Labour and Employment.

Key words: labour legislation, Labour code, timing of going to court, State Labour Inspectorate.

References

1. Trudovoy kodeks RF (TK RF) ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ. Glava 61. Rassmotrenie i razreshenie individualnykh trudovykh sporov [The Labour code of the Russian Federation. Chapter 61. Consideration and resolution of individual labor disputes]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (part 1), article 3 (in Russian).
2. O poryadke rassmotreniya obrascheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii: federalnyiy zakon ot 02 maya 2006 № 59-FZ (red. ot 07 maya 2013) [On the order of consideration of references of citizens of the Russian Federation: Federal law dated 02 May 2006, № 59-FZ].
3. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2006, no. 19, article 2060 (in Russian).
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 marta 2004 g. № 2 «O primenenii sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 March 2004, № 2]. *Bulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2007, no. 3 (in Russian).
4. *Zakonoproekt o vnesenii izmeneniy v st. 392 Trudovogo kodeksa RF* (The draft law on introducing changes in article 392 of the Labour code of the Russian Federation). Available at: <http://www.garant.ru/news/navigator/2013/05/> (accessed 15 May 2013).

УДК 342.51

ПРИНЦИПЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАВЕНСТВА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

П. В. Нудненко

юрисконсульт отдела специальных проектов,
ГБУК г. Москвы «Молодежный центр СВАО»
E-mail: nudnenko@rambler.ru

Введение. Статья посвящена актуальной теме определения содержания малоразработанных в науке административного права принципов справедливости и равенства в сфере административной ответственности. **Цель** — раскрыть содержание принципов справедливости и равенства посредством анализа Конституции Российской Федерации, КоАП РФ и постановлений Конституционного суда РФ. **Результаты.** В статье впервые в науке административного права выделены правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации относительно содержания принципов справедливости и равенства в сфере административной ответственности. **Заключение.** В статье делается вывод о взаимозависимости обоих принципов, а также их воплощении в таких критериях, как необходимость, соразмерность, пропорциональность. Критерий необходимости предполагает: выяснение всех обстоятельств дела и соответствие этих обстоятельств дела предписаниям КоАП РФ; выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, для определения наличия признаков административного правонарушения. Соразмерность и пропорциональность означают: соответствие наказания обстоятельствам, причинам и условиям совершенного правонарушения; назначение наказания в пределах, установленных КоАП РФ или законом субъекта РФ об административной ответственности, предусматривающим ответственность за данное деяние.

Ключевые слова: справедливость, равенство, административная ответственность, Конституционный суд РФ, необходимость, соразмерность, пропорциональность.

Введение

Общеправовые принципы закреплены в Конституции Российской Федерации, являющейся юридической базой всего текущего законодательства, содержащей основные идеи, принципы, развиваемые нормами в том числе и административного права.

Перечень конституционных принципов определен Конституционным судом РФ в постановлении от 27 января 1993 г. К их числу относятся принципы справедливости, юридического равенства, гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц. Полагаем возможным дополнить вышеприведенный перечень конституционных принципов принципами: законности, презумпции невиновности, гласности, неотвратимости административной ответ-

ственности; достижения объективной истины; недопустимости двойного наказания за одно и то же правонарушение.

Эти принципы вытекают из содержания Конституции РФ, в силу чего они обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав и свобод человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее влияние на все сферы жизни общества.

Цель

Цель данной статьи — раскрыть содержание принципов справедливости и равенства посредством анализа Конституции Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и постановлений Конституционного суда Российской Федерации, показать их универсальный характер, взаимозависимость и взаимодополняемость, выделить признаки, определяющие их содержание.

Результаты

Перечень принципов административной ответственности, предлагаемых в науке административного права, различен [1, с. 196–199]. Однако все авторы единодушны в выделении принципов справедливости и равенства в сфере административной ответственности. Это не случайно, так как оба принципа получили как прямое, так и косвенное закрепление в нормах Конституции Российской Федерации, а также детальную регламентацию в КоАП РФ.

Принцип справедливости в сфере административной ответственности.

Справедливость административной ответственности «состоит в том, что нарушение правопорядка должно быть устранено, нарушенное право восстановлено, а причиненный вред возмещен в полном объеме. Лицо, причинившее вред, может быть освобождено от его возмещения полностью или частично при наличии ряда оправдывающих или смягчающих вину обстоятельств. Такой подход будет справедливым, неформальным» [2, с. 188].

Принцип справедливости получил воплощение в ряде конституционных установлений, развитых нормами КоАП РФ.

Так, ст. 54 Конституции РФ закрепляет, что «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон» [3].

Данное конституционное предписание развито ст. 1.7 КоАП РФ, согласно которой: «1. Лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения. 2. Закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет» [4].

Проблема реализации принципа справедливости в сфере административной ответственности затрагивалась в ряде постановлений Конституционного суда РФ. В частности, в Постановлении от 26 ноября 2012 г. № 28-П Конституционный суд РФ дисквалифицировал рыночную стоимость в качестве базового критерия, принимаемого в расчет при определении штрафа за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров. Аргументы Конституционного суда в обосновании своего решения сводились к следующим обстоятельствам. Во-первых, цены (рыночная стоимость) на одни и те же товары, продаваемые в разных странах и ввозимые на территорию Российской Федерации, при обычном течении розничной и оптовой торговли в условиях поддержки свободной и добросовестной конкуренции могут многократно как увеличиваться, так и уменьшаться. Во-вторых, при перемещении товара через таможенную границу приобретатели ориентируются на его фактическую стоимость в стране приобретения, которая может не совпадать с рыночной (или иной) стоимостью этого товара в Российской Федерации. В-третьих, при исчислении рыноч-

ной стоимости товара – тем более что в разных регионах России она неодинакова – могут применяться различные методики, допускающие существенные отклонения в определении ее параметров [5].

Наличие упомянутых обстоятельств – в силу правовых позиций, сформулированных Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 13 июля 2010 г. № 15-П [6], – лишает нарушителей таможенных правил возможности с достаточной четкостью предвидеть правовые последствия совершаемых действий, что при привлечении их к ответственности приводит к нарушению *принципов справедливости и равенства*. Соответственно, как прямо подчеркнул Конституционный суд России, использование рыночной стоимости для расчета размера штрафа за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, как предполагающее дискрецию правоприменителя при выборе метода ее оценки, не согласуется с надлежащей формальной определенностью закона, вследствие чего такая стоимость не может применяться для исчисления штрафных административных санкций.

Принцип справедливости применительно к административной ответственности, на наш взгляд, получает воплощение в таких критериях, как необходимость, соразмерность и пропорциональность, неоднократно упоминаемых в ряде постановлений Конституционного суда РФ.

Необходимость предполагает: выяснение всех обстоятельств дела и соответствие их предписаниям КоАП РФ; выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, для определения наличия признаков административного правонарушения. Соразмерность и пропорциональность (можно рассматривать как синонимы) означают: соответствие наказания обстоятельствам, причинам и условиям совершенного правонарушения; назначение наказания в пределах, установленных КоАП РФ или законом субъекта РФ об административной ответственности, предусматривающих ответственность за данное деяние.

Примером может служить Постановление Конституционного суда от 18 мая 2012 г. № 12-П [7]. С. А. Катков постановлением мирового судьи судебного участка № 72 Советского района г. Тулы от 29 ноября 2010 г., оставленным без изменения решением Советского районного суда города Тулы от 30 мая 2011 г., и постановлением председателя Тульского областного суда от 22 июля 2011 г. был привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере 1000 рублей за нарушение установленного

порядка проведения публичных мероприятий. Административное правонарушение суды усмотрели в том, что С. А. Катков не выполнил возложенной на него, как на организатора публичного мероприятия – шествия, обязанности и не обеспечил соблюдения условий его проведения, допустив к участию в шествии 300 человек, тогда как согласно уведомлению, поданному им в администрацию г. Тулы, предполагаемое количество участников этого публичного мероприятия должно было составить 150 человек.

По мнению С.А. Каткова, примененные судами в его деле положения КоАП РФ и Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» – именно потому, что они позволяют привлекать организатора публичного мероприятия к административной ответственности в случае, если фактическое количество участников данного публичного мероприятия превысило заявленное в уведомлении о его проведении, – нарушают его права и свободы, гарантированные Конституцией РФ, и не соответствуют ее ст. 2, 4 (ч. 2), 6 (ч. 2), 15 (ч. 1 и 4), 17 (ч. 1), 18, 21 (ч. 1), 31, 45 (ч. 1), 54 (ч. 2), 55, 71 (п. «а», «в»), 72 (п. «б», «к» ч. 1) и 76 (ч. 1 и 2).

Конституционный суд РФ в постановлении отметил, что участие в публичном мероприятии большего, чем было заявлено его организатором в уведомлении, количества участников само по себе еще не является достаточным основанием для привлечения его к административной ответственности, равно как и само по себе превышение нормы предельной заполняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия. Административная ответственность за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий может наступать только в том случае, когда превышение заявленного в уведомлении количества участников публичного мероприятия и создание тем самым реальной угрозы общественной безопасности и правопорядку было обусловлено:

– деянием организатора этого публичного мероприятия;

– когда организатор публичного мероприятия, допустив превышение количества его участников, не принял мер, направленных на ограничение доступа граждан к участию в публичном мероприятии, обеспечение общественного порядка и безопасности при условии, что это повлекло возникновение реальной угрозы их нарушения, нарушения безопасности как участников публичного мероприятия, так и лиц, в нем не участвовавших, а также причинения ущерба имуществу физических и юридических лиц.

Иное означало бы возможность необоснованного привлечения к административной ответственности организатора публичного мероприятия за действия иных лиц – участников публичного мероприятия, правомерно реализующих свое конституционное право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования. Это противоречило бы ст. 31 Конституции Российской Федерации, целям, задачам и принципам Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», понятию административного правонарушения, целям и задачам КоАП РФ, закрепленному им принципу личной ответственности физических лиц за совершаемые административные правонарушения.

Принцип юридического равенства вытекает из содержания ст. 19 Конституции РФ, согласно которой все равны перед законом и судом.

Данное конституционное предписание применительно к административной ответственности конкретизировано ст. 1.4 КоАП РФ: «1. Лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом. Физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств. 2. Особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечении к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц), устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами» [4].

Принцип юридического равенства субъектов административной ответственности получил отражение во многих постановлениях Конституционного суда РФ.

Так, в Постановлении Конституционного суда РФ от 05.02.1993 г. № 2-П отмечено, что обыкновение правоприменительной практики выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений в административном порядке только с санкции прокурора не соответствует ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей равенство всех перед законом и судом.

Этот вывод следует из того, что лица, самоуправно занявшие жилые помещения, выселяются в административном порядке без судебного разбирательства лишь из домов государственного и муниципального жилищного фонда. Тогда как согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. «О практике применения судами жилищного законодательства» лица, самоуправно занявшие жилые помещения в домах жилищно-строительных кооперативов либо в принадлежащих гражданам на праве собственности, а также самовольно вселившиеся в нежилые дома и помещения, подлежат выселению в судебном порядке.

Это противоречит и положению ч. 2 ст. 10 Конституции Российской Федерации, согласно которому государство обеспечивает равную защиту всех форм собственности, в том числе частной, государственной, муниципальной и собственности общественных объединений [8].

В Постановлении от 28 мая 1999 г. № 9-П Конституционный суд РФ отметил, что нормы, предусматривающие особенности административного судопроизводства, не могут противоречить общим принципам права, умалять конституционные гарантии достоинства личности, *нарушать равенство всех перед законом и судом* и в силу этого не должны ограничивать право каждого на судебную защиту, в том числе на защиту от судебной ошибки при применении санкций, связанных с ограничением прав граждан. Конституционный суд РФ признал неконституционным, т.е. не соответствующим ст. 19 (ч. 1) Конституции РФ положение ч. 2 ст. 266 КоАП РФ, как исключаящее для заинтересованных лиц возможность обратиться в какой-либо процедуре в суд с жалобой, влекущей обязательную проверку законности и обоснованности состоявшегося судебного постановления по делу об административном правонарушении [9].

Проблема соблюдения принципа равенства при назначении административных наказаний упоминалась и в Постановлении Конституционного суда РФ от 11 марта 1998 г. № 8-П, где отмечалось, что установление конфискации товаров и транспортных средств в качестве санкции за предусмотренное в ст. 266 Таможенного кодекса Российской Федерации таможенное правонарушение не может быть признано соответствующим принципу равенства. Диспозиция данной нормы не исключает произвольного применения конфискации при отсутствии противоправного поведения, либо вместо санкций, предусмотренных за такие же нарушения режима таможенного оформления другими нормами Таможенного кодекса Российской Федерации, либо

в отношении деяний, ответственность за которые устанавливается не законом, а подзаконными актами. Возможность лишения собственников перемещаемого через границу имущества при этих условиях представляет собой ограничение конституционного права частной собственности, которое является несправедливым, несоизмеримым и к тому же недопустимым с точки зрения требований к законной форме такого рода ограничений, что противоречит ст. 19 (ч. 1 и 2), 35 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации [10].

Заключение

Принцип справедливости предполагает, что согласно КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 1.5). Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном данным Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело (ч. 2 ст. 1.5).

По смыслу ч. 1 ст. 1.5 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с п. 2 ч. 1 его ст. 24.5 отсутствие вины в совершении административного правонарушения является одним из обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении. Иной подход к оценке действий (бездействия) противоречил бы принципу презумпции невиновности, приводил бы к объективному вменению и тем самым – к вынесению несправедливых судебных решений, нарушению объективной истины.

«Равенство граждан перед законом при рассмотрении дела об административном правонарушении означает, что в отношении всех граждан применяются одни и те же материальные нормы и процессуальные правила. Одинаково для всех действуют нормы о понятии административного правонарушения, об обстоятельствах, исключающих возможность привлечения к ответственности, принципы назначения наказания, порядок рассмотрения дела, исследования и оценки доказательств, вынесения постановления, порядок его обжалования, рассмотрения жалобы, исполнения постановления и др.» [11, с. 13].

Список литературы

1. Административное право : учебник / под ред. проф. Н. Ю. Хаманевой. М., 2011. 356 с.
2. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. 320 с.

3. Конституция Российской Федерации. М., 2013. 32 с.
4. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001. №195-ФЗ (ред. от 28.12. 2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
5. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Авеста» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2012 г. №28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 6), ст. 7124.
6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова : постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 29, ст. 3983.
7. По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С. А. Каткова : постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2012 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 22, ст. 2921.
8. По делу о проверке конституционности правоприменительной практики, связанной с судебным порядком рассмотрения споров о предоставлении жилых помещений; о проверке конституционности административного порядка выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений с санкции прокурора; о проверке конституционности отказа в возбуждении уголовного дела : постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.1993 № 2-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1994. № 1.
9. По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РФ об административных правонарушениях» в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина : постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 23, ст. 2890.
10. По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гаглоевой и А. Б. Пестрякова : постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 № 8-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. 1998. № 3.
11. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях : 7-е изд. / под ред. Н. Г. Салищевой. М., 2011. 1257 с.

The Principles of Justice and Equality in the Area of Administrative Responsibility

P. V. Nudnenko

Moscow City «Youth Center of North-East Administrative District»
124, Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129347, Russia
E-mail: nudnenko@rambler.ru

Introduction. The article is devoted to the actual concern of determining the content not enough elaborated in the science of administrative law principles of justice and equality in the sphere of administrative responsibility. **Purpose.** To open the contents of the principles of justice and equality through the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the Administrative code of the Russian Federation and the resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Results.** The article is the first in the science of administrative law allocated to legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the content of the principles of justice and equality in the sphere of administrative responsibility. **Conclusion.** In the article to draw a conclusion about the interdependence of both principles and their realization in such criteria, as a necessity, adequacy, and proportionality. The criteria of necessity suppose elucidation: all the circumstances of the case and the compliance of the circumstances of the case the regulations of the Administrative code of the Russian Federation; to reveal the reasons and conditions which led to commitment of administrative offences for determining the presence of signs of administrative offences. Adequacy and proportionality means: compliance of punishment to the circumstances, causes and conditions of the offence; the punishment within the limits established by the Administrative code of the Russian Federation or the law of the subject of the Russian Federation about administrative responsibility, stipulating responsibility for that act.

Key words: justice, equality, administrative responsibility, the Constitutional Court of the Russian Federation, necessity, adequacy, proportionality.

References

1. Administrative law: tutorial. Ed. by N. Yu. Hamaneva. Moscow, 2011. 356 p. (in Russian).
2. Vitruk N. General theory of legal responsibility. Moscow, 2008. 320 p. (in Russian).
3. Constitution of Russian Federation. Moscow, 2013. 32 p. (in Russian).
4. Code of administrative offences of the Russian Federation on date of 30.12.2001 № 195-FZ (edited on 28.12.2013). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1 (part 1), article 1 (in Russian).

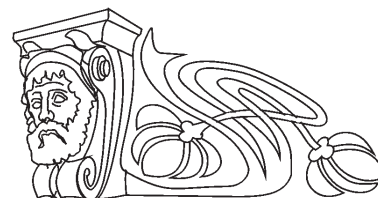
5. On the case about the verification of constitutionality of provisions of part 1, article 16.2 and part 2 of article 27.11 Code of the Russian Federation about administrative offences in connection with the complaint society with limited liability «Avesta»: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.11.2012 № 28-P. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 50 (part 6), article 7124 (in Russian).
6. On the case about the verification of constitutionality of the provisions of the first part of article 188 of the Criminal code of the Russian Federation, and part 4 of article 4.5, part 1 of article 16.2 and part 2 of article 27.11 Code of the Russian Federation about administrative offences in connection with citizens complaints V. Batalova, L. Valuevoy, Z. Ganievoy, O. Krasnoy and I. Apova: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.07.2010 № 15-P. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 29, article 3983 (in Russian).
7. On the case about the verification of constitutionality of provisions of part 2 of article 20.2 of the Code of the Russian Federation about administrative offences, paragraph 3 of part 4 of article 5, paragraph 5 of part 3 of article 7 of the Federal law “On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets” in connection with the complaint of the citizen S. Katkov: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 18.05.2012 № 12-P. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 22, article 2921 (in Russian).
8. On the case about the verification of constitutionality of the law enforcement practice that is associated with the judicial procedure of consideration of disputes on housing; about the verification of constitutionality of the administrative order of eviction of citizens from involve arbitrarily occupied residential premises with the sanction of the Prosecutor; the constitutionality of the refusal to Institute criminal proceedings: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.02.1993 № 2-P. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 1994, no. 1 (in Russian).
9. On the case about verification of constitutionality of provisions of part 2 of article 266 and paragraph 3 of part 1 of article 267 Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizens E. Arbuzovoy, O. Kollegova, A. Kutireva, R. Nasibulina: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.05.1999 № 9-P. *Collected legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 23, article 2890 (in Russian).
10. On the case about verification constitutionality of provisions of article 266 of Customs code of the Russian Federation, part 2 article 85 and article 222 Code Russian Soviet Federative Republic about administrative offences in connection with the complaint of the citizens M. Glagolevoy and A. Pestryakova: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.03.1999 № 8-P. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 1998, no. 3 (in Russian).
11. *Commentary to the Code of the Russian Federation about administrative offences*: 7th ed. Ed. by N. G. Salisheva. Moscow, 2011. 1257 p. (in Russian).

УДК 342

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ

С. В. Деманова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский государственный университет
E-mail: claire_d@bk.ru

Введение. Одной из целей принятия Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» является закрепление современных требований к образовательному процессу, связанных с внедрением новых форм реализации образовательных программ, образовательных технологий, форм и методов обучения. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования использования электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ высшего образования. **Результаты.** На примере работы Института электронного и дистанционного обучения, являющегося структурным подразделением ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», определены возможности, преимущества и недостатки элек-

тронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ высшего образования в регионе с использованием информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. **Заключение.** Организации высшего образования могут применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ высшего образования в соответствии с нормами действующего законодательства и в порядке, установленном Министерством образования и науки Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее образование, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, информационная среда, субъекты образовательного процесса.

Введение

Российская Федерация провозгласила область образования приоритетной. В последнее десятилетие Правительством РФ утвержден ряд политико-правовых документов, определяющих государственную стратегию в сфере образования, среди которых: Национальная доктрина образования в Российской Федерации [1], Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2], Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» [3]. Приоритетные направления государственной политики в сфере образования сформированы с учетом целей и задач, представленных в стратегических документах, таких как Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [4], Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы [5] и др.

Результаты

Данными программными документами предусмотрен ряд мероприятий по созданию технических и технологических условий, которые позволят всем субъектам образовательного процесса эффективно использовать современные электронные образовательные ресурсы в процессе обучения, в том числе и расширение использования дистанционных образовательных технологий. Особенно это становится актуальным в современных условиях формирования системы непрерывного образования (обучение на протяжении всей жизни – *life-long learning*).

Так, например, для решения проблемы доступности общего образования для детей-инвалидов был реализован проект по развитию системы обучения на дому с использованием дистанционных образовательных технологий [6]. В результате системой были охвачены более 70% обучающихся от общего числа детей-инвалидов.

Для обеспечения доступности сферы высшего образования в 2013 г. стал реализоваться проект по обучению на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного и более детей [7]. Право на получение бесплатного обучения на подготовительных отделениях вузов позволит молодым женщинам адаптироваться к новым социальным условиям, повысит уровень знаний, что в дальнейшем позволит им, при успешной

сдаче ЕГЭ, реализовать свое конституционное право на получение бесплатного высшего образования на конкурсной основе в организациях высшего образования. Следует заметить, что в реализации данного проекта принимает участие 51 вуз в 50 субъектах Российской Федерации. Саратовский государственный университет (далее – СГУ) входит в число вузов, участвующих в данном проекте, так как располагает подготовительным отделением и высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом, который может обеспечить высокий уровень подготовки молодых женщин. Отметим, что обучение на подготовительном отделении возможно по очной, очно-заочной и заочной формам, в том числе и с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.

В современных условиях модернизации системы высшего образования Российской Федерации все больше внимания уделяется развитию электронных образовательных интернет-ресурсов. Одной из важнейших проблем в образовательной сфере является процесс эффективного использования информационно-коммуникационных технологий. Необходимо заметить, что использование информационно-коммуникационных технологий и электронных образовательных ресурсов в сегодняшней образовательной и управленческой практике носит по большей части эпизодический характер. Таким образом, можно констатировать, что целостная электронная образовательная среда как фактор повышения качества высшего образования пока не создана.

1 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) [8], который предусматривает возможность использования электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Так, законодательно были введены и закреплены такие понятия, как «электронное обучение», «дистанционные образовательные технологии», «условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды» и др.

Под электронным обучением понимается организация учебного процесса с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, способствующих передаче

по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников (п. 1 ст. 16). Дистанционные образовательные технологии (далее – ДОТ) – это образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников (п. 2 ст. 16).

Отметим, что в соответствии с Законом № 273-ФЗ при реализации образовательных программ с применением электронного обучения и ДОТ вузы обязаны обеспечить функционирование информационно-образовательной среды, которая должна включать в себя электронные информационные ресурсы (вычислительная техника, периферийное оборудование); электронные образовательные ресурсы (базы данных, электронные библиотеки, сайты, порталы); совокупность информационных (программное обеспечение) и телекоммуникационных (компьютерные сети, сеть Интернет, Интранет, цифровое телевидение, технологии wi-fi) технологий, что позволит обеспечить освоение образовательных программ высокого качества и в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся.

Порядок использования ДОТ, утвержденный Минобрнауки РФ, устанавливает правила их использования (виды учебных занятий, требования к уровню подготовки преподавательского состава, учебно-вспомогательного персонала, учебно-методическим материалам и др.) [9].

Таким образом, образовательные организации высшего образования могут использовать электронное обучение и ДОТ при реализации образовательных программ различного уровня и направленности во всех предусмотренных законодательством об образовании формах обучения частично или в полном объеме.

По последним данным, в Европе более 90% студентов вовлечены в учебный процесс посредством электронного обучения. Более 80% вузов предоставляют услуги с использованием ДОТ.

В России получение высшего образования с использованием дистанционных образовательных технологий также является актуальным. Однако по использованию ДОТ и электронного обучения Россия занимает лишь 44-е место.

В СГУ осуществляет свою работу Институт электронного и дистанционного обучения. С 2008 г. СГУ начал разрабатывать систему дистанционного образования, которая делает воз-

можным получение образования независимо от места проживания и удаленности обучающегося от головного вуза. В настоящее время более 1 тыс. студентов обучаются по заочной форме с применением ДОТ по различным направлениям, например «Психология», «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция», профиль подготовки – «Экспертно-консультационная деятельность», «Педагогическое образование» и др. [10].

В рамках Инновационной образовательной программы СГУ были определены 12 точек установки классов дистанционного доступа (11 по Саратовской области и 1 в Волгоградской области), которые стали материально-технической базой для внедрения системы дистанционного образования «Ipsilon 2.0» в регионе. Классы дистанционного доступа выполняют функции локальных методических центров (с. Александров Гай, г. Балаково, с. Балтай, г. Вольск, г. Ершов, г. Камышин, г. Красноармейск, г. Красный Кут, г. Петровск, г. Пугачев, г. Ртищево, р.п. Степное), они оснащены оборудованием для проведения видеоконференций (проекторы, интерактивные доски, веб-камеры), объединены в локальную сеть с общим доступом к информационно-образовательным ресурсам СГУ регионального и федерального уровней, оснащены подключением к сети Интернет. Отметим, что система дистанционного образования Ipsilon – собственное уникальное программное решение Института электронного и дистанционного обучения СГУ.

Заключение

Система электронного обучения и ДОТ позволяют получить высшее образование независимо от места нахождения обучающегося (т.е. территориально удаленного от головного вуза); сочетать традиционные методики преподавания с системой видеоконференций (лекции, семинары, консультации, промежуточная аттестация и др.) в режиме реального времени, особенно при групповом обучении; дает возможность общения между студентами и преподавателями как в режиме форума, так и в системе сообщений; обеспечить доступ к базам данным электронных библиотек, а также к учебно-методическим материалам в режиме off-line, когда доступ в сеть Интернет затруднен или недоступен [11].

Однако, наряду с рядом преимуществ, необходимо остановиться на некоторых проблемных вопросах, возникающих при получении высшего образования с использованием дистанционных образовательных технологий.

Во-первых, необходима хорошая техническая оснащенность обучающихся, а именно наличие широкополосного Интернета по проводной связи и оборудования для передачи видео- и голосовой связи (web-камера, микрофон). Во-вторых, необходимость постоянного доступа к источникам информации, т.е. возможность работать в удаленном режиме с полнотекстовой базой электронных изданий и справочно-правовыми системами. Нередко в отдаленных регионах такая возможность вузами пока не реализована, а доступ к библиотечным фондам на традиционных носителях (книги, журналы и прочие материалы) у обучающихся также отсутствует. В-третьих, отсутствие очного общения обучающихся и преподавателя, т.е. нет индивидуального подхода, и еще немало важный фактор – недостаток практических занятий. Как считают некоторые исследователи, существуют особенности дистанционной педагогики. Например, в практике использования ДОТ возникает немало проблем, в том числе и методические, что ведет к разработке новой учебной методики со смещением акцента на самостоятельное изучение предметов. Кроме того, при обучении с использованием ДОТ отсутствует постоянный контроль над обучающимися и, как справедливо отмечает Л. Аверченко, возникают проблемы аутентификации пользователя при проверке знаний [12, с. 156].

Необходимо заметить, что законодательство об образовании запрещает использовать дистанционные образовательные технологии при проведении производственной практики и итоговой государственной аттестации, что совершенно правильно.

Таким образом, внедрение в образовательный процесс электронного обучения и использование ДОТ наряду с бесспорными преимуществами имеет ряд недостатков и спорных вопросов.

Итак, использование электронного обучения и дистанционных образовательных технологий будет способствовать развитию высшего образования в стране и даст возможность реализации конституционного права на высшее образование в отдаленных и труднодоступных местностях, а значит, повысит возможности граждан на получение высшего образования независимо от места жительства.

Список литературы

1. О национальной доктрине образования в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 41, ст. 4089.
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» : распоряжение Правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 21, ст. 2671.
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Рос. газ. 2008. № 34.
5. О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы : постановление Правительства РФ от 07.02.2011 № 61 (ред. от 26.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10, ст. 1377; 2014. № 2 (часть I), ст. 96.
6. Реализация мероприятия «Развитие дистанционного образования детей-инвалидов» приоритетного национального проекта «Образование» на 2011–2012 гг. : письмо Минобрнауки РФ от 10.07.2011 № 06-1277 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по организации дистанционного образования детей-инвалидов в субъектах Российской Федерации в 2011–2012 гг.») // Вестн. образования. 2011. № 22. Ноябрь. С. 55.
7. О проведении эксперимента по обучению молодых женщин в возрасте до 23 лет, имеющих одного и более ребенка, на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования : письмо Минтруда России от 13.12.2013 № 12-6/10/1-5708 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03 февраля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598; 2014. № 6, ст. 562.
9. Об использовании дистанционных образовательных технологий : приказ Минобрнауки РФ от 06.05.2005 № 137 // Рос. газ. 2005. № 179.
10. Иванова Н., Матутин А. Система дистанционного образования на платформе «Ipsilon 3.0» // Иннополис. 2012. № 2. С. 7–9.
11. Институт электронного и дистанционного обучения // Саратовский государственный университет: [сайт]. URL: <http://www.sgu.ru/structure/openedu/> (дата обращения: 15.02.2014).
12. Аверченко Л. Дистанционная педагогика // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 2. С. 150–156.

Electronic Education in a High School as a Factor of the Development of the State Education Policy in the Regions

S. V. Demanova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: claire_d@bk.ru

Introduction. One of the purposes of the Federal Act «Education in the Russian Federation» of 29 December 2012 № 273-FZ is the consolidation of modern requirements to the educational process associated with the introduction of new forms of educational programs, educational technologies, forms and methods of teaching. The article describes the legal regulation of the use of e-learning and distance learning technologies in the implementation of higher education programs. **Results.** On the example of the Institute of electronic and distance learning, a structural subdivision of the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, were identified opportunities, advantages and disadvantages of e-learning and distance learning technologies in the educational programs of higher education using of information systems, information and telecommunications networks including the Internet. **Conclusion.** Organization of higher education may use e-learning and distance education technologies in the implementation of higher education programs in accordance with applicable law and the procedure established by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Key words: higher education, e-learning, distance education technologies, information environment, subjects of educational process.

References

1. O nacional'noj doktrine obrazovaniya v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2000 № 751 [Russian Federation Government Resolution of 04.10.2000 № 751 on the National Doctrine of Education in the Russian Federation]. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2000, no. № 41, article 4089 (in Russian).
2. O koncepcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (vmeste s «Koncepciej dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda»): rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 08.08.2009) [Russian Federation Government Decree of 17.11.2008 № 1662-r (edition from 08.08.2009) on the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020 (with the «Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020»)]. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2008, no. 47, article 5489 (in Russian).
3. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya na 2013–2020 gody»: rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 15.05.2013 № 792-r [Russian Federation Government Decree of 15.05.2013 № 792-r on Approval of the state program of the Russian Federation «Development of Education for 2013–2020»]. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 21, article 2671 (in Russian).
4. Strategija razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 07.02.2008 № Pr-212) [Strategy of Information Society Development in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation 07.02.2008 № Pr-212)]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2008, no. 34 (in Russian).
5. O Federal'noj celevoj programme razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.02.2011 № 61 (red. ot 26.12.2013) [Government Decree of 07.02.2011 № 61 (edition from 26.12.2013) on the Federal Target Program of Education Development for 2011–2015]. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 10, article 1377; 2014, no. 2 (part 1), article 96 (in Russian).
6. Realizacija meroprijatija «Razvitie distancionnogo obrazovaniya detej-invalidov» prioritetnogo nacional'nogo proekta «Obrazovanie» na 2011–2012 gg.: pis'mo Minobrnauki RF ot 10.07.2011 № 06-1277 «O metodicheskimi rekomendacijami po organizacii distancionnogo obrazovaniya detej-invalidov v subektah Rossijskoj Federacii v 2011–2012 gg.» [Implementing the measure «Development of distance education for disabled children» priority national project «Education» for 2011–2012: A letter from the Russian Ministry of Education 10.07.2011 № 06-1277 «About methodical recommendations» (with the «Guidelines for the organization of distance education for children disabled children in the Russian Federation in 2011–2012»)]. *Educational journal*, 2011, no. 22, November. P. 55 (in Russian).
7. O provedenii jeksperimenta po obucheniju molodyh zhenshhin v vozraste do 23 let, imejushhijh odnogo i bol'see rebenka, na podgotovitel'nyh otdelenijah federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya: Pis'mo Mintruda Rossii ot 13.12.2013 № 12-6/10/1-5708 [A letter from the Ministry of Labour of Russia 13.12.2013 № 12-6/10/1-5708 on the Experiment to train young women aged under 23 years who have one child or more children at the preparatory departments of the federal government educational institutions of higher education]. *SPS Konsul'tant Pljus* (in Russian).
8. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29.12.2012. № 273-FZ (red. ot 03.02.2014) [Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ (edition from 03.02.2014) on Education in the Russian Federation]. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (pt. 1), article 7598; 2014, no. 6, article 562 (in Russian).

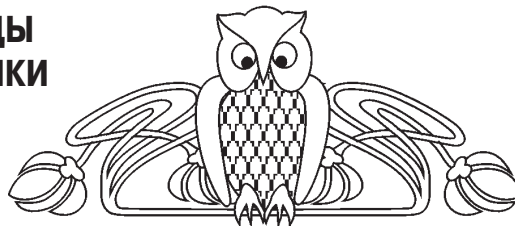
9. Ob ispol'zovanii distancionnyh obrazovatel'nyh tehnologij: prikaz Minobrnauki RF ot 06.05.2005 № 137 [On the use of remote educational technologies. The order of the Russian Ministry of Education 06.05.2005 № 137]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2005, no. 179 (in Russian).
10. Ivanova N., Matutin A. Sistema distancionnogo obrazovaniya na platforme «Ipsilon 3.0» [System of distance education platform «Ipsilon 3.0»]. *Innopolis*, 2012, no. 2, pp. 7–9 (in Russian).
11. Institut jelektronnogo i distancionnogo obuchenija [Institute of Electronic and distance learning]. *Saratov State University*. Sait. Avialable at: <http://www.sgu.ru/structure/openedu/> (accessed 15 February 2014).
12. Averchenko L. Distancionnaja pedagogika [Distance education]. *Personnel officer. Personnel management*, 2011, no. 2, pp. 150–156 (in Russian).

УДК 342

МЕСТО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СВОБОДЫ В КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

А. С. Бурданова

аспирант кафедры конституционного и муниципального права,
Саратовский государственный университет
E-mail: gons.anna@yandex.ru

Введение. Особенность современных европейских конституций связана с закреплением активной роли государства в экономических отношениях. Это связано с тем, что по своей сущности конституция является продуманной моделью юридического оформления наиболее важных сторон жизни отдельного лица и общества в целом, она «формирует механизм сочетания национальных ценностей и идеалов с процессами, характерными для современной цивилизации в целом независимо от социальных, национальных или территориальных рамок, в которых она развивается» [1, с. 66]. **Теоретический анализ.** В настоящей статье в рамках исследования места и роли предпринимательской свободы в конституционной модели, ее влияния на процесс государственного управления экономикой были проанализированы соответствующие конституционные положения Конституции РФ и Основного закона ФРГ. **Заключение.** Государственное управление экономикой зависит от правовой, экономической, политической и социальной системы, главным образом, заложенной в Конституции страны. Среди базисных принципов «экономической конституции» в России и Германии особое место занимает предпринимательская свобода, которая является одним из главных элементов социально ориентированной экономики, конституционной основой стабильности и предсказуемости государственного экономического управления, позволяет сохранить баланс между социальными и экономическими правами и свободами.

Ключевые слова: конституционная модель экономики, государственное управление экономикой, социальное государство, предпринимательская свобода.

Введение

Необходимость упорядочения экономической жизни общества и влияния государства на экономику привела к формированию концепции «экономической конституции». Усилиями экономистов и юристов Германии, Франции, Испании, Италии, США, Португалии создана теоретическая конструкция, встроенная в систе-

му конституционного права, которая пытается объяснить, как Конституция регулирует экономические отношения [2, с. 4]. В нормативно узком значении экономическая конституция – совокупность определенным образом взаимосвязанных конституционных институтов, принципов и норм, регулирующих экономические отношения [3, с. 10]. Особое место в конституционной модели экономики занимает предпринимательская свобода. Доктрина конституционного права рассматривает свободу экономической (предпринимательской) деятельности в качестве важнейшего элемента экономической конституции социально ориентированной рыночной экономики [4, с. 24].

Теоретический анализ

В современный период становления российского конституционализма, основная идея которого заключается в развитии элементов демократии и правовой государственности, наблюдается дальнейшее развитие конституционной экономики, основанной на конституционном экономическом строе России. По мнению Г. А. Гаджиева, конституционная экономика «позволила связать в единое целое такие разнородные и противоречивые явления, как свобода экономической деятельности и интервенция государства в сферу экономики. Будучи сопряженной с концепцией социального государства, экономическая Конституция превращается в конституционно-правовую основу социально ориентированной рыночной экономики» [2, с. 4].

Стоит отметить, что в ряде работ немецких ученых распространен термин «экономическое

конституционное право», под которым подразумевается совокупность конституционных правовых норм и принципов, связанных между собой и регулирующих основы экономической политики и управления экономикой на уровне высшего права, например Основного закона [5, с. 285]. Историческое формирование института «экономического конституционного права» в Германии после Первой мировой войны было вызвано теоретическим интересом к экономике послевоенного периода и впоследствии подтвердило «всеобъемлющую ориентацию» задач государства. Глава «Экономическая жизнь» Веймарской Конституции заложила новые государственные представления в сфере экономики, в которых принцип экономической свободы был тесно связан с ответственностью государства за социальную справедливость. Так, ч. 1 ст. 151 Веймарской Конституции установила, что «экономический правопорядок должен соответствовать принципу справедливости, цель которой гарантировать достойную жизнь для всех. Экономическая свобода отдельного лица должна гарантироваться в этих пределах» [6]. Основной закон ФРГ 1949 г. продолжает конституционную социально-экономическую традицию и базируется на соразмерности экономической свободы личности и социальной справедливости в обществе, закрепляя, с одной стороны, общую свободу экономического развития (ст. 1), в том числе неприкосновенность предпринимательской инициативы, а с другой – социальную ответственность собственника (ч. 2 ст. 14). Таким образом, можно сделать вывод, что основу экономической конституционной идеи в Германии составляет сбалансированность частных и публичных интересов, вытекающих, прежде всего, из конституционной гарантированности свободной экономической деятельности и необходимой социальной поддержки, материально основанной на перераспределенных государством экономических благах, получаемых в том числе и от субъектов предпринимательской деятельности. Можно согласиться, что государство, закрепляя в конституциях нормы о своих функциях в экономике, берет на себя новое конституционное обязательство, защищая основные экономические права, соблюдать разумную меру в применении ограничительных правовых средств [2, с. 5].

Конституция Российской Федерации 1993 г. определяет в ст. 1 и 7, что Россия является демократическим, правовым и социальным государством. Указание на правовой характер российской государственности (одним из принципов которого выступает свободный рынок) и право на свободное занятие предпринима-

тельской деятельностью (ст. 34) подразумевает существование рыночной экономики. Соединение таких элементов конституционного строя России, как правовое социальное государство, с одной стороны, и рыночное хозяйство, с другой, позволяет полагать, что российскому экономическому конституционализму близка конституционная модель Германии (ч. 1 ст. 20, ч. 2 ст. 109 Основного закона), закрепляющая социальное рыночное хозяйство (Soziale Marktwirtschaft) и сочетающая в себе не только экономический порядок, но также социальный и политический.

Основоположники данной конституционной идеи (В. Ойкен, Ф. Бем, В. Репке, А. Рюстов, А. Мюллер-Армак) полагали, что высокая эффективность рыночного порядка сама по себе не является достаточной, чтобы гарантировать его долгосрочную стабильность, если только он не включен в социальный порядок, обеспечение которого для многих людей является наиболее болезненным вопросом (имеются в виду экономическая безопасность, проблемы перераспределения и т.д.) [7, с. 86].

Конституция России закрепляет условно выделяемые две группы правоотношений, которые являются основой «экономической конституции»: относящиеся к основам экономического конституционного строя и относящиеся к экономическим правам и свободам человека и гражданина. Статья 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку и защиту конкуренции, свободу экономической деятельности, признает и защищает многообразие и равноправие различных форм собственности. Статья 34 гарантирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, ограничивая монополию и недобросовестную конкуренцию. Кроме того, важной основой установленной Конституцией экономической деятельности является право свободно выбирать род деятельности и профессию (ст. 37), право частной собственности (ст. 35, 36), право свободно образовывать объединения и союзы (ст. 30), которое предполагает свободу выбора организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, право на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), конституционные гарантии предпринимательства (ч. 2 ст. 34, ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 75), конституционные основы государственного управления (в том числе вмешательства) экономической деятельностью (ст. 71, 72, 74, 75 и др.). Помимо этого, полагаем, что существенным ядром экономической консти-

туции являются нормы и принципы, закрепляющие конституционный социальный порядок; в первую очередь, определяющие Россию социальным государством, в котором гарантируется социальная поддержка материнства, отцовства и детства, достойный уровень жизни граждан, а также закрепляющие основные социальные права человека и гражданина. Именно баланс экономических и социальных прав, частных и публичных интересов является конституционной идеей российского экономического и социального правопорядка, оказывающего существенное влияние на государственное управление экономикой и, соответственно, на реализацию конституционного права на свободное занятие предпринимательской деятельностью.

Термин «предпринимательская свобода» прямо не содержится ни в Конституции Российской Федерации, ни в Конституции Федеративной Республики Германия. Однако он может выводиться из основных конституционных принципов, регулирующих экономику. Статья 8 Конституции РФ и ст. 1 Основного закона ФРГ закрепляют свободу экономической деятельности. Поскольку предпринимательство является видом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ прямо закрепляет предпринимательскую деятельность разновидностью экономической деятельности), то свобода экономической деятельности по смыслу вышеназванных конституционных норм означает предпринимательскую свободу. По нашему мнению, предпринимательская свобода является важнейшим элементом конституционной модели экономики, гарантией свободного развития личности в экономической сфере.

Классическое понимание «фронта защиты» предпринимательской свободы направлено против изменения мер и регуляторов государственного вмешательства в экономику [8, s. 357]. Гюнтер Дюрих отмечает, что «сущность свободы предпринимательской деятельности равна сущности Magna Charta (Великая хартия вольностей) и направлена как против экономической системы государственного социализма и командной экономики, которая фактически запрещает свободное предпринимательства, так и против тех дирижируемых экономических систем, в которых частное предпринимательство формально остается, но излишне до мельчайших деталей регулируется» [9, s. 14]. В этом смысле Ханс Петер Ипсен уточняет: «Сущность свободы предпринимательства, неприкасаемого для излишнего государственного планирования и управления, производна от модели экономической конституции, заложенной в Основном законе» [10, s. 99].

Полагаем, что предпринимательская свобода является краеугольным камнем экономической конституции. Она является одним из главных элементов социально ориентированной экономики, конституционной основой стабильности и предсказуемости государственного управления экономикой, позволяет сохранить баланс между социальными и экономическими правами и свободами.

Заключение

На наш взгляд, экономическая конституция воспроизводит заложенные в Конституции страны теоретические идеи о роли государства в экономике. Ключевые принципы, закрепленные в основах конституционного строя, основных правах человека и гражданина, являются базисом для государственной экономической политики и государственного управления экономикой, допустимого вмешательства государства в предпринимательскую свободу.

Конституционно закрепленная модель социально ориентированной экономики в России и Германии требует от государства не только обеспечивать конкуренцию и гарантировать свободную предпринимательскую деятельность, но и поддерживать социальную справедливость в обществе. Поэтому, на наш взгляд, влияние государства в экономике должно являться также выражением социально-правовой характеристики экономической политики. При этом экономическая политика и управление экономикой не являются «свободно-государственной сферой». «Государственная свобода» ограничивается основополагающими правами и свободами человека. Практическая значимость предпринимательской свободы обусловлена необходимостью определения конституционных основ экономической политики государства, его возможностью влиять на происходящие экономические процессы и права участников рыночных отношений.

Список литературы

1. *Эбзеев Б. С.* Конституция, правовое государство, конституционный суд : учеб. пособие для вузов. М., 1996. 349 с.
2. *Гаджиев Г. А.* Экономическая Конституция. Конституционные гарантии предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1. С. 4–16.
3. *Андреева Г. Н.* К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 9–13.
4. *Андреева Г. Н.* Социально-ориентированная рыночная модель экономической конституции : постановка

- проблемы // Публично-правовое регулирование экономических отношений. Альманах центра публично-правовых исследований. Вып. 2. М., 2010. С. 2–24.
5. Badura P. *Besonderes Verwaltungsrecht*. München, 2009. 285 s.
 6. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11 August 1919. URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/verfassung/index.html> (дата обращения: 20.12.2013).
 7. Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // *Вопр. экономики*. 1995. №12. С. 86–95.
 8. Badura P. Die Unternehmensfreiheit der Handelsgesellschaften // *Die öffentliche Verwaltung*. 1990. № 9. S. 345–357.
 9. Durig G. In Maunz/Dürig. Art. 2. Abs. 1 (Bearbeitung 1958). Rn. 46. Karlsruhe, 1958. 280 s.
 10. Ipsen H. P. *Rechtsfragen der Wirtschaftsplanung*. Nürnberg, 1998. 240 s.

Place of the Business Liberty in Constitutional Model of the Economy in Russia and Germany

A. S. Burdanova

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: gons.anna@yandex.ru

Introduction. The Particularity modern european constitution is connected with fastening active dug the state in economic relations. This is connected with that that model of the legal registration of the most important sides is thought-out on its essence Constitution to lifes of the separate person and society as a whole, she «forms the mechanism of the combination of national valuables and ideal with process, typical of modern civilization regardless of social as a whole, national or territorial frames, in which she develops» [1, p. 66]. **Theoretical analysis.** In persisting article within the framework of study of the place and dug the business liberty in constitutional model, her(its) influences upon process of state management economy were analysed corresponding to constitutional positions to Constitutions RF and Main Law FRG. **Conclusion.** State management economy depends on legal, economic, political and social system, mainly, mortgaged in Constitutions of the country. Amongst base principle «economic Constitution» in Russia and Germany special place occupies the business liberty, which is one of the main element social-oriented economy, constitutional base to stabilities and предсказуемости state economic management, allows to save the balance between social and economic rights and liberty.

Key words: constitutional model of the economy, state management economy, social state, business liberty.

References

1. Ebzeev B. S. *Konstitutsiya, pravovoe gosudarstvo, konstitutsionnyi sud: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The Constitution, legal state, constitutional sud: a scholastic allowance for high school]. Moscow, 1996. 349 p. (in Russian).
2. Gadzhiev G. A. *Ekonomicheskaya Konstitutsiya. Konstitutsionnye garantii predprinimatel'skoi (ekonomicheskoi) deyatelnosti* [The Economic Constitution. The Constitutional warranties business (economic) to activity]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal foreign legislation and comparative], 2009, no. 1, pp. 4–16 (in Russian).
3. Andreeva G. N. K voprosu o ponyatii ekonomicheskoi konstitutsii [To question about notion of the economic constitution]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal right], 2010, no. 7, pp. 9–13 (in Russian).
4. Andreeva G. N. *Sotsial'no-orientirovannaya rynoch-naya model' ekonomicheskoi konstitutsii: postanovka problemy* [Social-oriented market model to economic constitution: stating the problem]. *Publichno-pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii. Al'manakh tsentra publichno-pravovykh issledovaniy* [Publicly-legal regulation of the economic relations. The Almanac of the centre publicly-legal studies]. Iss. 2. Moscow, 2010, pp. 2–24 (in Russian).
5. Badura P. *Besonderes Verwaltungsrecht*. München, 2009. 285 s.
6. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11 August 1919. Available at: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/verfassung/index.html> (accessed 20 December 2013).
7. Vanberg V. «Teoriya poryadka» i konstitutsionnaya ekonomika [«Theory of the order» and constitutional economy]. *Voprosy ekonomiki*, 1995, no. 12, pp. 86–95 (in Russian).
8. Badura P. Die Unternehmensfreiheit der Handelsgesellschaften. *Die öffentliche Verwaltung*, 1990, no. 9, ss. 345–357.
9. Durig G. In Maunz/Dürig. Art. 2. Abs.1 (Bearbeitung 1958). Rn. 46. Karlsruhe, 1958. 280 s.
10. Ipsen H. P. *Rechtsfragen der Wirtschaftsplanung*. Nürnberg, 1998. 240 s.